

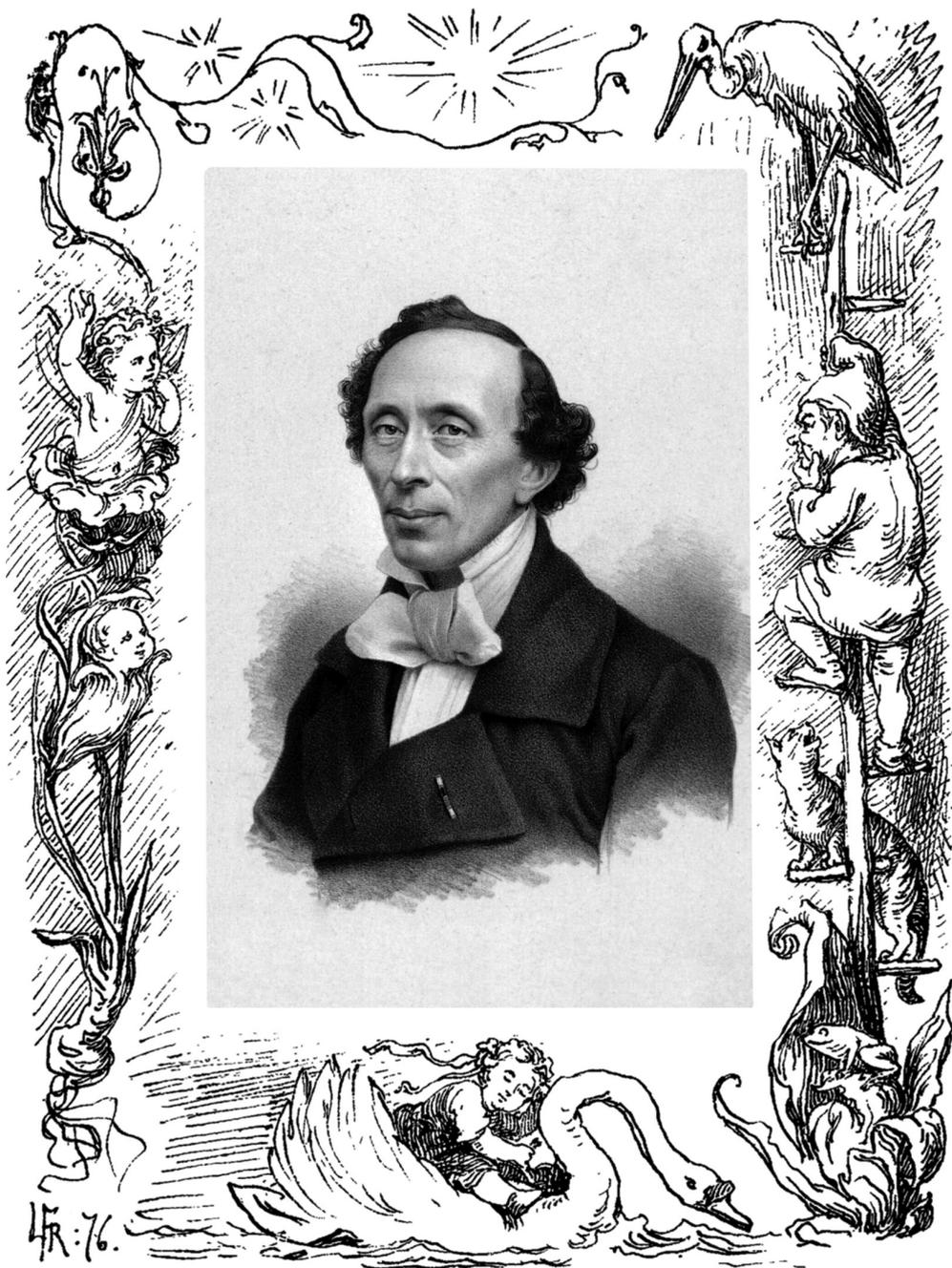
Ханс Кристиан
АНДЕРСЕН
ЗАБЫТЫЕ
ИСТОРИИ

СВЫШЕ СТА ИЛЛЮСТРАЦИЙ
В. ПЕДЕРСЕНА, Л. ФРЁЛИХА,
А. БАЙЕСА, М. СТОУНА

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*Портрет Х. К. Андерсена (1805–1875)
в рамке из сказочных персонажей,
нарисованных Л. Фрелихом в 1876 году.*

Ханс Кристиан Андерсен

ЗАБЫТЫЕ ИСТОРИИ

Сказки и истории Андерсена,
оставшиеся за рамками традиционных
русскоязычных изданий,
а также прижизненных сборников автора

Иллюстрации

В. Педерсена, А. Фрёлиха, А. Байеса, М. Стоуна

творческое объединение
Алькор

*Совместный проект издательства СЗКЭО
и переплётной компании
ООО «Творческое объединение „Алькор“»*

Санкт-Петербург
СЗКЭО

ББК 84(4)-44
УДК 821.113
А65

*Аннотация, вступительная статья, составление,
перевод, комментарии Кобозев Д. Р.*

Первые 100 пронумерованных экземпляров от общего тиража данного издания переплетены мастерами ручного переплета ООО «Творческое объединение „Алькор“».

Классический европейский переплет выполнен из натуральной кожи особой выделки растительного дубления.

Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.

Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.

6 бинтов на корешке ручной обработки.

Использовано шелковое ляссе, золоченый каптал из натуральной кожи, форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги Malmero с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока с трех сторон методом механического торшонирования с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом.

Оформление обложки пронумерованных экземпляров разработано в ООО «Творческое объединение „Алькор“»

А65 Андерсен Х. К. Забытые истории. — Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2022. — 224 с., ил.

Ханс Кристиан Андерсен (1805–1875) — всемирно известный датский писатель-классик, поэт, романист, драматург, автор путевых очерков и мемуаров. Однако главным в его творчестве были и остаются по сей день сказки и истории, вернее, сборники сказок и историй, в каждом из которых отдельные произведения связаны единством идейно-художественного содержания: «Сказки, рассказанные детям» (1835–1837), «Новые сказки» (1843–1848), «Истории» (1852–1855), «Новые сказки и истории» (1858–1872).

В предлагаемую книгу вошли оставшиеся вне традиционных детских изданий писателя малоизвестные и неизвестные русскому читателю сказки и истории, переведенные с датского и комментированные литературоведом, филологом и переводчиком Дмитрием Кобозевым. Им же отредактированы и несколько дореволюционных переводов супружеской четы Ганзен, публикуемых здесь.

© СЗКЭО, 2022

© Кобозев Д. Р., аннотация,
вступительная статья, составление,
перевод, комментарии, 2022

ISBN 978-5-9603-0741-3 (7БЦ)
ISBN 978-5-9603-0742-0 (Кожаный переплет)

*Памяти проф. А. Ю. Брауде, основоположника
российского андерсеноведения,
посвящается*

«... ТВОЙ ДРУГ Х. К. АНДЕРСЕН»

По воспоминаниям современников, всемирно известный датский писатель-классик Ханс Кристиан Андерсен (1805–1875) мог сотворить сказку из чего угодно. Датский поэт-романист Б. С. Ингеманн писал ему: «Счастливы вы человек! Начнете рыться в уличной канаве — найдете жемчужину!» Андерсен был поистине гением импровизации и равно блистал в кругу взрослых слушателей и ребятишек, подкупая последних присущей ему необыкновенной способностью подстраиваться под детское мирозерцание и язык детей. Э. Коллин в своем труде «Х. К. Андерсен и семья Коллин» (1882) сообщает: «Я хорошо помню, что он много возился с моими детьми, когда они были маленькими, очень забавлялся их замечаниями, которыми и пользовался при случае».

«Дорогой Вильям! — писал сказочник 27 августа 1868 года Вильяму Мельхиору (1861–1868), сыну своего друга, датского инженера, фабриканта и фотографа-любителя Исраэля Мельхиора. — Здравствуй! Поздравляю! Всего сладкого и хорошего в новом году жизни! Письмо мое перелетит к тебе по воздуху через страну, где выделяются ютландские

горшки, в которых будут стряпать тебе обед, через соленую воду, где подрастают для тебя рыбы, которых ты скушаешь когда-нибудь, через Зеландию, где растут орешки, которые ты будешь щелкать, и яблоки, от которых у тебя заболит животик. Что ж, маленьких бед не миновать, не то все мы объелись бы яблоками! Итак, мое письмецо у тебя! Здравствуй! Поздравляю! Всего сладкого и хорошего! — Твой друг *Х. К. Андерсен*»¹.

Писатель запечатлел Вильяма, ушедшего из жизни в семилетнем возрасте, в своей первой «американской» сказке «Вельможные карты» (1869).

Однако, пожалуй, наиболее ярким примером общения сказочника с малышами является его дружба с Марией Энрикес (1866–1944) — младшей дочерью богатого коммерсанта Мартина Энрикес. Андерсен сблизился с этим семейством на излете своего жизненного пути и частенько навещался как в копенгагенский салон Энрикес, так и в их загородное поместье Петерсхой. Малютка Мария была буквально без ума от старого писателя, которого называла «Андерс», и еще в двухлетнем возрасте объявила себя его подружкой и невестой. Тот, в свою очередь, создал для Марии чудесный альбом, повествующий о ее путешествии с нянькой Сидсе, увековечил девочку в сказке «Что сказала вся семья» (1870) и писал ей прелестнейшие письма наподобие этого (от 7 июня 1870 года):

«Милая малютка Мария!

Папе и маме придется прочесть тебе мое письмо, ведь сама ты пока этого сделать не можешь... Вчера я спустился в сад, который простирается тут до самого моря... Сажусь я на прибрежный камень и вижу большую белую птицу, что зовется чайкой. Летела эта чайка прямо на меня, словно намеревалась огреть своими крыльями; но, слава Богу, она лишь прокричала:

— Ма-ма-ри!

— Чего-чего? — переспросил я.

— Ма-ма-ри! — вновь раздалось в ответ, и тут до меня дошло, что «Ма-ма-ри!» должно означать «Мария».

— А! — воскликнул я, — так ты передаешь мне привет от Марии?

¹ Перевод А. и П. Ганзен. — *Здесь и далее примеч. Д. Р. Кобозева.*

Мария Эрикес в 1869 году.

Вильям Мельхиор со своей сестрой Биргитте.

— Да-да! Ма-ма-ри! — только и сумел я разобрать, поскольку язык чаек не очень похож на человеческую речь.

— Спасибо за привет! — поблагодарил я, и чайка улетела.

В саду мне повстречался воробушек:

— Ты прилетел издалека?

— Издалека, издалека! — ответил он.

— В Петерское бывал? — спросил я.

— Бывал, бывал, бывал! — прочирикал воробей.

— Марию видал?

— Видал, видал, видал! — услышал я.

— Ты ведь опять туда полетишь? — сказал я. — Так передай привет Марии!

— Передам, передам! — заверила птаха.

Если воробей еще не побывал у тебя, то обязательно прилетит, но прежде вот тебе мое письмо. Воробушка можешь потискать, только не

задуши его. Шлю привет всем добрым людям, всем славным животным и всем прелестным цветам, что увянут раньше, чем я их увижу. Сущее удовольствие отдыхать за городом, купаться, уплетать всякую всячину и получить послание от своего дружка! — *Х. К. Андерсен*».

В один из сентябрьских деньков 1871 года за обедом в Петерсхое пятилетняя Мария Энрикес отказалась есть суп якобы из-за слишком жесткой моркови. Тогда на помощь родителям пришел сидевший тут же Андерсен. Он поведал маленькой строптивнице забавную историю про морковку, убедившую девочку поспешно проглотить остатки супа.

Хотите узнать, что за историю сочинил старый сказочник для своей «невесты» в качестве вознаграждения?

Ее и многие другие, столь же увлекательные, но оставшиеся вне традиционных детских изданий писателя, малоизвестные и неизвестные в России сказки и истории мы предлагаем вам прочитать на страницах этой книги.

Кстати, по преданию, сохранившемуся в семействе Энрикес, «помолвка» вышеописанной парочки расстроилась весьма неожиданно. Однажды вечером на стол подали пышущий жаром яблочный пирог.

Х. К. Андерсен читает свои сказки в обществе за чайным столом.

Рисунок К. Хартманна, 1845.

Гостивший у друзей Андерсен поспешил положить себе в рот крупный кусок и сильно обжегся. Пирог и вставные зубы писателя тут же оказались выплюнутыми на тарелку, что вызвало всеобщее замешательство.

Не растерялась лишь Мария:

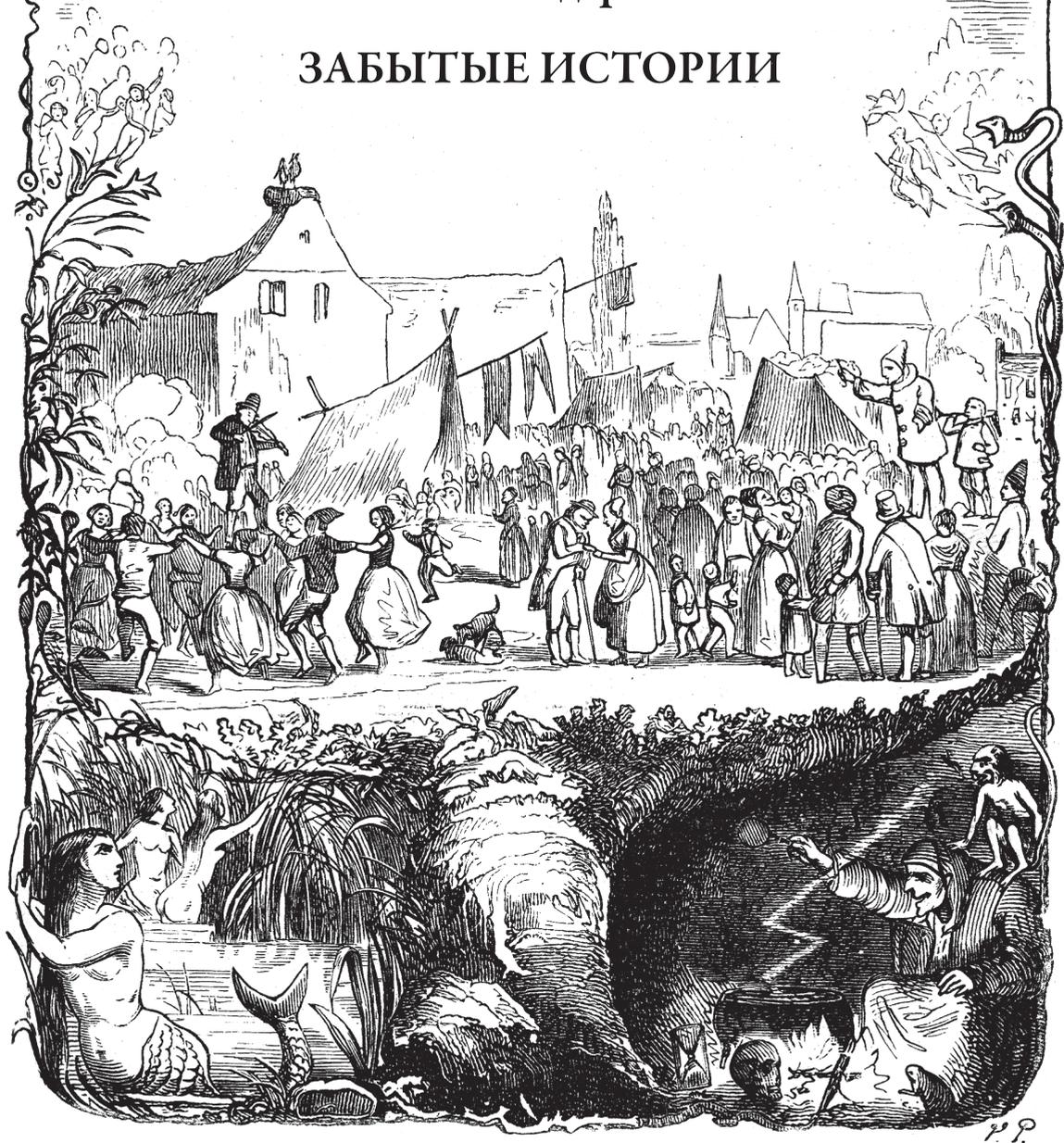
— Ну и свинья же ты, Андерсен! — воскликнула она.

Этот эпизод и положил конец их романтическим отношениям.

Дмитрий КОБОЗЕВ

Х. К. Андерсен
ЗАБЫТЫЕ ИСТОРИИ

САЛЬНАЯ СВЕЧА

*Госпоже Бункефрод
от ее покорного слуги
Х. К. Андерсена*

Ух ты, как забурлило да зашкворчало, когда под котлом разгорелся огонь! То была колыбель сальной свечи — из разогретой колыбели выскользнула она, совершенная, крепкая, ослепительно-белая, тонкая и такая гладкая, что всякому, кто видел ее, свеча казалась обещанием света и лучезарного будущего — обещанием, в исполнении которого, впрочем, никто и не сомневался.

Овца — славная маленькая овечка — была свече матерью, а плавильный котел — отцом¹. От матери достались ей блестящее белое тельце и лишь смутное представление об устройстве мира, зато от отца — страсть к пламенеющему огню, что однажды озарит ее, проникнув в самую ее сердцевину.

Да, так свеча появилась на свет, обрела форму — и с самыми радостными предчувствиями бросилась в объятия жизни. Ей пришлось иметь дело с превеликим множеством незнакомых существ, ведь свеча стремилась познать мир и — кто знает? — быть может, найти в нем свое предназначение. Но о мире она, увы, думала слишком хорошо, в то время как он был озабочен лишь самим собой, а вовсе не судьбой сальной свечи. Мир не понял, сколь ценна была свеча, а посему решил использовать ее для своей выгоды. С ней обращались как попало: черные пальцы оставляли все больше и больше пятен на ее изначальной белой невинности, — и вот невинность померкла, вся покрылась грязью окружающего мира, подступившего к ней слишком близко — гораздо ближе, чем может вынести беззащитная свеча. Она уже не понимала, где чисто, а где сажа — хотя внутри по-прежнему оставалась неоскверненной.

Когда ее ложные друзья увидели, что до этой незапятнанной сердцевины им не добраться, они в ярости отшвырнули свечу как бесполезную побрякушку.

Однако гадкий налет сажи отталкивал от свечи и все хорошее, — ее сторонились, боясь перепачкаться.

И вот бедняжка осталась совсем одна, всеми покинутая, не зная, что ей делать. Хорошее отвергло ее, и теперь она понимала, что была лишь орудием в дурных руках. Свече было невероятно грустно, ведь она так плохо прожила свою жизнь! Похоже, она просто измарала лучшее из того, что ее окружало. Она не могла постичь, для чего была создана, в чем было

¹ Как правило, сальные свечи изготавливались путем многократного макания фитиля в растопленное сало (говяжье или овечьё). К раме, подвешенной над плавильным котлом, прикрепляли несколько десятков фитилей одинаковой длины. С помощью рычага раму много раз опускали и поднимали. Когда свечи приобретали нужную толщину, их срезали и еще теплыми катали по гладкой каменной поверхности, отчего они становились гладкими, без наплывов. Макушке обязательно придавали форму конуса, чтобы было красиво, а кончик фитиля подравнивали.

ее предназначение, зачем появилась она на земле — быть может, чтобы погубить себя и других?

Чем дольше и усердней она размышляла, тем тоскливей ей становилось, и не видела она ничего хорошего внутри себя, никакого смысла в своей жизни, никакой цели в своем существовании. Как будто сажа не только покрыла ее тело, но и застила ей глаза.

Но вот она повстречала маленький язычок пламени — это было огниво. И оказалось, что огниво знает свечу куда лучше ее самой. Ясным, лучистым взором посмотрело оно прямо сквозь грязную оболочку — и увидело, как прекрасна свеча изнутри; тогда огниво приблизилось к ней, и сияющая надежда охватила свечу — она загорелась, и сердце ее растаяло.

Пламя ее было подобно торжественному свадебному факелу. Светлое, яркое, оно взметнулось вверх и озарило все вокруг, — под пламенным взором свечи окружавшие ее настоящие друзья обрели возможность поиска истины.

Свеча была достаточно крепкой, чтобы нести и питать сияющее пламя. Капля за каплей скатывались по ее стволу вниз, словно ростки новой жизни — большие, круглые — они покрывали собой ее тело, и под ними исчезла старая сажа.

То были плоды союза не только плоти, но и духа.

Так сальная свеча обрела свое предназначение, сознавая, что свет ее — истинный, и светила она еще долгие годы на радость себе и всем вокруг.

ЭЛЬФЫ ЛЮНЕБУРГСКОЙ ПУСТОШИ

Из двадцати пассажиров, выехавших из Гамбурга, нас осталось под конец в дилижансе всего шестеро. Один был веселый остроумный гамбургский студент. Он нашел, что мы теперь составляем как бы семейный кружок, а члены такого кружка непременно должны знать друг друга. Он не спрашивал, однако, наших имен, а только откуда мы родом, и сообразно с этим давал каждому из нас имя какой-нибудь знаменитости. Таким образом, составиля целый кружок знаменитых людей. Меня, как датчанина, он назвал Торвальдсеном¹, а соседа моего, молодого англичанина, — Шекспиром². Сам студент уж не мог удовлетвориться именем

¹ *Торвальдсен Бертель* (1770–1844) — датский художник, скульптор, ярчайший представитель позднего академического классицизма.

² *Шекспир Уильям* (1564–1616) — знаменитый английский драматург, поэт и актер.

меньшей знаменитости, чем Клаудиус¹. Относительно же трех пассажиров, наших визави, он был в некотором затруднении. Наконец, двум из них — восемнадцатилетней девушке и ее дяде, старому аптекарю из Брауншвейга, — он подобрал имена Мумме² и Гейнриха Лёве³, но последняя пассажирка, ехавшая только до Люнебурга, так и осталась без имени, — мы не нашли ни одной знаменитости из ее родного города Люнебурга, знаменитого солью⁴.

Мы прокатили через него, не увидав ни одной из его достопримечательностей, даже окорока той знаменитой свиньи, которая восемьсот лет тому назад открыла соляные источники⁵. Хруст песка под колесами дилижанса, шелест ветвей, свист ветра и звуки почтового рожка сливались вместе в усыпляющую колыбельную песню. Пассажиры один за другим начали клевать носами, цветы в букетах, заткнутых за переплеты окон дилижанса, проделывали как будто то же самое движение всякий раз, как дилижанс встряхивало. Я закрыл глаза, потом опять открыл их, продолжая дремать или, по крайней мере, грезить. Взор мой приковала одна большая гвоздика в моем букете. Все цветы сильно благоухали, но эта гвоздика, казалось, превосходила все остальные цветы и запахом, и яркостью красок. Всего же забавнее было то, что в чашечке ее сидело крохотное воздушное прозрачное существо величиною не больше одного лепестка самого цветка. Это был гений цветка. В каждом цветке обитает ведь такой гений, который живет и умирает вместе с цветком. Крылышки его были того же цвета, как и лепестки гвоздики, но так нежны и тонки, что казались лишь отражением красок цветка в лучах месяца. Золотистые

¹ *Клаудиус Маттиас* (1740–1815) — немецкий поэт и публицист.

² *Мумме* — название известного немецкого пива, созданного в 1492 г. пивоваром Кристианом Мумме из Брауншвейга.

³ *Лёве Гейнрих* (ок. 1129–1195) — герцог Саксонский и Баварский, оставшийся в истории как могущественный лидер.

⁴ *Люнебург* — немецкий город, прославившийся своими огромными соляными залежами.

⁵ «Schwein gehabt» — «Заимел свинью», — говорят немцы, если повезло, подфартило. Согласно легенде, именно свинья привела жителей Люнебурга к источнику их благосостояния. Однажды местные охотники убили дикого кабана. На его щетине они обнаружили засохшую соль и, отправившись по следу, нашли болотце с водой, насыщенной солью.

кудри гения, воздушнее цветочной пыли, вились по его плечам и слегка волновались от ветра.

Вглядевшись в другие цветы, я заметил, что и в каждом из них сидело по такому же созданыцу. Их крылышки и одеяния тоже казались отражением красок тех цветов, в которых они обитали. Они покачивались на нежных благоухающих лепестках, пели и смеялись, но так тихо, что мне чудились в воздухе лишь нежные тихие звуки Эоловой арфы¹.

Скоро в открытое окно кареты влетели еще сотни эльфов всех видов. Они вылетели из темных сосен и степных цветов. То-то поднялась возня, смех, пение и пляска! Они пролетали под самым моим носом и не задумались даже устроить пляс прямо у меня на лбу! Эльфы, вылетевшие из сосен, напоминали дикарей с копьями и пиками, но были так же легки и воздушны, как тот легкий туман, который при первых лучах утреннего солнышка подымается из окропленной росой чашечки розы. Малышки делились на отдельные партии и давали целые представления, которые и снились во сне пассажирам, — каждому свое.

Молодому веселому гамбургскому студенту снился Берлин; целая толпа эльфов изображала немецких студентов, некоторые же — заправских филистеров с длинными трубками в зубах и дубинками в руках. Студенты стояли сплошными рядами, как будто собрались на лекцию; один из сосновых эльфов вскарабкался, как настоящий Гегель², на кафедру и начал говорить такую ученую и витиеватую речь, что я не понял из нее ни полслова.

Другая партия эльфов плясала на губах англичанина и целовала их, а ему снилось, что он целует свою невесту, глядит в ее ласковые, умные глаза.

Перед молодой девушкой эльфы разыграли серьезную сцену из ее собственной жизни; слезы текли по ее щекам, а малышки эльфы, улыбаясь, гляделись в них, как в зеркало, и вот в каждой слезинке, скатившейся по щекам спящей девушки, светилась невинная улыбка!

¹ *Эолова арфа* — музыкальный инструмент с жильными струнами одинаковой длины, но разной толщины, натянутыми над продолговатым ящиком-резонатором и размещенный в ветреном месте. Ветер играет на струнах, производя тем самым приятный, нежный звук.

² *Гегель Георг* (1770—1831) — немецкий философ-идеалист.

Старому аптекарю досталось от них хуже всех: он наступил на один из цветков и раздавил его вместе с его маленьким гением. Эльфы уселись старику на ноги, и ему приснилось, что он совсем лишился их и скачет по улицам Брауншвейга на деревьяшках, а все соседи и прохожие останавливаются и смотрят на него. Но скоро малюткам стало жаль старика, и они вернули ему ноги, мало того — снабдили его еще крыльями, так что он мог даже летать! Это было презабавно, и старик даже расхохотался во сне.

Перед купцом из Дрездена, севшим к нам в Люнебурге, они изобразили гамбургскую биржу со всеми ее евреями и маклерами и подняли курс так высоко, как он еще никогда не подымался. Так могут поднять его только такие воздушные пузыри, да и то лишь во сне.

На меня они долго не обращали никакого внимания.

— Этот длинный, бледный человек — поэт! — сказал, наконец, один из них.

— А ему мы разве ничего не покажем? — сказали другие. — Да ведь он и так видит нас! Будет с него!

— А не показать ли ему то, что мы видим сами? Проснувшись, он бы спел об этом другим людям!

Долго совещались они, обсуждая вопрос: достоин ли я такой чести, но так как под руками не было другого лучшего поэта, то я и удостоился посвящения. Эльфы поцеловали мои глаза и уши, и я как будто стал совсем новым и лучшим человеком.

Я взглянул на обширную Люнебургскую пустошь, слывущую такую не красивою. Бог мой, чего только не наговорят люди! Впрочем, то, что они говорят, зависит ведь от их умения видеть и слышать. А что же видел я? Каждая песчинка была блестящим обломком скалы, длинные стебли травы, осыпанные пылью с дороги, — чудеснейшим шоссе для малюток эльфов. Из-за каждого листочка выглядывало крохотное улыбающееся личико. Сосны смотрели настоящими вавилонскими башнями и от нижних ветвей до самых вершин кишмя кишели эльфами. Самый воздух тоже был переполнен этими причудливыми созданыцами, светлыми и быстрыми, как лучи света. Пять-шесть цветочных гениев неслись на спинке белой бабочки, которую спугнули со сна. Другие строили замки из аромата цветов и лунного сияния. Вся пустошь являла собой волшебный мир, полный чудес! Как дивно был соткан каждый лепесток! Какою жизнью дышал каж-

дый сосновый отросток! Каждая пылинка отличалась своим цветом и построением! А бесконечное, необъятное, безбрежное небо над пустошью?!

Существует поверье, что морская дева может обрести бессмертную душу тогда только, если ее полюбит на жизнь и на смерть человек и, окрепив ее, вступит с ней в брак. Малюткам эльфам не так много нужно. Слеза раскаяния или искреннего сострадания, выкатившаяся из глаз человека, уже является для них крещением, дарующим им бессмертие. Вот почему они всегда и вьются около людей. Когда же из нашей груди вырывается кроткий благочестивый вздох, они возносятся вместе с ним прямо на небо и там, под лучами вечного источника, вырастают в ангелов.

Пала роса, и я увидел, как эльфы резвились на ее каплях. Некоторые поэты уверяют, будто эльфы купаются в каплях росы, но где же этим легким существам, порхающим по пушинкам одуванчика, даже не шевеля их, где им заставить расступиться под собою плотные водяные капли? Нет, они твердо стоят на этих круглых каплях и катятся вместе с ними в своих легких воздушных одеяниях — прелестные, миниатюрные изображения катящейся на шаре Фортуны!¹

Вдруг налетел порыв ветра, и я проснулся. Все исчезло, но цветы благоухали по-прежнему, а в окна дилижанса глядели свежие зеленые ветви березок. По случаю Троицы почтальон убрал ими весь дилижанс. Старик аптекарь потянулся со сна и промолвил:

— А и здесь можно видеть сны!

Но ни ему, ни другим пассажирам и в ум не приходило, что я был посвящен в содержание их снов.

Встало солнце. Мы все сидели молча; должно быть, каждый из нас возносился мыслью к Богу, прислушиваясь к щебетанию птиц, певших гимн Троице, и к проповеди собственного сердца.

¹ *Фортуна* — древнеримская богиня счастья, случая и удачи.

КОРОЛЬ ГОВОРИТ: «ЭТО ЛОЖЬ!»

— Что дают сегодня вечером в театре? — спросил я в Брауншвейге.

— Чудеснейшую вещь! — ответил трактирный слуга. — «Три дня из жизни игрока»!¹

Я уже слышал об этой сенсационной пьесе, прошумевшей на всю Германию, и, как ни испечен был за день лучами солнца, как ни измучен с дороги, все-таки отправился в театр.

Пьеса делилась не на акты, а на дни; между каждым предполагался промежуток в пятнадцать лет. Два дня я выдержал, но больше не мог. Зри-

¹ «Три дня из жизни игрока» — мелодрама, основанная на французской пьесе Виктора Дюсанжа (1783–1833).

тели были обречены на сущее мучение: скамейки являлись настоящими скамьями истязаний, а я и без того был весь разбит с дороги.

Первый день кончился тем, что игрок убил своего отца, другой — тем, что он всадил пулю в живот совершенно невинному человеку. Кровь во мне так и вскипела: а что как на третий день он покончит и со всеми зрителями? Вот ужас! Только в «Каторжниках»¹ я и испытал нечто подобное.

На обратном пути домой мне повсюду мерещились подонки человечества, несчастные матери и проигравшиеся игроки. Я был взволнован и, чтобы успокоиться как-нибудь, начал напевать колыбельную песню, а потом рассказывать себе самому детскую сказочку. Послушай ее и ты, читатель!

«Пока копенгагенские граждане остаются еще маленькими карапузиками, не бывавшими нигде дальше Фредериксбергского сада да букового леса, бабушки и няньки постоянно угощают их рассказами о заколдованных принцессах и принцах, о золотых горах и говорящих птицах. Немудрено, что детишки часто задумываются о волшебной стране, где водятся такие чудеса. Только где же она? Да уж, верно, там, далеко-далеко, за морем, где оно сливается с небом! Но стоит карапузикам подрасти, поступить в школу и познакомиться с географией — прощай, страна чудес!.. Бог с ней, однако, с этой географией! Мы остановимся пока на стране чудес. В стране этой много-много лет тому назад, когда еще никому и не снились ни моя авторская деятельность, ни «Три дня из жизни игрока», жил-был старый седой король. Он слепо верил в свет и людей и не мог даже представить себе, чтобы кто-нибудь когда-нибудь лгал. Ложь казалась ему чем-то несуществующим, фантастическим. Вот он раз возьми да и объяви в совете, что отдаст дочь и за нею полкоролевства в приданое тому, кто скажет ему нечто, прямо невероятное.

Все подданные преусердно принялись учиться лгать и лгали один лучше другого, но добряк король всякую ложь принимал за правду. Под конец

¹ Скорее всего, Андерсен имеет в виду пьесу «Каторжник на галерах или сыновья любовь» Фенульо де Фальбера (1727–1800). Эта драма в стихах («L'honnête criminel») была основана на подлинной истории протестанта Жана Фабра, который, приняв на себя наказание, ожидавшее его престарелого отца, добровольно подверг себя каторге на галерах. В Датском королевском театре шла с 1796 по 1816 гг.

король даже затосковал, плакал, утирал глаза своей королевской мантией и вздыхал:

— Ах, да неужто ж мне никогда никому не доведется сказать: "Это ложь!"

Дни шли за днями, и в одно прекрасное утро приходит красивый молодой принц. Он был влюблен в принцессу, и она отвечала ему взаимностью. Целых девять лет изощрялся он во лжи и теперь надеялся добиться невесты и полкоролевства. Он попросился у короля в огородники.

— Хорошо, сын мой! — сказал король и повел его в огород.

В огороде росло видимо-невидимо капусты: кочаны были сочные, огромные, но принц скорчил гримасу и спросил:

— Это что?

— Капуста, сын мой! — ответил король.

— Капуста? В матушкином огороде растет капуста такая, что под каждым листом уместится целый полк солдат.

— Возможно! — сказал король. — Природа так могуча и каких-каких только не производит плодов!

— Ну, так я не хочу быть огородником! — сказал принц. — Возьмите меня лучше в овинные старосты.

— Хорошо; а вот и овин¹ мой. Видал такие большие?

— Такие? Поглядел бы ты, какой овин у моей матери! Представь себе, когда его строили и плотник работал топором на крыше, топор как-то сорвался с топорница и полетел на землю, но, пока долетел, ласточка успела свить в отверстии обуха гнездо, положить яйца и вывести птенцов! Да ты, пожалуй, скажешь, что я вру?

— Зачем? Нет! Искусству человеческому нет пределов! Почему ж бы и твоей матери не построить себе такого овина?

Так и пошло; принц не добился ни королевства, ни прелестной принцессы; и она, и он зачахли с горя; король ведь поклялся: «Руку моей дочери получит лишь тот, кто солжет мне!»

Но, увы! Его доброе сердце не хотело верить в ложь. Наконец, он умер, но не нашел покоя даже в своей мраморной гробнице и, говорят, до сих пор еще бродит по земле, томимый все тем же желанием».

¹ *Овин* — помещение для сушки снопов перед молотьюбой.

Только что я досказал себе эту сказку, в дверь моей комнаты постучали. Я крикнул: «Войдите!» — и представьте мое удивление! Вошел старый король в короне, со скипетром в руках!

— Я слышал, как ты вспоминал историю моей жизни, — сказал он, — и это заставило меня явиться к тебе. Не услышу ли я от тебя какой-нибудь лжи? Тогда бы я успокоился!

Придя в себя, я стал объяснять ему, что именно побудило меня рассказывать себе самому историю его жизни, и упомянул о «Трех днях из жизни игрока».

— Расскажи мне эту пьесу! — попросил он. — Я охотник до страшных историй. Мне самому ведь довелось на старости лет сделаться страшилищем!

Я начал рассказывать ему всю пьесу, сцену за сценой, и нарисовал ему полную картину изображенной в ней человеческой жизни. Тут лицо короля прояснилось, он схватил меня за руку и восторженно воскликнул:

— Вот это ложь, сын мой! Ничего такого на свете не бывает! Теперь я спасен!

И он исчез.

ЗАТОНУВШАЯ ОБИТЕЛЬ

(По немецкому народному преданию Готтшалька)

Неподалеку от Нойенкирха¹, среди дремучего леса, притаилась уединенная полянка. Она раскинулась по берегам небольшого озера; редко кто сюда навевается, да ведь и место это мало кому знакомо. От черных елей, окружающих полянку, веет глубокой тоской и безотчетным ужасом, что набрасывает таинственный покров на этот уголок, где не щебечут птицы, и куда не заглядывают солнечные лучи. Само же озеро чрезвычайно глубокое, что является еще одной причиной сторониться этого места.

Много сотен лет назад здесь стоял женский монастырь с высокими башнями, краснокаменными стенами, на которых были высечены фигуры святых.

¹ *Нойенкирх* — селение, расположенное в Саксонии, где имеется рыцарское поместье XV в. и церковь 1723 г.

Однажды темной, ненастной зимней ночью добрал до этой обители нищий, больной старик. Он совсем выбился из сил, потому и решил попросить приюта и ночлега под сенью монастырских стен и постучал в ворота, но привратница была ленивой, жестокосердной женщиной — уж больно хлопотно в такую стужу показалось ей идти вниз отпирать все замки и запоры. Поэтому она сердито крикнула старику, чтобы тот убирался и искал себе ночлег в другом месте. Однако странник был до того истощен и так сильно продрог, что не мог и шагу ступить; он снова и снова просил впустить его, жалобно стенал, плакал, но тщетно: ни настоятельницу, ни всех других монахинь не тронули его страдания. И только одна-единственная послушница, которая не дала еще монашеского обета, прониклась жалостью к несчастному старику и умоляла сестер впустить его в обитель, но монахини только посмеялись над ней, поглумились над ее добрыми чувствами и оставили старика наедине с непогодой.

Меж тем ненастье разыгралось пуще прежнего. Тогда убогий странник коснулся стены своим посохом, и в то же мгновение жестокосердная обитель провалилась в бездну. Дым и пламя вырвались из ужасной пропасти, которая затем заполнилась водой. К утру буря утихла, а на том месте, где прежде сверкал в солнечных лучах золотой крест на высокой монастырской звоннице, теперь простиралась водная гладь озера.

Добросердечная послушница, которая пожалела старика, искренне, всей душой, любила одного из самых благородных рыцарей тех краев. Оттого-то обитель и стала ее темницей. Однако не раз ночью порой рыцарь тайком пробирался через лес к уединенному монастырю. И в то время, когда все вокруг было объято сном, влюбленные беседовали через решетку кельи и частенько расставались уже на рассвете.

По обыкновению, пришел он и в ту ненастную ночь. Но как затрепетало его сердце от боли и тревоги, когда он не увидел обители на прежнем месте, а лишь услышал, как ревет и клокочет вода, укрытая густыми клубами дыма. Ломая руки, он рыдал и так громко выкрикивал любимое имя, что голос его, несмотря на бурю, разносился далеко вокруг.

— Всего лишь раз, один-единственный раз, — тоскливо твердил он, — приди в мои объятия!

Вдруг из бездны, над которой пенилось бурное озеро, раздался голос:

— Будь завтра, в одиннадцать часов ночи, на этом самом месте! Ты увидишь на поверхности воды алую, как кровь, шелковую нить, потяни ее к себе!

Голос умолк. В горькой тоске и печали воротился рыцарь домой, не ведая, что уготовано ему судьбой. Однако в назначенный час он снова пришел к озеру и сделал все, как велел ему голос.

Дрожащей рукой схватил он алую, как кровь, нить, потянул за нее — и перед ним предстала его возлюбленная.

— Неисповедимый рок, — молвила она, — который вверг меня, ни в чем неповинную, в бездну вместе с виноватыми, позволил мне каждую ночь, с одиннадцати до двенадцати, беседовать с тобою; преступать же этот час мне никак нельзя — иначе ты больше никогда меня не увидишь. И никто другой, кроме тебя, не должен меня видеть, иначе незримая рука перережет нить моей жизни.

Долго, очень долго продолжались ночные свидания на берегу озера, и всякий раз, стоило рыцарю потянуть за алую, как кровь, шелковую нить, из синих вод появлялась его возлюбленная. Оба они были так счастливы своими тайными встречами и ничуть не боялись, что кто-нибудь застанет их в этом безлюдном, внушающем страх месте. Но зависть и злоба выследили рыцаря, и однажды чужой человек подглядел, как влюбленные рука об руку гуляют по берегу. Когда на следующую ночь рыцарь приблизился к милому озеру, воды его в ясном свете луны адели, словно кровь. Трепетной рукой он схватился за нить — но она побелела и была обрезана.

Стеная, метался рыцарь по берегу, ломал руки и призывал свою возлюбленную. Но тщетно. Никто ему не ответил. Тогда безутешный юноша бросился в озеро, и воды сомкнулись над ним.

БЕДНАЯ ЖЕНЩИНА И МАЛЕНЬКАЯ КАНАРЕЙКА

Жила на свете несчастная бедная женщина; питаться горемычной было нечем, супруг же ее скончался, надобно похоронить его, да при этакой бедности и гроб-то купить не на что! И никто не хотел ей помочь, ни один человек, вот она и плакала, умоляя милосердного Господа о помощи, ведь Он так милостив ко всем нам.

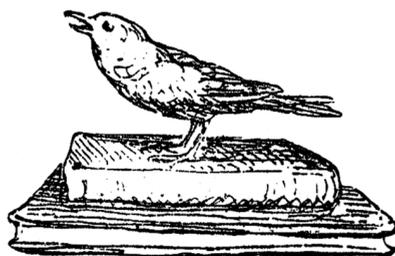
Окно стояло открытым, и вдруг в него влетела крохотная птичка. Это была канарейка, которая выпорхнула из своей клетки и совершила удивительный полет над крышами; теперь же, очутившись в комнатке несчастной женщины, она села у изголовья мертвеца и чудо как прелестно запела — словно хотела сказать бедняжке: «Не кручинься, неужели ты не слышишь моей радости!»»

Бедная женщина насыпала на ладонь немного хлебных крошек и помянула к себе пташку. Та спорхнула к ней на руку и принялась клевать — она была так мила!

В это время кто-то постучал в дверь. Вошла другая женщина, увидела маленькую канарейку и сказала, что это, вероятно, та самая птичка, о которой нынче писали в газете: она, оказывается, улетела от неких людей, живущих на этой улице.

И вот несчастная женщина отправилась с пташкой-певуньей к тем людям, а они были очень рады видеть целой-невредимой свою беглянку и спросили, где она отыскалась; страдалица и рассказала им, как канарейка залетела к ней в окно, села у изголовья ее усопшего мужа да запела так дивно, что она даже плакать перестала, хотя бедность вконец ее замучила, ведь и гроб для покойника купить не на что, не говоря уже о еде.

Ну, хозяева канарейки и пожалели ее, ведь были хорошими, добрыми людьми, да и больно-то радовались возвращению птички! Купили они гроб для мужа бедняжки и наказали ей приходить в их дом каждый день — здесь, мол, она найдет и еду, и питье. Страдалица не помнила себя от счастья и возблагодарила милосердного Господа за ниспосланную ей, когда она пребывала в глубокой скорби, прелестную маленькую канарейку.

КОРОТКИЕ ИСТОРИИ

(Из немецкого)

1. БАСНЯ-ТО ПРО ТЕБЯ СЛОЖЕНА!

Мудрецы древности придумали гениальный способ говорить людям правду, при этом не выставляя их на посмешище. Они давали им заглянуть в своего рода волшебное зеркало, в котором являлись всевозможные звери и диковинные вещи. Зрелище это было столь же забавным, сколь и поучительным. Его называли басней, и абсолютно все поступки животных, представленные в том зеркале, разумные или глупые, люди могли примерить на себя и подумать: басня-то про тебя сложена! Вот никому и не было обидно. Приведем-ка пример.

На вершинах двух высоких гор красовались когда-то два замка. Внизу же, по долине рыскала голодная собака, вынюхивая, нет ли поблизости

мышей или куропаток. Вдруг наверху, в одном из замков, раздался звук трубы, возвещая, что там садятся за трапезу. Собака тотчас помчалась на эту гору, надеясь, что и ей перепадет кусочек, но когда она была на полпути, труба умолкла, зато начали трубить из другого замка. «Пока я доберусь доверху, здесь уже успеют отобедать, в другом же замке только созывают к столу», — подумала собака и побежала к другой горе. Но теперь первая труба зазвучала снова, а вторая умолкла. Собака вновь сбежала вниз и вновь помчалась на гору — так она и металась от одной горы к другой до тех пор, пока не смолкли обе трубы, а это означало, что трапеза закончилась в обоих замках.

Ну, а теперь догадайтесь-ка, что мудрецы древности хотели сказать этой басней, и кто тот глупец, который, зная себе, носится без толку до изнеможения туда-сюда?

2. ТАЛИСМАН

Принц и принцесса праздновали еще свой медовый месяц. Счастливы они были чрезвычайно, и только одна мысль не давала им покоя: как на всю жизнь сохранить их теперешнее счастье? По этой причине и захотелось им обладать талисманом, который мог бы уберечь их от любых семейных неурядиц.

Прознали они, что живет в лесу человек, известный своею мудростью и умением дать дельный совет на любой случай. К нему-то парочка и отправилась. Принц с принцессой рассказали мудрецу о своем сердечном желании. Выслушав их, он молвил:

— Отправляйтесь-ка странствовать по белу свету, и когда повстречаете совершенно счастливых и всем довольных мужа с женою, испросите у них по маленькому лоскутку от их нательных сорочек; а коли получите, вы всегда должны держать эти лоскутки при себе. Вот самое верное средство!

И принц с принцессой отправились на поиски. Вскоре услышали они от людей о некоем рыцаре, который жил со своею супругой в совершенном счастье. Тогда поехали они в замок рыцаря и спросили его и его жену, действительно ли так счастлив их союз, как об этом все говорят.

— Все верно, — ответили им, — одно только огорчает: детей у нас нет!

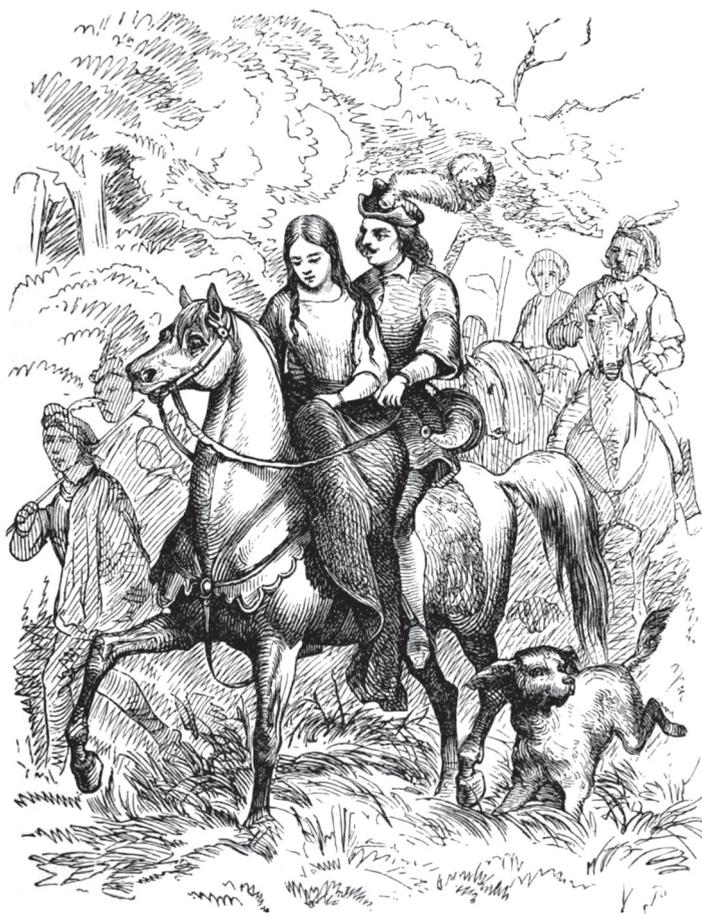
Это означало, что здесь талисмана не найти, поэтому принц и принцесса продолжили свой путь в поисках счастливых и всем довольных супругов.

И вот приехали они в город, где, по слухам, некий добропорядочный человек жил душа в душу со своею женой. К нему-то они и обратились с вопросом, действительно ли он так счастлив в браке, как о том говорит молва.

— Что ж, это правда! — отвечивал горожанин. — Мы с женой — не разлей вода, и все бы у нас было хорошо, да только вот детей слишком много, столько с ними забот и огорчений!

Выходит, и здесь талисмана не раздобыть, так что принц с принцессой отправились дальше, всюду выпрашивая о счастливых и довольных семейных парах, но таких нигде не встречалось.

Однажды ехали они полями да лугами и заметили сидящего неподалеку от дороги пастуха, который весело играл на свирели. И видят они, что к нему идет женщина с грудным младенцем, другого же ребенка, мальчика, она ведет за руку. Как только пастух увидал ее, он поспешил к ней

навстречу, поздоровался, взял на руки младенца, расцеловал и приласкал его. Собака пастуха с радостным лаем подскочила к старшему мальчику и лизнула ему ручонку. Меж тем женщина развернула горшок, который принесла с собой, и молвила:

— Поешь-ка, отец!

Пастух сел трапезничать, но первый кусок он отдал малютке, а второй поделил между старшим сынишкой и собакой.

Видя и слыша все это, принц и принцесса подошли поближе, поздоровались и спросили:

— Уж вы-то, должно быть, самые что ни на есть счастливые и довольные супруги?

— Что правда, то правда! — ответил пастух. — Бог не даст соврать! На свете нет ни одного принца с принцессою счастливее нас!

— Послушайте же, — попросил принц, — окажите нам услугу, и вы никогда не пожалеете об этом: дайте нам только по небольшому лоскутку от своих нательных сорочек!

Услыхав его просьбу, пастух как-то странно переглянулся со своей женой и, наконец, сказал:

— Видит Бог, мы бы и рады дать вам не по лоскутку, а по целой сорочке, если б они у нас были, да только ведь нет у нас ничего такого!

Так и поехали дальше ни с чем принц и принцесса. Расстроенные, утомленные долгими напрасными скитаниями, повернули они, наконец, домой. Проезжая мимо хижины мудреца, эти двое зашли к нему, рассказали подробности путешествия и упрекнули его за то, что он дал им такой плохой совет.

Мудрец на это хитро улыбнулся и спросил:

— Такой ли уж напрасной была ваша поездка? Разве не вернулись вы домой умудренные опытом?

— Да, — ответил принц, — я уяснил для себя, что счастье и довольство — редкие гости на этом свете.

— А я, — добавила принцесса, — поняла, что для счастья и довольства нужно только одно — просто быть счастливым и довольным!

Тут принц взял ее за руку, и поглядели они друг на друга с такой безграничной любовью! Мудрец же благословил их и сказал:

— Истинный талисман отыскали вы в своих сердцах! Бережно храните его, и тогда злой дух недовольства никогда не будет иметь власти над вами!

3. ЖИВ ЕЩЕ СТАРЫЙ БОГ!¹

Было воскресное утро. Яркое солнышко озаряло комнату и согревало своим теплом, в то время как ласковый, освежающий ветерок струился в открытое окно. А снаружи, где поля и луга были покрыты зеленью и цветами, под голубым Божьим чертогом, звенел ликующий птичий хор. Тогда

¹ Старинная датская поговорка.

как веселье и довольство царили в природе повсюду, в доме поселились скорбь и нищета. Даже хозяйка, которая раньше всегда была в хорошем расположении духа, сидела в это утро за завтраком с подавленным видом; в конце концов, она встала, не притронувшись к еде, утерла глаза и направилась к двери.

В самом деле, казалось, будто бы кто-то наложил проклятие на этот дом. Жизнь была так дорога, прокормиться было так трудно, налоги становились все более обременительными, год за годом домашнее хозяйство приходило в упадок все больше и больше, и теперь, наконец, нечего было ожидать, кроме нищеты и убогости. Давно уже все это угнетало хозяйки на мужа, который, в сущности, был прилежным, трудолюбивым человеком. Теперь же мысль о будущем приводила его в отчаяние — да, много раз он даже порывался покончить со своим несчастным и безнадежным существованием! Ни слова утешения его добродушной супруги, ни полезный хозяйственный или духовный совет друзей не помогали ему. Все это лишь делало его еще более молчаливым и печальным. Оттого-то легко понять, почему его бедная жена, наконец, тоже утратила свою бодрость

духа. Тем не менее, существовала совершенно иная причина ее грусти, которую мы скоро узнаем.

Когда хозяин увидал, что жена его тоже опечалена и собирается выйти из комнаты, он остановил ее и сказал:

— Не пущу до тех пор, пока не расскажешь мне, что с тобою стряслось!

Немного помолчав, она вздохнула и ответила:

— О, дорогой супруг, прошлой ночью мне приснилось, будто Господь умер, и все ангелы провожали его к могиле!

— Как ты можешь верить этакой нелепости! — сказал муж. — Ты ведь знаешь, конечно, что Господь бессмертен!

Доброе лицо жены озарилось счастьем, и она воскликнула, с нежностью сжав обе мужнины руки:

— Значит, наш дорогой Господь-то все еще жив!

— Ну, конечно! — удивился муж. — Как ты могла усомниться в этом!

Супруга устремила на него любящий взор, выразивший доверие, умиротворенность и счастье, обняла и сказала:

— Ах, милый муженек, но если Господь все еще жив, зачем мы не надемся и не доверяем Ему! Ведь Он пересчитал каждый волосок на наших

головах; ни один из них не будет потерян без Его ведома. Он украшает лилиями землю, дает пищу воробушкам и вóронам!

Словно пелена была снята с очей мужа, словно тяжкий груз пал с его сердца от этих слов. Он улыбнулся впервые за долгое время и поблагодарил свою кроткую, благочестивую супругу за хитроумную уловку, к которой она прибегла, чтобы возродить в нем веру в Бога и вернуть надежду.

А в комнате солнышко сверкало на счастливых лицах людей еще дружественней, легкий ветерок еще нежнее ласкал их улыбающиеся уста. Птицы же еще громче воспели искреннюю, сердечную хвалу Господу.

4. ХАНС И ГРЕТА

Жили на свете два брата. Каждый владел прекрасным наделом земли, и поскольку они были соседями, то частенько хаживали друг к другу в гости и разговаривали о хозяйстве, да о достатке. Один хвалился честностью его работника, другой же — ловкостью своей служанки. У старшего брата был великолепный жеребец, у младшего — красивая кобыла, оба одного цвета и роста. Вот об этих-то животных и заходила каждый раз речь: старший брат хотел купить кобылу младшего, тот же, напротив, не отказался бы от жеребца. Что ж, согласны они были только в том, что оба животных должны принадлежать одному хозяину, но никак не могли договориться между собой.

Однажды, когда в очередной раз речь зашла о жеребце и кобыле, младший брат воскликнул:

— Ну, так спорим, что я получу жеребца без твоего ведома? Более того, твой честный работник сам мне его приведет!

— Спорим, — согласился старший. — Мой жеребец против твоей кобылы, что этого не случится. Если работник захочет украсть его, он мне сам об этом скажет.

— Это ты так думаешь! — возразил младший.

— Да я уверен в его честности!

Пари было заключено, и братья разошлись.

На следующее утро младший брат позвал свою служанку и рассказал ей о пари с братом:

- Теперь я надеюсь на твою сноровку!
— Можете на меня положиться! — заверила его Грета и тем же вечером отправилась к работнику старшего брата.
— Доброго вечера, Ханс!
— Спасибо, Греточка!
— Трудисься, как всегда...

— Да, ведь это мой долг, моя обязанность.

— Я слыхала, твой хлев такой аккуратный, ни дать ни взять, кукольный шкафчик. Да теперь я и сама это вижу!

Ханс был польщен и пригласил Грету войти внутрь. Она же похвалила то, что стоило похвалы, и помогла с тем, что работнику еще необходимо было сделать.

«Эта Грета, пожалуй, симпатичная и милая девушка!» — подумал Ханс.

На следующий день, в субботу, Грета пришла снова.

— Доброго вечера, Ханс!

— Спасибо, Гречка!

— Ты не сердись, что я сегодня опять пришла?

— Нет, с чего бы это?

— Ты уже свободен на сегодня?

— Да, я уже все сделал! И очень торопился! А знаешь почему? Потому что мне подумалось: может, Гречка заглянет сегодня?

Они присели поболтать. Ханс заметил, что Грета умеет складно говорить, да к тому же весьма умная девушка. Он возьми да и спроси ее: не хочет ли она пойти с ним на танцы в это воскресенье.

Грета согласилась, и они протанцевали до глубокой ночи, когда девушка воскликнула:

— Бог мой, уже так поздно! Мне ведь надо быть дома! Седлай-ка своего коня и отвези меня!

Ханса не надо просить дважды. Посадил Грету на коня, и поскакали они сквозь темную ночь. Чтобы девушка не упала, Ханс обхватил ее рукою и всю дорогу твердил о ее благосклонности к нему. Грета считала, что настал подходящий момент высказать все, что у ней на сердце: что ее хозяин хочет заполучить жеребца, на котором они сейчас скачут, и что он пообещал ей большое вознаграждение, и когда она получит его, оно станет хорошим приданным.

— Ты ведь сможешь, дорогой Ханс? — спросила она и поцеловала работника.

Бедняга Ханс! Теперь ему придется выполнить просьбу девушки — хочет он того или нет. Но как скрыть от хозяина кражу?

— Надо что-то придумать, — решила Грета. — Скажи хозяину, что во время поездки на тебя напали волки, и коня пришлось бросить.

Волки же обглодали его до костей. Можешь даже привести господина сюда, а я позабочусь о том, чтобы завтра на этом месте лежали обглоданные лошадиные кости.

На том и порешили. Грета ускакала на коне, а Ханс отправился домой пешком.

Дома он никак не мог уснуть, его терзала мысль о том, как он завтра будет лгать своему хозяину. Не лежалось Хансу в постели, он вылез из нее и решил поупражняться во лжи. Вышел за дверь, обернулся и постучал — представил, что за дверью — его хозяин:

— Доброго утра, Ханс!

— Спасибо, господин!

— Как там жеребец?

— Э-э-э, господин! Жеребец... — тут он запнулся и не мог говорить дальше. Вышел снова за дверь и повторил:

— Доброго утра, Ханс!

— Спасибо, господин!

— Как там жеребец?

— Э-э-э, господин! Жеребец... — и опять он замолчал, ложь застряла в горле и тяжким камнем лежала на сердце.

Спозаранку он отправился в комнату к хозяину.

— Доброго утра, Ханс!

— Спасибо, господин!

— Как там жеребец?

— Э-э-э, дорогой господин! Жеребец... — он запнулся было на мгновение, но продолжил, — жеребец похищен, и вор — я, теперь меня остается только повесить!

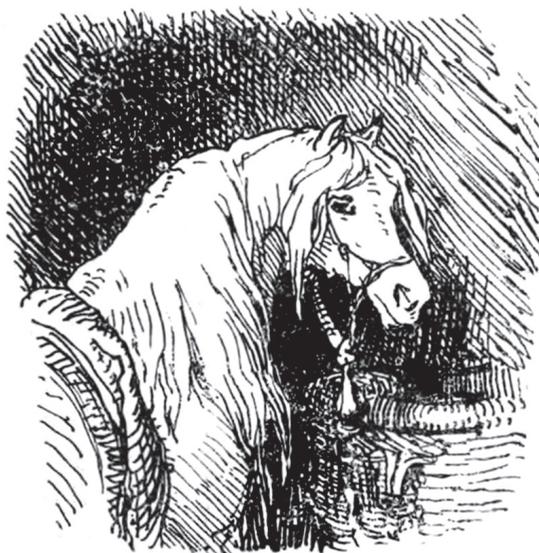
Затем Ханс рассказал, как все произошло, упомянув о том, что сообщила ему Грета.

— Так что жеребец у брата господина, — заключил он.

Хозяин был обрадован подтвердившейся честностью работника, простил его и пообещал вознаграждение — такое же, как брат его обещал служанке.

— Теперь важно, чтобы ты женился на Грете, — сказал хозяин. — Тогда ты приведешь ее в мой дом, и у меня будет не только честный работник, но и ловкая служанка.

Ханс не мог и мечтать об этом. Честность победила в пари, и тому, кто положился на хитрость, пришлось лишиться и служанки, и кобылы. Да так, в сущности, и должно было произойти!

5. ГОЛУБЫЕ ГОРЫ

Неподалеку от гор обосновалась тихая и набожная община людей. Члены ее питались той кашею, что старательность их помогала добыть им с земли, тем молоком, что получали они от животных, пасшихся на лугу. Трапеза их проходила в удовлетворении и благодарности Господу. Утренней порою люди выходили на свежий воздух и, обратив свои взоры к востоку, молились незримому Богу, который подымал в небеса солнце из-за этих прекрасных голубых гор, устремлял вниз водные потоки, напояющие их поля и луга, насылал непогоду с громом и молниями, исполненную царственного великолепия.

Но был в общине человек, который хотел подобраться к горам настолько близко, что смог бы исследовать водное течение, ветер и воздух. Однажды он отправился туда и осуществил свое намерение.

Через некоторое время человек этот воротился и провозгласил собравшимся общинникам:

— Любезные братья! То, что вы возомнили себе о голубых горах и Боге — неправда! Мы глубоко заблуждались. При ближайшем рассмотрении предметы сии предстали предо мною в совершенно ином, отличном от наших воззрений, свете. Горы, которые отсюда кажутся столь прекрасно голубыми, — в действительности, лишь неровные и бесплодные камни; воды, что струятся из ущелий — дикие и разрушительные горные потоки; ветер и воздух — суть природные миражи, происходящие сами по себе; солнце же встает далеко за этими горами, и Бога, которого мы воображали себе, там нет.

Члены общины пришли в замешательство от слов человека, суждения которого имели значительный вес, некоторые даже возмущенно зароптали: «Так наши предки обманули нас! Мы верили в сказку, как во что-то реальное!» И с тех пор они перестали возносить молитвы Богу, который творил чудеса в голубых горах, но и работать стали с неохотой, жили в постоянной неудовлетворенности.

Нашлись среди них такие, кто сами отправились в горы, чтобы увидеть все воочию — да только утомили себя напрасными хождениями вверх и вниз, а многие сорвались в пропасть или заплутали среди величественных горных круч и умерли от голода.

Однако ж на одного из таких путешественников снизошел духовный свет. Он подумал, взирая на глыбы скал: «Какая же сила их воздвигла? Вид этих громад заставляет сердце трепетать и мыслить о величии!» Почувствовав жажду, путешественник спустился к горному источнику, где

увидел дикое животное, припавшее к воде; и он восславил того, кто позволил благодатной свежести хлынуть из этих скал. Отсюда, с вершины горы, открылась ему истинная природа сущего: разрушительный поток превращается в долине в мирную реку, которая несет корабли от города к городу и дарует людям нескончаемое наслаждение. Наблюдал он и движение облаков, изменение ветров и увидел, что все это подчиняется определенному закону. И солнышко просыпалось каждое утро к востоку от той вершины, где стоял путешественник. Тогда он преклонил колена пред тем незримым, что являет свою мощь во всем вокруг, и осознал истину в древней вере: да, Бог действительно царил в прекрасных голубых горах! Но одновременно с этим человек уразумел, что нельзя привязывать себя к мертвым словам веры — необходимо следовать смыслу этих слов!

Он воротился домой и проповедовал в общине свое Евангелие. И те, кто услышал и принял его, снова работали с хорошим настроением, по утрам, как и прежде, выходили на свет Божий и, обратив свои лица к востоку, молились тому незримому, что царит в голубых горах — тому, что позволяет солнцу вставать, водным потокам струиться, а непогоде метать громы и молнии. И пока они возносили моления с верою в душе, в их повседневный труд вливалась сила, руки работали слаженнее, и каждое разумное желание сердца было исполнено.

АЛЬБОМ С КАРТИНКАМИ В ПРОЗЕ

Странное дело! Всякий раз, как чувства во мне разгорятся с особенной силой и так вот и просятся наружу — точно кто свяжет мне и руки, и язык! Ни передать, ни высказать того, что у меня на сердце! А ведь я художник; я и сам это вижу, и от других слышу, ото всех, кто только видел мои рисунки и наброски.

Человек я бедный и живу в узеньком переулке; светом я, впрочем, богат: каморка моя в самом верху, и я пользуюсь видом на все соседние крыши. Первые дни по переезде в город мне было как-то не по себе: тесно, скучно, вместо леса и зеленых холмов на горизонте — одни закоптелые трубы. Ни одной знакомой души, ни одного дружеского, приветливого лица!

Но раз вечером подхожу я в грустном раздумье к окошку, растворяю его и выглядываю... Вот радость-то! На меня приветливо глядит знакомый круглый лик, мой лучший, давнишний друг — месяц! Он ничуть не переменялся, все такой же, как и в то время, когда светил, бывало, ко мне из-за ветвей ив, росших у болота. Я послал ему воздушный поцелуй, а он заглянул в мою каморку и пообещал навещать ко мне каждый вечер, когда выйдет на прогулку. Он и сдержал слово; жаль только, что визиты его обыкновенно так коротки! Он всякий раз что-нибудь рассказывает мне о том, что видел или накануне, или в этот же вечер.

— Набрасывай эти картинки в тетрадь, и выйдет целая книжка с картинками! — сказал он мне в первое же свое посещение.

Я так и делал вечер за вечером и мог бы теперь предложить вам своего рода новую «Тысячу и одну ночь»¹ в картинах, да это, пожалуй, было бы уж слишком! Даю поэтому лишь несколько картинок; я не выбирал их, они являются здесь в том же порядке, в каком набросаны у меня. Гениальный художник, поэт или композитор сумел бы воспользоваться этим материалом лучше, я же могу дать только одни бледные наброски вперемешку с собственными размышлениями — месяц навещал меня ведь не каждый вечер: случалось, что его заволакивали облака.

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР

«Прошлою ночью, — говорю словами самого месяца, — я скользил по ясному небу Индии, глядясь в воды Ганга. Лучи мои тщетно силились проникнуть сквозь чащу старых платанов; густолиственные ветви их переплелись и образовали стену, непроницаемую, как броня черепахи. Вдруг из чащи вышла молодая девушка, легкая, как газель, прекрасная, как сама

¹ «Тысяча и одна ночь» — знаменитый средневековый арабский сборник сказок.

Ева, истая дочь Индии, поражающая какую-то воздушной прелестью и в то же время пышной роскошью форм. Сквозь тонкую кожу, казалось, просвечивали самые мысли девушки. Колючие лианы рвали ее сандалии, но она быстро шла вперед. Хищный зверь, только что утоливший в реке свою жажду, пугливо отпрянул в сторону: в руках у девушки сияла лампада. Я видел, как переливалась алая кровь в нежных пальчиках, прикрывавших пламя от ветра. Вот она подошла к реке и пустила лампаду по течению. Огонек заколебался; вот-вот он погаснет, но нет! Девушка провожала его сияющим взором; все силы ее души сосредоточились в сверкающих огнем глазах, опущенных шелковой бахромой длинных ресниц. Ведь если огонек будет гореть, пока лампада не скроется из виду — милый ее жив; погаснет — значит, он умер! Лампада плыла, огонек горел, то вспыхивая, то замирая, а с ним вместе то вспыхивало надеждой, то замирало и сердце девушки. Вот она опустилась на колени, и уста ее зашептали молитву. Недалеке притаилась в густой траве холодная, скользкая змея, но девушка не думает о ней; мысли ее несутся к Брамe¹ и к милому.

— Он жив! — радостно восклицает она, и горы шлют отклик:

— Он жив!

¹ *Брама* или *Брахма* — бог творения в индуизме.

ВТОРОЙ ВЕЧЕР

«Вчера, — рассказывал месяц, — я заглянул во дворик, стиснутый со всех сторон высокими стенами домов. Вокруг наседки с целым выводком цыплят прыгала прехорошенькая маленькая девочка, а наседка отчаянно кудахтала и топорщила крылья, стараясь укрыть своих деток. На шум явился отец девочки и принялся бранить шалунью. Я скрылся и скоро забыл про эту историю, но сегодня, всего несколько минут тому назад, я опять заглянул во двор. Сначала все было тихо, но скоро явилась девочка, подкралась к курятнику, отодвинула задвижку и шмыгнула в угол, где сидела наседка с цыплятами. Курица закудахтала, цыплята запищали и принялись метаться из угла в угол; девочка гонялась за ними. Я видел все это в щелочку курятника, и мне было очень досадно на злую шалунью. То-то обрадовался я, когда в курятник вошел ее отец! Он схватил девочку за руку и напустился на нее еще сердитее, чем вчера. Она откинула головку назад; большие голубые глаза ее были полны слез.

— Зачем ты забралась сюда? — спросил отец.

Она заплакала:

— Я... я хотела поцеловать курицу и попросить у нее прощения за вчерашнее, да боялась сказать тебе!..

И отец поцеловал невинную малютку в лоб, а я — в глазки и в губки!»

ТРЕТИЙ ВЕЧЕР

«Неподалеку есть переулочек до того узкий, что я могу заглянуть в него мимоходом лишь на минуту, но мне довольно и этого беглого взгляда, чтобы рассмотреть, какие люди там ютятся. Сегодня я видел там женщину. Шестнадцать лет тому назад она была ребенком и беззаботно играла в саду старого пасторского дома, за городом. Старые кусты роз, доживавшие свой век, росли вкривь и вкось, а свежие дикие побеги их перекидывались через дорожку и переплетались с ветвями яблонь. На кустах, однако, виднелись еще кое-где розы. Они, хоть и не отличались уже обычной красотой королевы цветов, все-таки украшали кусты и разливали вокруг благоухание. Куда прекраснее их была, по-моему, дочка пастора. Она притащила под кусты маленькую скамеечку и сидела тут, баюкая и целуя свою куклу с провалившимися щеками. Прошло десять лет, и я увидел девушку в великолепно убранной бальной зале. Она была невестой богатого купца. Я порадовался ее счастью и часто потом следил за нею тихими вечерами. Увы! Мало кто думает о моем ясном, всевидящем оке! Прекрасная роза моя тоже росла вкривь и вкось, пускала дикие побеги, как розовые кусты в пасторском саду! И среди будничной жизни разыгрываются своего рода трагедии; вчера вечером я видел в узком переулке последнее действие одной из таких трагедий. Девушка лежала на постели при смерти, но злой хозяин, единственный ее покровитель, безжалостно отдернул занавеску.

— Вставай, принарядись, пугало ты этакое! — грубо крикнул он на нее. — Добывай деньги, или я вышвырну тебя на улицу! Ну, живо!

— Я умираю! Дайте мне отойти с миром! — молила она. Но он поднял ее силой, сам нарумянил ее щеки, убрал голову цветами и, посадив ее у открытого окна, близ ярко горящей свечки, ушел. Я смотрел на нее. Она сидела неподвижно, уронив руки на колени. Ветер порывисто

захлопнул окно; одно из стекол вылетело, занавеска взвилась над головой девушки, но она не шевельнулась: она умерла! Из открытого окна глядело немое нравоучение — моя роза из пасторского сада».

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЕЧЕР

«Вчера вечером я побывал в немецком театре, в одном провинциальном городке! — начал месяц. — Театром служила конюшня: стояла были переделаны в ложи, деревянные перегородки обиты разноцветной бума-

гою. С низкого потолка спускалась небольшая железная люстра; как раз над нею в потолок вделали опрокинутый вверх дном бочонок, чтобы люстру можно было поднимать кверху, как это делается в больших театрах. Динь-динь! — зазвонил суфлер, и люстра — прыг в бочонок; теперь уж все знали, что представление сейчас начнется! На представлении присутствовала проезжая княжеская чета; театр поэтому был набит битком, только под самой люстрой образовалось что-то вроде маленького кратера. Тут не сидело ни души, — свечи оплывали, и сало то и дело капало на пол: кап-кап! Я видел все это, — в театре стояла такая жара, что пришлось открыть люки, заменявшие окна. С улицы в них заглядывали мальчишки и девчонки, даром что в театре сидела полиция и грозила им палкой. Перед самым оркестром восседала на двух старых креслах княжеская чета. Обыкновенно эти места занимали бургомистр и его супруга, но сегодня им пришлось сесть на простые скамьи наряду с прочими горожанами.

— То-то! И над нашими господами, знать, есть господа, — шушукались между собою кумушки, и все кругом приобретало в их глазах еще более праздничный вид. Люстра ушла в потолок, уличным зевакам попало по рукам палкой, а мне... мне удалось посмотреть комедию!»

ПЯТЫЙ ВЕЧЕР

«Вчера, — рассказывал месяц, — я плыл над неутомным Парижем и заглянул в луврские покои. Сторож ввел в огромную пустынную тронную залу какую-то бедно одетую старушку из простонародья. Она так добивалась увидеть эту залу! И сколько это стоило ей хлопот и денег, сколько упрасиваний! Теперь она стояла посреди залы, сложив руки и благоговейно озираясь вокруг, точно попала в церковь.

— Так вот где это было! Вот где! — промолвила она и подошла к трону, драпированному дорогим бархатом с золотою бахромой. — Тут! — продолжала она. — Тут!

И, опустившись перед тронном на колени, она поцеловала бархатную драпировку. Мне почудилось, что она плакала.

— Это уж не тот бархат! — сказал сторож, и на губах его заиграла улыбка.

— Но все-таки это было здесь! — сказала старушка. — И все осталось здесь по-прежнему!

— Осталось, да не совсем! — ответил он. — Окна тогда были выбиты, двери выломаны, а на полу стояли кровавые лужи! Но все же это верно: ваш внук умер на троне Франции!

— Умер! — прошептала старуха. Больше, кажется, не было сказано ни слова, и они скоро ушли. Вечерние сумерки сгустились, и на дорогом бархате трона легли от моих лучей еще более яркие блики. Как ты думаешь, кто была эта старуха? Я расскажу тебе историю. Дело было во время Июльской революции, под вечер, в день блистательной победы, когда каждый дом служил крепостью, каждое окно бойницей. Народ атаковал дворец; в толпу осаждающих вмешались и женщины и дети. Скоро они ворвались в роскошные покои дворца. Бедный оборванный мальчуган-подросток храбро дрался в рядах взрослых и пал, смертельно раненный штыками. Случилось это в тронной зале. Его подняли и положили на трон Франции; из ран струилась кровь, и их пытались заткнуть дорогим бархатом, но кровь скоро просочилась сквозь него. Вот была картина! Роскошная зала, группы сражающихся, на полу разорванное знамя, над штыками трехцветные значки, и на троне Франции бедный мальчуган с обнаженной грудью, помертвевшим, но ясным лицом и устремленным к небу взором! Жалкие лохмотья и рядом роскошный пурпурный бархат, затканый серебряными лилиями! Предсказал ли кто этому мальчику еще в колыбели: «Он умрет на троне Франции»? Мать, быть может, мечтала о новом Наполеоне! Я целовал венки из иммортелей, украшавший его могилу, целовал ночью в лоб и старуху бабушку, когда ей грезилась во сне картина, что я сейчас нарисовал тебе: бедный мальчик на троне Франции!

ШЕСТОЙ ВЕЧЕР

«Я был в Упсале¹! — сказал месяц. Там есть обширная равнина, а по ней разбросаны чахлые пастбища и истощенные поля. Я плыл над нею и гля-

¹ *Упсала* — старинный город в Швеции, лежит в семидесяти километрах к северо-западу от Стокгольма.

делся в воды реки Фири; по реке скользил пароход, загоня испуганных рыб в осоку. Подо мною неслись облака, бросавшие длинные тени на холмы, или могилы Одина, Тора и Фрейи¹, как их прозвали. Холмы одеты тонким дерном, и на нем вырезано множество имен. Тут нет ни памятников, ни скал, на которых бы можно было выцарапать или написать свои имена, так путники и пользуются дерном. Обнаженные полосы земли, образующие буквы и целые имена, испещряют холмы вдоль и поперек. Увы, эти пути к бессмертию скоро зарастают травой!.. На вершине одного из холмов стоял певец. Он поднес к устам налитый медом рог, охваченный широким серебряным кольцом, и осушил его до дна, прошептав при этом чье-то имя. Он просил ветер не выдавать его, но я-то слышал, чье это было имя! Над ним сияет графская корона, потому певец и не осмелился произнести его вслух. Я улыбнулся: над его именем сияет ведь корона поэта, а если имя знатной Элеоноры Эсте и живет еще до сих пор, то лишь благодаря тому, что связано с именем Тассо!² И я знаю, где цветет роза поэта!..»

Тут облака заволокли месяц и скрыли его от меня. Ничего! Лишь бы они не становились между поэтом и розой!

СЕДЬМОЙ ВЕЧЕР

«Вдоль морского берега тянется густой лес — дубы да буки. Как славно пахнет там весной! Каждую весну он оглашается также трелями сотен соловьев. Поблизости, как сказано, море, вечно изменчивое море, а между ним и лесом бежит проезжая дорога. По ней то и дело катятся телеги. Я не слежу за ними; лучи мои больше любят отдыхать на древнем кургане. Серые камни опутаны побегами ежевики и дикого терна. Вся природа дышит здесь поэзией! А знаешь, как относятся к ней люди? Я расскажу тебе, что я слышал там вчера вечером и ночью. Проехали двое богатых крестьян.

— Чудесные деревья! — сказал один.

¹ Имена трех основных богов скандинавской мифологии.

² *Элеонора Эсте* (1537–1581) была итальянской принцессой. Ей и ее старшей сестре великий поэт итальянского Возрождения Торквато Тассо (1544–1595) посвятил стихотворение «О, дочери Ренаты», тем самым их увековечив.

— Да, из каждого выйдет возов по десяти дров! — отозвался другой. — Зима нынче будет суровая, а мы и прошлый год брали по четырнадцати риксдалеров¹ за сажень!²

И они проехали.

— Какая тут скверная дорога! — сказал следующий проезжий.

— Это все проклятые деревья виноваты! — ответил ему товарищ. — Этакая сырость! Ветер только с одной стороны — с моря!

И эти тоже проехали. Затем прокатил дилижанс. Пассажиры проспали самое живописное местечко во всей окрестности. Не спал один кучер; он трубил в рог, и, верно, думал про себя: «Каков я трубач! И как здесь славно раздастся!» Потом проскакали верхом двое парней. «Ну, что-то эти скажут? В них молодость бьет ключом, кровь играет, как шампанское!» — подумал я. Они с улыбкой поглядели на одетый мхом курган и на темную чащу кустов.

— Вот бы прогуляться тут с мельниковой Кристиной! — сказал один из парней, и оба промчались. А в сонном воздухе струилось такое благоухание, море, казалось, сливалось с небом, опрокинувшимся над глубокой долиной!.. Мимо проехал еще экипаж. В нем сидело шесть человек; четверо спали, пятый размышлял о своем новом летнем пальто: «Должно быть, идет!» Шестой же нагнулся к кучеру и спросил:

— Что это за куча камней? Чем-нибудь замечательна?

— Нет! — ответил парень. — Куча как куча, а вот деревья, те примечательны!

— Ну-ну, расскажи!

— Да вот зимой, когда всю дорогу заносит снегом, они служат мне приметой! Держись, значит, их, не то как раз угодишь в море! Вот какие они примечательные!

Проехали и эти. На смену им явился художник; глаза его так и сияли, но он не говорил ни слова, а только посвистывал. Соловьи заливались один громче другого.

— Заткните глотки! — заворчал он, тщательно отмечая в своей записной книжке оттенки и тона. — Голубой, лиловый, темно-коричневый... То-то выйдет картина!

¹ *Риксдалер* — крупная серебряная монета, бывшая в обращении в Дании до 1873 г.

² Подразумевается кубическая сажень дров, равная 9,7 м³.

Он, как зеркало, воспринимал в себя картину окружающей природы, ни на минуту не переставая насвистывать какой-то марш Россини¹. После него пришла сюда бедная девушка. Она сложила свою ношу у подножия кургана и присела возле нее сама, склонившись бледным, прекрасным личиком в сторону леса, откуда неслись соловьиные трели. Как сияли ее глаза при виде безграничного простора неба и моря, слившихся вместе! Она сложила руки и, видимо, погрузилась в тихую молитву. Она и сама не ведала, какие чувства волновали ее душу, но я знаю, что и многие-многие годы спустя поразившая ее в эту минуту своею дивною красотой природа будет отражаться в ее воспоминании куда прекраснее, куда правдивее, нежели в картине художника, как бы точно ни отметил он все краски! Я следил за девушкой до тех пор, пока чела ее не коснулся приветственный поцелуй утренней зари».

¹ *Россини Джоаккино* (1792–1868) — знаменитый итальянский композитор, гений комической оперы.

ВОСЬМОЙ ВЕЧЕР

Все небо было покрыто тучами, месяц не показывался, и чувство сиротливого одиночества давило меня еще сильнее обыкновенного. Взор мой невольно направлялся в ту сторону, откуда должен был появиться месяц, мысли тоже неудержимо неслись к моему дорогому другу; он так мило утешал меня каждый вечер своими рассказами, рисовал мне такие чудные картинки!.. Да, чего-чего не перевидал он на своем веку! Он видел и картину всемирного потопа, приветливо заглядывал, как теперь в мою каморку, и в ковчег, утешая его узников надеждой на обновление мира. Грустно глядел он и на евреев, плакавших на реках вавилонских, под сенью плакучих ив, на ветвях которых висели замолкшие арфы¹. Полускрытый ветвями кипарисов, рисовавшихся темными тенями в прозрачном воздухе, следил мой круглолицый друг и за Ромео², видел, как юноша пробирался на балкон, слышал, как прозвучал в тиши ночной страстный поцелуй, унесшийся в небо, как мысль херувима! Видел месяц и героя на острове Святой Елены: одиноко стоял он на скале, устремив взор на море, и думал великую думу³. Да, о чем только не может рассказать месяц! Всемирная история для него одна сказка. Сегодня я уже не увижу тебя, мой старый друг, не сделаю в тетради на память о твоём посещении нового наброска! И вдруг из-за туч блеснул на мгновение луч света; блеснул и погас, тучи снова сгустились, но все же месяц успел послать мне свой привет, пожелать спокойной ночи.

ДЕВЯТЫЙ ВЕЧЕР

Прошло несколько вечеров; небо опять было ясно, месяц появился в первой своей четверти и подал мне идею новой картинки. Послушайте, что он рассказал мне!

¹ Имеется в виду одно из преданий о завоевании Иудеи вавилонянами, когда были взяты в плен многие израильтяне (См. псалом 136 из книги Псалтырь).

² *Ромео* — имя героя трагедии У. Шекспира (1564–1616) «Ромео и Джульетта».

³ Подразумевается Наполеон I Бонапарт (1769–1821), окончивший свои дни на острове Святой Елены.

«Я смотрел вслед полярной птице и плывущему киту; они направились к восточным берегам Гренландии. Голые скалы, увенчанные льдинами и облаками, окружали долину, покрытую ковром из мха и цветущей черники. Душистые гвоздички струили свое сладкое благоухание. Я разливал вокруг матовый свет; диск мой был бледен, как долго носившийся по воде, оторванный лепесток кувшинки. На небе горело северное сияние. Из середины гигантского сияющего венца подымались бесконечные огненные снопы, переливавшиеся зелеными и красными огнями. Но окрестные жители, собравшиеся в долину на празднество, не дивились на это зрелище; они привыкли к нему. «Пусть себе души умерших играют в лапту головами моржей!» — думали они, занятые своей пляской и пением. Посредине круга стоял человек без шубы, бил в барабан и воспевал охоту за тюленями. Остальные, одетые в белые шубы, хором подхватывали:

— Эйа, эйа-а! — прыгали и плясали, дико поводя глазами и крутя головами. Медвежий бал, да и только! Потом началось судбище. Противники выступали на середину круга, и обиженный затягивал под аккомпанемент барабана песню, в которой высмеивал своего обидчика. Тот отвечал такой же остроумной импровизацией. Толпа хохотала и затем произносила свое решение. Со скал слышался грохот: это скатывались вниз и дробились в пыль лавины; над равниной стояла чудная летняя гренландская ночь. Шагах в ста от сборища, в открытой юрте из звериных шкур, лежал больной. Кровь еще не застыла в его жилах, но смерть была уже близка; он и сам этому верил, и все окружающие, и жена уже наглухо зашила его в шкуры, чтобы потом не прикасаться к мертвому телу.

— Где тебя похоронить? — спросила она его. — Хочешь, зарю тебя в снег на вершине скалы и украшу твою могилу каяком¹ твоим и стрелами? Или тебе хочется лежать в море?

— В море! — прошептал, грустно улыбаясь, умирающий.

— То-то славная летняя палатка! — сказала жена. — Там скачут тысячи тюленей, там спит морж, там ждет тебя веселая счастливая охота!

¹ *Каяк* — одноместная лодка у народов Севера, приводимая в движение веслом с двумя лопастями.

И дети с воем сорвали затягивавший окно олений пузырь, чтобы можно было вынести умершего из юрты и погрузить его в волны моря; оно давало ему пищу при жизни, оно же даст ему и приют по смерти! Надгробным памятником ему будут служить плавучие, вечно сменяющиеся одна другую льдины; на них будут дремать тюлени, а над ними реять буревестники».

ДЕСЯТЫЙ ВЕЧЕР

«Знавал я одну старую деву! — рассказывал месяц. — Зимой она постоянно носила один и тот же желтый атласный салоп¹; он как будто не изнашивался, не выходил из моды. Летом же она ходила в одной и той же соломенной шляпе и, кажется, все в одном и том же голубом платье. Из дома она выходила только в гости к старой приятельнице, жившей в доме напротив. В последние годы она, впрочем, не ходила и туда — приятельница ее умерла. Я постоянно видел старую деву в ее каморке одну-одинешеньку. Летом окно каморки было заставлено чудесными цветами, а зимой на нем красовалось доннышко от старой шляпы, в котором зеленел кресс-салат. Весь последний месяц старушка уже не присаживалась к окошку, но я знал, что она еще жива: я бы увидел, как она отправилась в тот «дальний путь», о котором так часто беседовала со своей приятельницей.

— Да, — говаривала она тогда, — по смерти мне предстоит такой путь, какого я не сделала за всю свою жизнь! Наша семейная могила в шести милях от города; меня отвезут туда и положат рядом с моими родными!..

Вчера вечером я увидел перед домом телегу; скоро из дома вынесли и поставили на нее гроб; значит, старая дева умерла! Гроб прикрыли рогожами, и телега тронулась. В гробу тихо спала старая дева. Во весь последний год своей жизни она ни разу не переступила порога своей каморки, а вот теперь после смерти отправилась в дальний путь! Телега направилась за город, да еще вскачь, словно везла кого на гулянье,

¹ *Салоп* (фр. *salope*) — верхняя женская одежда, широкая длинная накидка с про-
резами для рук или с небольшими рукавами; скреплялась лентами или шнурами.

а очутившись за городом, парень погнал лошадей еще шибче, то и дело боязливо оглядываясь назад. Право, кажется, он трусил: вдруг, дескать, покойница-то встала да сидит теперь в своем желтом атласном салопе на крышке гроба?! Вот почему он так безрассудно и гнал лошадей, не отпуская в то же время поводья, так что удила покрылись пеною. Лошади были молодые, горячие; заяц перебежал дорогу, и они понесли. Тихая скромная старушка, едва бродившая и у себя-то по каморке, мчалась теперь во всю прыть через пни и кочки. Наконец обернутый рогожею гроб так подпрыгнул, что выскочил из телеги и остался лежать на дороге, а телеги, парня и лошадей и след простыл. Сыпя звонкие трели, взвился с поля жаворонок, пропел над гробом свою утреннюю песенку,

потом сел на него и принялся тереть клювом рогожу, словно желая сорвать с кокона оболочку. Затем птичка опять взвилась к небу со звонкой песенкой, а я спрятался за румяные утренние облачка».

ОДИННАДЦАТЫЙ ВЕЧЕР

«Был свадебный пир! — рассказывал месяц. — Пропели задравные песни, осушили задравные кубки, и гости оставили богатые покои. Было уже за полночь. Матери поцеловали молодых, и они остались одни. Оконные занавеси были задернуты не совсем плотно, и я мог заглянуть к ним. В уютной опочивальне горела лампа.

— Слава Богу! Наконец-то все разошлись! — сказал муж, покрывая поцелуями руки и губки жены. А она улыбалась ему сквозь слезы, покоясь на его груди и вся трепеща от волнения, как цветок лотоса на зыбкой поверхности потока. Полились тихие задушевные речи...

— Спи с Богом! — наконец сказал он, но она подошла к окну и откинула занавеску.

— Как чудно сияет месяц! — промолвила она. — Гляди, как тихо, как светло!

И она погасила лампу. В уютной комнатке стало темно, и в этой темноте сияли только мои лучи да глаза молодого мужа. Женственность! Целуй лиру поэта, когда он воспевает мистерии жизни!»

ДВЕНАДЦАТЫЙ ВЕЧЕР

«А вот тебе еще картинка! — начал месяц. — Я плыл над предместьем Помпеи, над улицей Гробниц, где стоят ряды прекрасных памятников, где некогда плясали увенчанные розами жизнерадостные юноши с девушками, сестрами Лаисы¹ по красоте. Теперь там царит мертвая тишина! Часовые, наемные неаполитанские солдаты из немцев, играли в карты и в кости. В город направлялась целая толпа иностранцев в сопровождении конвоя.

¹ *Лаиса* — имя древнегреческой куртизанки, жившей в IV веке до н. э.

Иностранцам хотелось осмотреть восставший из могилы город при свете моих лучей. Я и показал им следы колес, оставшиеся на вымощенной широкими плитами лавы улице, надписи над дверями домов и уцелевшие кое-где вывески. Увидели они и узенькие дворики с бассейнами посредине, украшенными раковинами. Но давно уже умолкло журчание фонтанов, не раздавалось больше из богато расписанных покоев, охраняемых у входов бронзовыми псами, ни песен, ни звуков. Город давно умер! Все смолкло! Не смолкал только вечный громовый гимн Везувия; отдельные строфы этого гимна именуются на человеческом языке извержениями. Я последовал за иностранцами к беломраморному храму Венеры; к алтарю по-прежнему вели широкие ступени, но между колоннами выросли плакучие ивы. На ясном лазурном небе рисовались черные, как уголь, очертания Везувия. Из кратера его как будто выросла гигантская пиния¹: пламя служило ей стволом, а багровые, словно пропитанные кровью клубы дыма — кроною. В числе путешественников была одна певица. Я не раз был свидетелем ее триумфов на сценах первых театров Европы. Добравшись до древнего театра, общество разместилось на мраморных ступенях. Да, на них опять сидели зрители, как и тысячелетия тому назад! Сцена была все та же: каменные кулисы и на заднем плане две арки, через которые виднелась та же декорация — сама природа: горная цепь, идущая от Сорренто к Амальфи. Певица в шутку поднялась на сцену и запела. Место и обстановка вдохновили ее; казалось, дикий арабийский скакун мчится по степи, раздув ноздри и распустив по ветру пышную гриву, — та же легкость, та же смелость; казалось, скорбящая мать рыдает у подножия креста — та же глубокая, за душу хватающая скорбь!.. И со ступеней амфитеатра раздались, как и в былые времена, восторженные рукоплескания.

— Счастливица! Любимица богов! — ликовали слушатели. Через минуту театр опустел; все ушли; ни звука, ни шороха! Общество удалилось, но развалины стоят по-прежнему и простоят так еще столетия, о том же, что произошло тут сейчас, скоро не будет и помину; забудутся и шумные рукоплескания, и прекрасная певица, и ее пение, и ее улыбки. Забвение, полное забвение! Даже у меня сохранится об этих минутах лишь смутное воспоминание!>>

¹ *Пиния* — вечнозеленое дерево семейства Сосновые.

ТРИНАДЦАТЫЙ ВЕЧЕР

«Я заглянул в окно редакторского кабинета! — рассказывал месяц. Было это где-то в Германии. Богатая обстановка, множество книг и видимо-невидимо газет. В кабинете сидели несколько молодых людей. Сам редактор стоял у конторки; перед ним лежали две небольшие книжки, ожидавшие рецензии.

— Вот эту мне прислали! — сказал редактор. — Но я еще не успел познакомиться с нею! Издание красивое, а что вы скажете о самом содержании?

— Оно недурно! — отозвался один из присутствовавших, собрат автора. — Немножко растянуто, но ведь автор еще так молод! Стихосложение тоже хромает, зато мысли он высказывает весьма здравые, хотя, конечно, и довольно избитые! Но что ж? Где же набраться новых! Сказать по правде, вряд ли из него выйдет что-нибудь особенное, но похвалить его все же следует: он довольно начитан, прекрасный знаток восточных наречий и сам судит весьма здраво. Это он ведь написал такую прекрасную рецензию о моей книге «Фантазии на будничные темы». Надо поощрить молодой талант!

— Но ведь он настоящий олух! — сказал другой из присутствовавших. — Кто же и губит поэзию, как не эти посредственные талантики, а он век останется посредственностью!

— Бедняга! — вмешался третий. — А тетушка-то его не нарадуется на него! Вы знаете ее, господин редактор. Это она ведь завербовала вам столько подписчиков на ваш последний перевод!

— Да-да! Премилая женщина! — подхватил редактор. — Ну так вот, я написал коротенькую рецензию: «Несомненный талант... желанный подарок... новый цветок в саду поэзии... прекрасное издание и т. д.». Но вот еще книжка! Автор, видно, думает, что я куплю ее! Я слышал, впрочем, что ее хвалят! Говорят — большой талант! Как по-вашему?

— Да, все прокричали о нем, — сказал поэт. — Но тут что-то неладно. Гениальнее всего у него знаки препинания.

— Его не мешало бы слегка пробрать, не то он уж чересчур возомнит о себе! — сказал третий.

— Но это будет несправедливо! — вмешался четвертый. — К чему придирается к маленьким оплошностям, вместо того чтобы радоваться

хорошему, а хорошего в этой книжке много! Все же он головой выше всех прочих!

— То-то и есть! Коли он такой гений — к нему и надо отнестись как можно строже! И без того его хвалят довольно! Нельзя же вконец вскружить ему голову?!

«Несомненный талант! — строчил между тем редактор. — Обычные небрежности... Как пример неудачных стихов укажем на страницу двадцать шестую, где есть два зияния... Советуем ему изучать классиков... и т. д. ».

Я отвернулся, — продолжал месяц, — и заглянул в окно тетушкиного дома; в гостиной сидела ручная птица — автор первой книжки; он принимал похвалы и поклонение собравшихся гостей и был вполне счастлив. Отыскал я затем и вольную птицу, другого поэта. Он тоже находился среди большого общества, в доме одного покровителя талантов. Разговор шел о книге первого поэта.

— Я прочту и вашу! — обратился меценат к присутствовавшему поэту. — Но признаюсь — вы знаете, я всегда искренен, — я не ожидаю найти в ней что-нибудь особенное. Ваша муза чересчур вольна, фантастична! Но как человек вы, я знаю, достойны всякого уважения!

В углу сидела молодая девушка и читала в какой-то книге:

Встречает суд гений суровый,
И громкое пошлость „ура“!
История эта стара,
Но вечно останется новой! »

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ВЕЧЕР

Вот что еще рассказывал мне месяц: «У дороги, ведущей в лес, стоят два крестьянских домика; низкие двери, окошки посажены вкривь и вкось, зато оба домика утопают в зелени терновых и барбарисовых кустов. Крыши поросли мхом, какими-то желтыми цветочками и диким чесноком. В маленьких садиках растут только капуста да картошка, но к забору прислонилась кудрявая цветущая бузина. Под ней сидела вчера девочка и глаз не сводила со старого дуба, что растет между домиками. От дуба остался, собственно, один сухой ствол, самая же крона спилена.

На круглой верхушке ствола гнездо; хозяин его, аист, стоял там на одной ноге и щелкал клювом. К девочке подошел ее братишка и уселся рядом.

— На кого это ты смотришь? — спросил он.

— На аиста! — ответила девочка. — Соседка сказала, что сегодня вечером аист прилетит к нам с новым братишкой или сестренкой, вот я и караю их!

— Аист никого не принесет! — возразил мальчик. — Соседка и мне то же говорила, да смеялась, я и сказал ей: «А ну, побожись!» Она не посмела, значит, это все сказки!

— Но откуда же тогда берутся дети? — спросила девочка.

— Их приносит сам Боженька! — пояснил мальчуган. — Они спрятаны у него под кафтаном! Только Бога никто видеть не может, значит, мы и не увидим, как Он принесет нам крошку!

В эту минуту в ветвях бузины зашелестело; дети сложили ручонки и поглядели друг на друга — это, верно, Боженька прилетел с малюткой! И они взялись за руки. Дверь домика отворилась, вышла соседка и сказала детям:

— Ну, идите теперь! Знаете? Аист принес вам братишку!

Дети кивнули головками — они уже знали».

ПЯТНАДЦАТЫЙ ВЕЧЕР

«Я плыл над Люнебургской пустошью! — начал месяц. — У дороги стояла одинокая хижинка; возле росло несколько обнаженных кустов, а в кустах пел свою лебединую песнь соловей: он отстал от своих, заблудился и теперь должен был замерзнуть холодной ночью! Занималась заря; по дороге двигалась толпа крестьян-переселенцев. Они направлялись в Бремен или в Гамбург, а оттуда собирались отплыть за океан, в Америку, — не найдут ли они там счастья, желанного счастья! Женщины несли маленьких детей на спинах; ребятишки постарше бежали вприпрыжку рядом; жалкая кляча везла тележку с домашним скарбом. Дул холодный ветер, и маленькая девочка плотнее прижималась к матери, а мать, глядя на мой круглый лик, думала о горькой нужде, что выгнала их из-под родной кровли, и о тяжелых, непосильных налогах. Те же мысли бродили и в головах остальных переселенцев, но вот вспыхнула утренняя зорька и, прогнав ночной сумрак, оживила и сердца бедняков надеждой на новое солнце счастья, которое займется для них там, за океаном. Услышали они и песнь умирающего соловья, а соловей ведь тоже считается вестником счастья. Ветер, правда, тянул свою песню, но переселенцы не понимали ее. А он пел:

— Переправляйтесь, переправляйтесь через океан! Вы заплатили за этот переезд последним, что было у вас! Нищими, беспомощными нищими достигнете вы земли обетованной! Придется вам продать в рабство самим, продать своих жен и детей! Недолго, впрочем,

доведется вам страдать! В чашечке благоухающего тропического цветка скрывается богиня смерти, ее приветственный поцелуй отравит вашу кровь лихорадочным ядом. Проноситесь же, проноситесь через бурные воды океана!

Но переселенцы прислушивались только к песне соловья — она пророчила им счастье! Легкие облака зарумянились от лучей зари. По пустоши шагали в церковь поселяне; женщины в черных платьях и в белых головных покрывалах, казалось, сошли со старых портретов, что висят по стенам церкви. Мертвой, безжизненной смотрелась окружающая природа: темный сухой вереск и черные выжженные лужайки вперемежку с белыми песками. В руках у женщин были молитвенники, ведь они шли в церковь. О, помолитесь же за тех, кто отправляется искать себе могилу за океаном!»

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ВЕЧЕР

«Я знаю одного Пульчинеля!¹ — сказал мне месяц. — Публика ликует, едва завидит его на сцене. Каждое его движение дышит таким комизмом, что все надрываются от смеха, а ведь он и не думает ломаться — он природный комик. Роль Пульчинеля навязана ему с детства самую природой; она снабдила его при рождении двумя горбами: спереди и сзади. Зато она одарила его и необыкновенно чувствительной, восприимчивой душой! Сцена была его заветной мечтой. Будь он хорошо сложен, из него бы вышел первоклассный трагик: душу его волновали самые высокие чувства, самые благородные порывы. И с такою-то душой он был обречен на всю жизнь оставаться шутом! Самая тоска, самая печаль, которые он носил в душе, только делали его еще смешнее; эта резко очерченная, вытянутая, печальная физиономия заставляла публику покатываться со смеху и восторженно рукоплескать своему любимцу. Прелестная Коломбина обходилась с ним очень ласково, но замуж выйти предпочла за Арлекина. В самом деле, было бы

¹ *Пульчинель* — один из персонажей итальянской народной комедии масок, остряк и весельчак, отличающийся ловкостью и сметливостью. Коломбина и Арлекин также являются персонажами итальянской комедии масок.

уж чересчур комично, если бы «красота» сочеталась с «безобразием». Когда на Пульчинеля находили минуты черной тоски, одна Коломбина могла заставить его улыбнуться и даже хохотать. У нее была своя манера: сначала она как будто тоже настраивалась на грустный лад, затем успокаивалась и, наконец, начинала шалить напропалую.

— Знаю, знаю, чего вам недостает, — говорила она ему. — Вы жаждете взаимной любви!

Тут-то он и принимался хохотать.

— Я и взаимная любовь! — восклицал он. — То-то бы вышла картинка! Похлопала бы публика!

— Да-да, вы жаждете взаимности! — продолжала Коломбина и прибавляла с комическим пафосом:

— И любите вы меня.

Отчего же и не пошутить, раз знаешь, что о любви тут не может быть и речи? И Пульчинель в припадке смеха подпрыгивал кверху на целый аршин¹; тоску его как будто рукой снимало. И все же Коломбина говорила правду. Он любил ее, боготворил не меньше, чем самое искусство. В день ее свадьбы он был веселее всех, ночью же неутешно плакал. Вот бы увидела публика это искаженное горем лицо! Как бы она заплодировала! На днях Коломбина умерла. В день похорон Арлекин был освобожден от участия в спектакле — все-таки ведь вдовец! Потребовалось, однако, угостить публику чем-нибудь особенно забавным, чтобы заставить ее позабыть об отсутствии прекрасной Коломбины и грациозного Арлекина, и вот Пульчинелю приказано было стараться за двоих! Сердце его разрывалось от горя, а он прыгал и плясал на сцене, публика кричала:

— Bravo! Брависсимо!

Пульчинеля вызывали без конца, он был неподражаем!.. Вчера ночью, когда представление окончилось, уродец тайком побрел за город на кладбище. Венок на могиле Коломбины уже завял. Пульчинель присел на могильный холм. Картина достойная кисти! Он сидел неподвижно, подперев щеку рукой и глядя мне в лицо, — оригинальный и комичный надгробный памятник! Как заплодировала бы публика, увидев своего любимца в такой позе! Долго бы не смолкали крики:

— Bravo, Пульчинель, бис!»

СЕМНАДЦАТЫЙ ВЕЧЕР

Послушайте, что еще рассказывал мне месяц. «Я видел только что произведенного из кадетов офицера, когда он впервые надел на себя блестящий мундир, видел молодую девушку в ее первом бальном платье,

¹ *Аршин* — старинная русская мера длины, равная 0,71 м.

видел и счастливую невесту молодого князя во всем блеске ее венчального наряда, но никто из них не сиял таким счастьем, как четырехлетняя девочка, которую я видел сегодня вечером. Ей подарили новое голубое платье и новую розовую шляпку. Я застал ее как раз в полном параде. Все кричали:

— Давайте свечку!

Моих лучей, как видно, было мало, требовалось более яркое освещение! Малютка держалась в струнку, как кукла, далеко отставив от платья ручонки с растопыренными пальчиками. Каким блаженством сияли ее глазки, все ее личико!

— Завтра я выпущу тебя так на улицу! — сказала ей мать. Малютка подняла глаза на шляпку, потом перевела их вниз на платье, блаженно улыбнулась и проговорила:

— Мама! А что скажут собачки, когда увидят меня такой нарядной?!»

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕЧЕР

«Я уже рассказывал тебе, — начал месяц, — о Помпее, этом городе-труппе в ряду других городов. Знаю я и еще один, но уже не трупп, а призрак города. В журчании фонтанов, мечущих свои струи в мраморные водоемы, мне всегда слышится сказка о плавучем городе. О нем и должны рассказывать водяные струи, петь морские волны! Над морем часто клубится туман; это вдовья вуаль: жених моря умер, дворец и город его стали мавзолеем. Знаешь ты этот город? Никогда не слышно на его улицах грохота экипажей или топота лошадиных копыт; по этим улицам плавают рыбы и, как привидения, скользят черные гондолы. Сейчас я перенесу тебя на главную площадь города, и ты подумаешь, что очутился в сказочном царстве. Между широкими плитами мостовой пробивается трава; вокруг одиноко стоящей башни вьются на заре тысячи ручных голубей. С трех сторон площадь окружена аркадами. Под аркадами спокойно сидит турок, посасывая свою длинную трубку; у колонны стоит красивый юноша-грек и смотрит на высокие мачты, памятники былого могущества. Флаги на мачтах повисли, как траурные вуали. К одной из мачт прислонилась отдохнуть молодая девушка; тяжелые

ведра с водой она поставила возле себя на землю; коромысло осталось на плечах. А вот это прямо перед тобою не замок фей, а церковь! Ярко сияют вызолоченные купола и золотые шары, облитые моими лучами. Прекрасные бронзовые кони, что красуются наверху, странствовали, как настоящие сказочные кони: они побывали далеко-далеко и опять вернулись назад. Взгляни на эту роскошь пестрых узоров, выведенных на стенах и стеклах окон! Гений художника, украшая этот храм, как будто руководился прихотью ребенка! Видишь на колонне крылатого льва? Он все еще блещет золотом, но крылья его связаны, лев умер, сам король моря умер, дворцовые залы опустели, роскошные картины уже не прикрывают наготы стен. Под этой аркой прежде могли проходить только патриции¹, теперь под ней спит лаццарони!² Из глубоких колодцев или из свинцовых камер, что близ моста Вздохов, словно и теперь еще слышатся вздохи, как в те времена, когда с разубранных гондол раздавалась музыка, а с роскошного Буцентавра³ летело в Адрию, королеву морей, обручальное кольцо! Адрия, окутайся туманом! Прикрой свою грудь вдовьей вуалью! Пусть она развеивается и над мавзолеем твоего жениха, над мраморной призрачной Венецией!»

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕЧЕР

«Я заглянул в театр! — рассказывал месяц. — Огромная зала была набита битком: дебютировал новый артист. Луч мой скользнул в маленькое окошечко в стене; к стеклу прижалось размалеванное человеческое лицо. Это был сам герой вечера. На подбородке курчавилась рыцарская борода, а глаза были полны слез: артиста освистали, и не напрасно. Бедняга был жалок! Но жалким не место в храме искусства! Душу его волновали высокие чувства, он пламенно любил искусство, без взаимности! Раздался

¹ *Патриции* — родовая аристократия.

² *Лацицарони* — в старину в Италии так называли бедняка, живущего нищенством или случайным заработком.

³ *Буцентавр* — гребное судно, галера, на которой венецианский дож венчался с морем, что служило символом господства Венеции (на море).

звонок режиссера, и герой смело и торжественно — как значилось в ре-марках — выступил на сцену, снова предстал перед публикой, смотревшей на него, как на шута. По окончании спектакля я увидел какую-то закутанную в плащ фигуру, торопливо сбегавшую по лестнице. Это был он, развенчанный герой вечера! Плотники перешептывались, пропуская его мимо себя. Луч мой проводил беднягу до самого его жилища. Повесть? Некрасивая смерть! А яд не всегда под рукою! Я знаю, что ему на ум приходило и то, и другое. Я видел, как он подошел к зеркалу и полужакрыл глаза, чтобы посмотреть, красив ли он будет в гробу. Да, человек может быть глубоко несчастен и все-таки... ломаться! Освистанный артист подумывал о смерти, о самоубийстве и, пожалуй, оплакивал теперь самого себя! Плакал он горько, но если человек плачет, то какое уж тут самоубийство! Прошел целый год. Шло представление в каком-то театрике, играла бедная заезжая труппа, и я опять увидел знакомое размалеванное лицо и курчавую бородку. Лицедей опять смотрел на меня из окна, но смотрел улыбаясь, а ведь его опять освистали! Да, всего какую-нибудь минуту тому назад его освистала жалкая публика жалкого театра!.. Сегодня вечером из городских ворот выехали бедные погребальные дроги. Ни одна душа не провожала покойника-самоубийцу, нашего размалеванного, освистанного героя. Единственным провожатым был кучер. Никто не следовал за гробом, никто, кроме меня. Самоубийцу зарыли где-то в углу кладбища. Скоро могила его зарастет крапивой; сторож станет сваливать туда сор и негодную траву с других могил».

ДВАДЦАТЫЙ ВЕЧЕР

«Я из Рима! — начал месяц. — Там в центре города, на одном из семи его холмов, лежит в развалинах дворец цезарей. Из трещин стен выглядывают дикие фиговые деревья, прикрывая наготу их своими широкими серо-зелеными листьями. Между кучами мусора пробирается осел и любовно косится на кусты колючего чертополоха. Отсюда некогда вылетали победоносные римские орлы, а теперь здесь ютится между двумя разбитыми мраморными колоннами бедная глиняная мазанка. Покосившееся окошко обвито диким виноградом, словно траур-

ной гирляндой. В мазанке живет старуха с внучкой. Они теперь единственные обитательницы дворца цезарей и показывают иностранцам печальные остатки сокровищ искусства. От роскошной тронной залы осталась одна голая стена; темный кипарис указывает своей длинной тенью на то место, где некогда стоял трон. Истрескавшийся пол покрыт слоем земли толщиной в аршин. На пороге часто сидит на своей скамеечке, прислушиваясь к звону вечерних колоколов, маленькая девочка, нынешняя обитательница дворца цезарей. Замоchnую скважинку в одной из дверей дворца она зовет своим балконом: в нее она видит пол-Рима вплоть до мощного купола собора святого Петра. Сегодня вечером подле развалин царила, по обыкновению, полная тишина; девочка возвращалась домой; лучи мои освещали ей путь. На голове она несла полный воды античный глиняный кувшин. Девочка была боса, в коротенькой, разорванной на плечах рубашке, и я целовал нежные кругленькие плечики малютки, ее черные глазки и блестящие кудри. Она поднялась по крутой лесенке, сложенной из мраморных обломков и разбитых капителей колонн. Возле самых ног ее пугливо шныряли пестрые ящерицы, но девочка не пугалась. Вот она уже потянулась рукою к звонку, — а ручкой звонка во дворце цезарей служила ныне висевшая на веревке заячья лапка, — да вдруг задумалась. О чем? Может быть, о прекрасном, разодетом в золото и серебро младенце Иисусе, которого она видела в часовне, где теплятся серебряные лампы и где подружки ее поют знакомые и ей молитвы? Не знаю; только вдруг она оступилась, кувшин слетел с ее головы и разбился вдребезги о твердые мраморные ступени. Девочка залилась слезами. Обитательница дворца цезарей плакала о разбитом глиняном кувшине! Босая стояла она на холодных ступенях и плакала, плакала, не смея дернуть за веревку, за заячью лапку, служившую ручкой звонка во дворце цезарей!»

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР

Целых две недели не заглядывал ко мне месяц, но вот, наконец, я вновь увидел его круглый светлый лик над медленно плывущими облаками. Послушайте же, что он рассказал мне.

«Из одного феццанского¹ города вышел караван; я долго следил за ним. Он остановился на ночь среди блестящей, словно покрытой льдом, солончаковой площадки; лишь небольшая часть ее была покрыта наносным песком. У старшины каравана был привязан к поясу мех с водой; изголовьем ему служил мешок с пресными лепешками. Поутру он начертил на песке своим посохом четырехугольник, вписал в него несколько слов из Корана, и весь караван прошел через это освященное место. На белом горячем коне задумчиво ехал молодой купец, сын знойной пустыни; об этом говорили и глаза его, и прекрасные формы тела, точно вылитого из бронзы. О чем он задумался? Не о молодой ли красавице жене? Всего два дня тому назад разубранный дорогими мехами и шальями верблюд обнес его прекрасную невесту вокруг городских стен. Гремела музыка, раздавалось пение женщин, приветственная пальба. Громче, чаще всех палил сам счастливый жених. А теперь... теперь он ехал с караваном по пустыне. Много ночей следил я за ними, видел, как они располагались на отдых у колодцев, в жалкой тени чахлах пальм, видел, как вонзали нож в грудь верблюда и жарили его мясо на угольях костра. Лучи мои охлаждали раскаленный солнцем песок и показывали путникам черные обломки скал, мертвые острова в безграничном море песков. Странствие было из счастливых: не пришлось каравану пострадать ни от нападений вражьих племен, ни от бича пустыни — смерча. Дома молилась за мужа и отца красавица новобрачная. «Живы ли они?» — спрашивала она мой двурогий серп. «Живы ли они?» — спрашивала она мой сияющий круглый диск. Теперь они уже миновали пустыню и сегодня вечером расположились на ночлег под высокими пальмами; над ними кружатся длиннокрылые журавли, из-за ветвей мимозы глядят пеликаны. Слоны мнет неуклюжими ногами пышную траву и кусты; подходит караван негров; они возвращаются с ярмарки из глубины страны. На черных волосах женщин, одетых в синие бумажные юбки, сияют медные бляхи. Женщины гонят нагруженных быков; на спинах их спят нагие черные ребяташки. Один из негров ведет на веревке купленного им на ярмарке львенка. Вот они подходят к каравану. Молодой купец сидит неподвижно, весь погруженный в мечты о своей молодой жене. В стране черных он мечтает

¹ *Феццан* — историческая область на юго-западе Ливии.

об оставленном им по ту сторону пустыни белоснежном душистом цветке!
Вот он поднял голову!.. »

Тут месяц заволокло облаком, потом другим, третьим... Так я ничего больше и не услышал от него в этот вечер.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ВЕЧЕР

«Я видел одну маленькую девочку! — начал месяц. — Злые люди заставили ее плакать горькими слезами. Ей только что подарили чудную куклу; ах, какую куклу! Но эта нежная, изящная кукла вовсе не была создана для горя, а между тем братья девочки, эти долговязые мальчишки, схватили ее, посадили высоко-высоко на дерево и убежали!

Сама девочка не могла ни достать с дерева куклу, ни помочь ей сойти оттуда — как тут не плакать! Кукла, должно быть, тоже плакала! Она с таким жалким видом простирала к девочке руки! Да, вот какие приходится иногда испытывать превратности судьбы, как часто говорит мама. Бедная, бедная кукла! Уже темнело, приближалась ночь. Неужели же оставить ее тут одну на всю ночь? Нет, нет! Сердечко малытки сжималось при одной мысли об этом.

— Я останусь с тобой! — сказала она кукле, а была ведь вовсе не из храбрых! Она уже явственно различала между кустами маленьких домовых в высоких остроконечных шапочках... А там, в темной аллее, плясали длинные призраки!.. Вот они уже под деревом, поднимают руки и указывают пальцами на куклу! Ах, как страшно!.. «Но ведь нечистой силы нечего бояться, если у тебя совесть чиста! — рассудила девочка. — А у меня чиста? Я ничего дурного не сделала?..»

— Ах, да, — вдруг вскрикнула она, — я смеялась над бедной уткой с красной тряпochкой на ножке! Она так забавно хромает! А грешно ведь смеяться над животными!

И она подняла личико к кукле:

— А ты тоже смеялась над животными? — спросила она, и кукла как будто недовольно качнула головой».

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ ВЕЧЕР

«Я глядел на Тиролевские горы! — рассказывал месяц. — От темных сосен ложились на скалы резкие мрачные тени. Я освещал нарисованные на стенах домов гигантские изображения святого Христофора с младенцем Иисусом на плечах и святого Флориана, льющего воду на пылающий дом, освещал и воздвигнутый у дороги большой крест с распятым на нем, истекающим кровью Спасителем. Для молодого поколения все эти изображения — памятники глубокой старины; я же видел, как они возникали одно за другим. Высоко-высоко, над самым обрывом, лепится, словно гнездо ласточки, женский монастырь. На колокольне стояли и звонили в колокола две молоденькие послушницы. Взоры обеих невольно устремлялись вдаль... за горы! Внизу показалась

почтовая карета; почтальон затрубил в рог, и бедные послушницы долго провожали экипаж взглядом. Невеселые, видно, думы бродили у них в голове; у младшей на глазах навернулись слезы. Все слабее и слабее звучал почтовый рожок, пока наконец совсем не замер, заглушенный звоном колоколов».

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ВЕЧЕР

Слушайте, что еще рассказал мне месяц: «Тому минуло уже много лет; было это в Копенгагене. Я заглянул в окно бедной каморки: отец и мать спали, не спал только их маленький сынок. Вот пестрый полог его кровати зашевелился, и он выглянул оттуда. Я подумал сначала, что он хотел посмотреть на старые часы: они были так пестро раскрашены, наверху сидела кукушка, на цепях висели тяжелые свинцовые гири, а блестящий медный маятник качался и тикал: тик-так! Но нет! Мальчик смотрел не на них, а на стоявшую под ними прялку матери. Прялка занимала все его мысли, но он не смел и притронуться к ней — сейчас по рукам попадет! Целыми часами просиживал мальчик возле матери, не сводя глаз с жужжащего веретена и неугомного колеса и думая при этом свою думу. Вот бы попрясть хоть разок самому! Теперь мать и отец спали. Мальчик поглядел на них, поглядел на прялку, подождал с минуту, потом с кровати сползла сначала одна голая ножка, за ней другая, и — гоп! — обе очутились на полу! Мальчик еще раз оглянулся на папу и маму — спят ли? Да! И вот он, одетый в одну куцую рубашонку, тихонько-тихонько прокрался в угол, где стояла прялка, и давай прясть. Нитка слетела, и колесо завертелось еще быстрее. Я целовал золотистые волосики и голубые глазки ребенка. Прелестная была картинка! Вдруг мать проснулась, выглянула из-за занавески, и ей почудилось, что перед нею шалунишка-домовой или другое лукавое привиденьице.

— Господи Иисусе! — прошептала она и толкнула под бок спящего мужа. Он проснулся, протер глаза и тоже взглянул на мальчугана.

— Да ведь это Бертель! — сказал он.

Из бедной каморки взор мой перенесся в покои Ватикана, где красуются мраморные боги. Расстояния для меня ведь не существует. Вот

группа Лаокоона: мрамор, кажется, скорбно вздыхает. Вот музы: они как будто дышат; лучи мои облобызали их мимоходом и остановились на колоссальном изображении бога реки Нил. Облокотясь на сфинкса, он лежит, погруженный в думы — в думы о минувших веках; вокруг него резвятся и заигрывают с крокодилами амурчики; из рога изобилия тоже выглядывает на величественного серьезного бога крошечный амурчик, живое изображение мальчугана, возившегося с прялкой. Те же самые черты! Как живой стоит здесь этот мраморный ребенок, а между тем колесо времени обернулось вокруг своей оси тысячи и тысячи раз с той минуты, как он восстал из мраморной глыбы. И это огромное колесо должно было обернуться еще столько же раз, сколько обернулось колесо прялки, прежде чем век создал других богов, подобных ватиканским.

Вот и минули эти годы! — продолжал месяц. — Я плыл над заливом у восточного берега Зеландии¹. Там тянутся чудные леса, высокие холмы и лежит старая усадьба, обнесенная красными кирпичными стенами; в рвах, наполненных водою, плавают лебеди. Неподалеку, в тени яблонь, ютится торговый городок с высокой колокольней. По зеркальной глади залива плывет целая флотилия лодок; на всех мелькают огоньки, но их зажгли не для ловли угрей, а ради праздника! С лодок раздаётся музыка, вот грянула и песня. В одной из лодок стоит сам виновник торжества — рослый, крепкий, голубоглазый и седовласый старик в широком плаще. Я сразу узнал его и вспомнил и мраморных богов Ватикана, и бедную каморку, — если не ошибаюсь, на Зеленой улице, — где сидел за прялкой в своей куцей рубашонке маленький Бертель. Колесо времени обернулось положенное число раз, и из мрамора восстали новые боги. С лодок гремело «ура», «ура» в честь *Бертеля Торвальдсена!*²»

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ВЕЧЕР

«Я поведу тебя сейчас во Франкфурт! — сказал месяц. — Там есть один дом, на котором подолгу покоятся мои лучи. Это не тот дом, где родился Гёте³, и не старинная ратуша с решетчатыми окнами, в которые еще глядят рогатые головы быков, зажаренных для народа в день коронации императора. Нет, дом, о котором я говорю, простой дом, выкрашенный зеленой краской. Стоит он на углу узкой Еврейской улицы; это дом Ротшильдов. Я глядел раз в открытую входную дверь: лестница была ярко освещена, по ступеням стояли слуги; они держали в руках массивные серебряные канделябры с зажженными свечами и провожали низкими поклонами старуху, которую несли вниз по лестнице в кресле.

¹ *Зеландия* — самый крупный остров Дании, расположенный между проливом Каттегат и Балтийским морем.

² См. примеч. к сказке «Эльфы Люнебургской пустоши».

³ *Гёте Иоганн* (1749–1832) — немецкий писатель, мыслитель, философ и естествоиспытатель, государственный деятель.

Хозяин дома стоял у входа с непокрытой головой и почтительно поцеловал на прощанье руку старухи. Это была его мать. Она приветливо кивнула головой сыну и слугам, и ее понесли по узкой, темной улице домой. Она жила там в крошечном домике; в нем родились все ее дети, в нем занялась для них заря счастья; покинь она эту невзрачную улицу, этот скромный домик — тогда, быть может, и счастье покинет ее детей! Она верила в это!»

Больше месяц не сказал на этот раз ничего; слишком ненадолго заглянул он ко мне, но я-то долго потом думал о старухе, обитавшей в темной, жалкой улице. Скажи эта женщина слово, и к ее услугам роскошный дом на берегах Темзы; одно ее слово, и ее ждет вилла на берегу Неаполитанского залива; но она говорит:

— Покинь я этот скромный дом, где занялась для моих детей заря счастья, — тогда, быть может, и счастье покинет их!

Это суеверие, но особого рода; чтобы понять его, тому, кто слышал сейчас эту историю и видел эту картину, довольно вспомнить одно слово «*Мать*».

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ВЕЧЕР

«Это было вчера поутру, на заре! — говорил месяц. — В большом городе не дымила еще ни одна труба, а я на трубы-то как раз и глядел. Из одной из них высунулась сначала чья-то голова, а потом и туловище по пояс; руки держались за края трубы.

— Ура!

Это был мальчишка-трубочист; он в первый раз в жизни пролез через всю трубу и теперь глядел из нее на Божий свет.

— Ура!

Да, это небось не то что карабкаться по узким коленам каминных труб! Ветерок так приятно освежал лицо трубочистика, а уж что за вид открывался ему оттуда! Весь город был как на ладони, а вдали виднелся и зеленый лес. Вдобавок в ту же минуту взошло солнце. Его круглый, румяный лик глянул в лицо трубочистика; оно так все и светилось от радости, даром что порядком было замазано сажей.

— Теперь весь город может любоваться мною! И месяц с солнцем! — сказал он и замахал метлой».

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ВЕЧЕР

«Вчера ночью, — рассказывал месяц, — я плыл над одним китайским городом. Лучи мои освещали длинные голые стены, тянувшиеся вдоль улиц. Там и сям в них виднелись двери, но все они были на запоре — что за дело китайцу до внешнего мира! Плотные жалюзи прикрывали окна домов, выходившие на внутренние дворы. Только в окнах храма мерцали огоньки. Я заглянул туда. Какая пестрота! От самого пола до потолка подымались ярко раскрашенные и вызолоченные картины, на которых были изображены земные деяния богов. В каждой нише стояли кумиры, полускрытые пестрыми занавесками и распущенными знаменами. Все кумиры были оловянные; перед каждым возвышался жертвенник,

на котором стояла чаша со святой водой, цветы в вазах и горели восковые свечи. В глубине храма помещалось изображение Фу, высшего божества, в балахоне из шелковой материи священного желтого цвета. У подножия жертвенника сидело живое существо, молодой бонза¹. Он, вероятно, молился, да вдруг задумался о чем-то. Должно быть, дело было нечисто — щеки его горели ярким румянцем, а голова все больше и больше клонилась на грудь! Бедный Суи-Хунг! О чем он задумался? Унесся ли он мечтою в маленький садик, какие красуются здесь перед каждым домом, жалел ли о своем прежнем ремесле, желал ли опять работать на воле, вместо того чтобы вечно сидеть тут в храме, наблюдая за горящими восковыми свечками?.. Или он мысленно пировал за роскошно убранным столом, вкушая тонкие блюда и обтирая губы серебристой бумагой? Может быть, мысли его были до того греховны, что, выскажи он их, небо покарало бы его смертью? Может быть, он дерзнул унести мысленно на корабле варваров в их отчизну, далекую Англию? Нет, так далеко он не залетал, и все же мысли его были так греховны, что греховнее их и не могла бы подсказать человеку горячая молодая кровь! И где же он предавался им? В храме, перед лицом Фу и других богов! Я знаю, где витали его мысли. На краю города, на плоской крыше, обнесенной блестящими, словно фарфоровыми, перилами, между вазами с чудесными душистыми

¹ Бонза — буддийский монах в странах Азии.

белыми колокольчиками сидит красавица Пэ. Узенькие плутовские глазенки, полные сочные губки и крохотная ножка! Башмачок жмет ножку, но куда большее сжимает тоска сердечко! Тоскливо заламывает она нежные, словно выточенные ручки, и атласные рукава громко шуршат. Перед нею стеклянная ваза с водой; в воде плавают четыре золотые рыбки. Пэ медленно и задумчиво помешивает воду пестрой лакированной палочкой. Может быть, она задумалась о рыбках: как ярко блестит их чешуя, как спокойно им живется в стеклянной вазе, как сытно их кормят... и все же куда счастливее жилось бы им на свободе! Да, именно об этом и думала красавица Пэ. Затем мысль ее унеслась из родного дома в храм, но привлекли ее туда не боги. Бедняжка Пэ! Бедняга Суи-Хунг! Земные мысли ваши встретились, но, словно меч херувима, блеснул и разделил их мой холодный луч!»

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ВЕЧЕР

«Море как будто заснуло! — рассказывал месяц. — Волны его спорили прозрачностью с волнами чистого эфира, в котором я плыл. Взор мой проникал в водяную глубь и ясно различал там причудливые растения; их саженные стебли тянулись ко мне, точно какие-то гигантские древесные стволы; над вершинами их проплывали рыбы. Высоко в поднебесье неслась стая диких лебедей; один из них вдруг стал опускаться: усталые крылья отказывались нести его дальше. Взор его печально следил за удалявшейся воздушной вереницей, а сам он, широко распластав неподвижные крылья, плавно опускался вниз, как опускается в недвижимом воздухе мыльный пузырь. Вот лебедь коснулся морской поверхности. Спрятав голову под крыло, долго покоился он на лоне вод, точно белый лотос. Вот потянул ветерок и зарядил морскую поверхность, сиявшую тою же прозрачной лазурью, как и синее небо; казалось, это катило свои волны не море, а самый небесный эфир. Лебедь поднял голову и встрепенулся; голубыми искрами заблестели стекавшие с его груди и спины капли воды. Утренняя заря зарумянила облака, и лебедь, освеженный и подкрепленный, плавно поплыл навстречу восходящему солнцу, туда, где виднелся вдали синеющий берег. Туда направилась вся

воздушная вереница, туда же направил свой полет и одинокий лебедь. С тоской в груди, один-одинешенек медленно летел он над голубой водной равниной!..»

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ВЕЧЕР

«А вот тебе еще картинка! — начал месяц. — Близ унылого берега Роксена¹ стоит окруженный темными соснами древний монастырь «Врета»². Луч мой скользнул между прутьями оконной решетки и осветил высокие своды, под которыми покоятся в каменных гробницах короли. Над ними прикреплена к стене эмблема земного величия — королевская корона. Она, впрочем, деревянная и только покрыта позолотой; поддерживает ее деревянный колышек, вбитый в стену. Вызолоченное дерево уже источено червями, от короны к гробницам протянута пауком воздушная сеть; это траурный флер, такой же недолговечный, как и печаль по умершим!.. Как тихо спят они! А я еще помню их всех так ясно! Так живо вижу горделивую улыбку на их устах, властно вещавших народу и горе и радость! Пока пароход переползает, как улитка, через горы, в монастырь заходит иногда путник и спрашивает имена погребенных под этими сводами королей, но они звучат для него чем-то давно позабытым, мертвым. Он смотрит на источенную червями корону и невольно улыбается; если, однако, он человек благочестивый, в улыбке его сквозит грусть. Спите же, мертвецы! Месяц помнит вас, месяц шлет ночью свои холодные лучи в ваше тихое королевство, где вас венчает деревянная корона!..»

ТРИДЦАТЫЙ ВЕЧЕР

«У проезжей дороги, — рассказывал месяц, — стоит постоялый двор, а напротив него большой сарай. Его как раз собирались перекрывать,

¹ *Роксен* — озеро в южной части Швеции.

² «*Врета*» — старейший монастырь Швеции, основанный ок. 1100 г. В монастырской церкви захоронены представители шведского и датского королевских домов.

и крыша была разобрана. Я глядел между стропилами и в открытую отдушину, и мне отлично видно было все это неприглядное помещение. На одной из балок примостился спящий индийский петух; в пустых яслях мирно покоились седла. Посреди сарая стояла дорожная колымага; в ней крепко спали господа, пользуясь временем, пока лошадей поят и кормят, а кучер потягивается и позевывает, хоть и спал преисправно добрую половину пути. Дверь в людскую отворена настежь; видна смятая и развороченная постель; на полу стоит подсвечник, а в нем догорает сальный огарок. Холодный ветер так и гуляет по сараю; время далеко за полночь; близится утро. В одном из стойл спит вповалку семья странствующих музыкантов; матери и отцу снится жгучая, прозрачная, как слеза, жидкость в бутылке, а бледной дочке — слеза в чьем-то взоре. В головах у них лежит арфа, в ногах — собака».

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР

«Заглянул я раз в маленький городок! — рассказывал месяц. — Было-то это еще в прошлом году, да все равно, — я так ясно помню все. (Вчера вечером я прочел об этом в газетах, но там это выходило вовсе не так ясно). Вожак медведя ужинал в харчевне, а косолапый стоял во дворе привязанным к поленнице дров. Бедный Топтыгин! Никогда и никому не сделал он ни малейшего зла, даром что смотрел так свирепо. В том же доме, на самом верху в чердачной каморке, играли при ярком свете моих лучей трое ребятишек. Старшему было лет шесть, младшему — не больше двух. Топ-топ! — послышалось на лестнице. Кто бы это? Дверь распахнулась, и явился Топтыгин, огромный, лохматый Топтыгин! Он соскучился стоять во дворе один и отыскал дорогу наверх. Детишки струсили такого большущего лохматого зверя и попрятались по углам; он, однако, скоро отыскал их всех, обнюхал, но не обидел ничем! «Это, верно, большая собака!» — решили дети и принялись гладить его. Он развалился на полу, а младший мальчуган вскарабкался на него и принялся играть в прятки, зарывая свою золотистую кудрявую головку в густые черные лохмы медвежьей шубы. Затем старший мальчик ударил в барабан, медведь поднялся на дыбы и давай плясать! То-то веселье пошло! Все маль-

чики взяли в руки по деревянному ружью, Топтыгину дали такое же, и он держал его в лапах крепко-прекрепко. Товарищ хоть куда! И вот все зашагали по комнате: раз-два, раз-два! Дверь опять отворилась, и вошла мать ребятишек. Поглядел бы ты на нее! Она просто окаменела от ужаса, лицо ее помертвело, язык прилип к гортани... Младший же мальчуган весело кивнул ей головкой и залепетал своим детским язычком:

— А мы в солдатики играем!
Тут вошел и вожак медведя!..»

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ВЕЧЕР

Дул холодный, резкий ветер; на месяц ежеминутно набегали облака, и я видел его только урывками.

«Я гляжу сквозь безграничное воздушное пространство на бегущие подо мною облака! — рассказывал он. — Гляжу и на пробегающие от них по земле длинные тени!.. Вчера я заглянул в темницу. У ворот ее стояла закрытая карета; приехали за одним из узников. Луч мой проскользнул между прутьями оконной решетки и озарил стену камеры. Узник что-то чертил на ней на прощанье. Чертил он не слова, а ноты, мелодию, выражавшую его душевное настроение в эту последнюю ночь. Дверь отворилась, и его вывели на воздух. Он было поднял глаза на мой круглый лик, но меня сейчас же закрыли облака, точно нам нельзя было видеть друг друга в лицо. Его усадили в карету, дверцы захлопнулись, кучер щелкнул бичом, и лошади помчали карету в темный лес, куда мой луч уже не мог проникнуть. Я опять заглянул в камеру. Лучи мои скользили по стене, разглядывая нацарапанную на ней мелодию, последнее прощание узника. Там, где замирают слова, начинается царство звуков!.. Мои лучи могли осветить, однако, лишь несколько отдельных нот, большая же часть написанного скрывалась во мраке и навсегда останется для меня темной. Что написал заключенный? Похоронный ли марш? Ликующий ли гимн? Готовился ли он к смерти или неся мыслью в объятия милых сердцу? Не все написанное, хотя бы и рукою смертного, доступно взору месяца!

Я гляжу сквозь безграничное воздушное пространство на бегущие подо мною облака, гляжу и на пробегающие от них по земле длинные тени...»

ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ ВЕЧЕР

«Как я люблю детей! — начал месяц. — Особенно маленьких — они такие забавные! Я часто люблюсь ими — мои лучи проскальзывают между краешком занавески и косяком окна детской, — а они-то и не думают обо мне! Презабавно наблюдать, как они раздеваются: вот выглядывает сначала крохотное кругленькое плечико, потом обнажается и вся ручка,

а когда дело дойдет до чулок... и беленькая, полненькая ножка!.. Ну как не поцеловать ее?.. Я и целую! — прибавил месяц.

Сегодня вечером — это стоит рассказать! — я тоже глядел в окно одной детской: занавески не были спущены — напротив не было никаких соседей. В комнате укладывалась спать целая ватага детишек, и сестер и братьев. Младшей из них всего четыре года, но она знает «Отче наш» не хуже других. Мать каждый вечер присаживается к ней на кроватку и слушает, как она молится, потом целует ее и ждет, пока она уснет. Ждать приходится недолго: глазки крошки живехонько смыкаются. Сегодня двое старших немножко расшалились: один все прыгал в одной рубашонке по комнате, а другой вскарабкался на стул, навертел на себя платья всех остальных и объявил, что это — шарада; пусть-ка отгадают. Третья и четвертая аккуратно складывали свои игрушки в ящик — надо ведь и это кому-нибудь делать! Но вот мать присела к малютке на кроватку и велела детям вести себя потише: девочка читала «Отче наш».

Я смотрел прямо под лампу. Четырехлетняя малютка лежала в своей постельке, прикрытая чистым белым одеяльцем; вот она сложила ручки, личико ее приняло такое торжественное выражение, и она громко начала читать «Отче наш».

— Постой! — перебила ее вдруг мать. — Что это ты сказала после слов «хлеб наш насущный даждь нам днесь»? Ты что-то прибавила, но я не расслышала. Повтори!

Малютка молчала, смущенно глядя на мать.

— Что же ты сказала еще, кроме «хлеб наш насущный»? — настаивала мать.

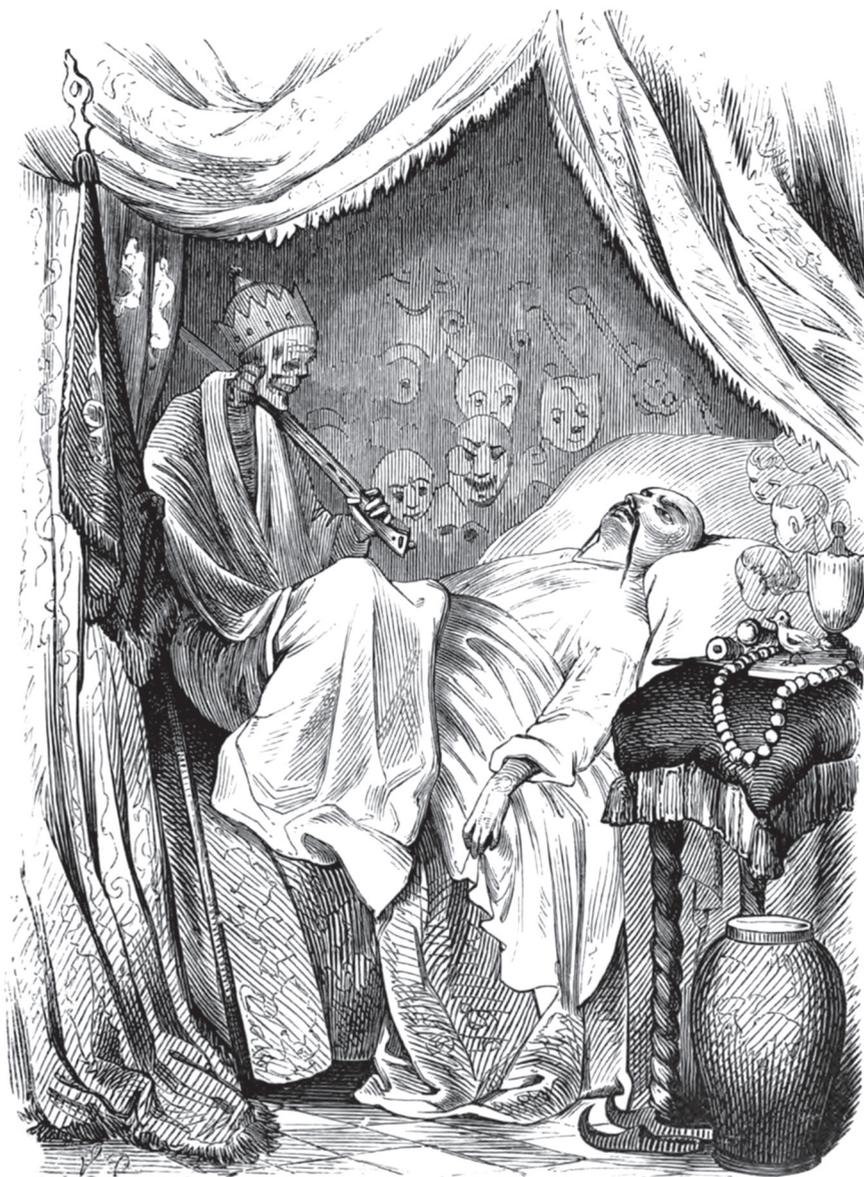
— Не сердись, мамочка! — пролепетала крошка. — Я попросила на хлеб маслица!»

НА СМЕРТНОМ ОДРЕ

(История, рассказанная месяцем)

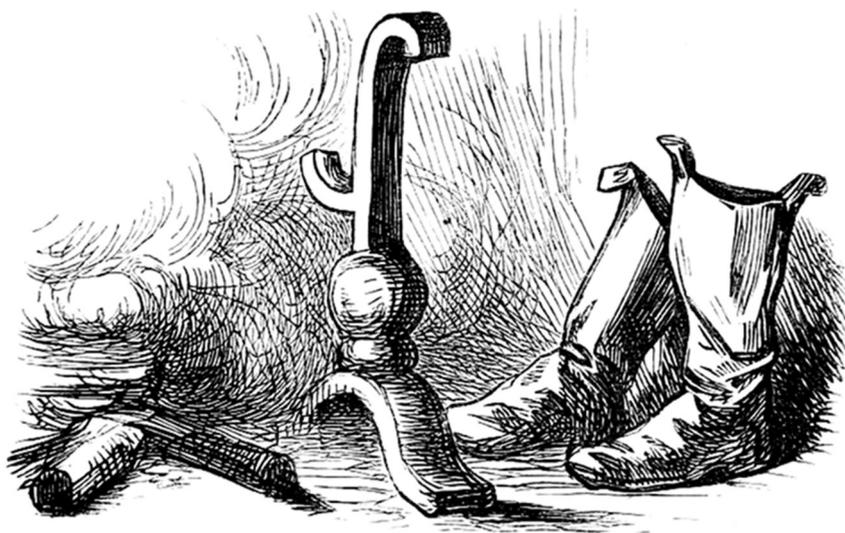
«Далеко-далеко отсюда, — так начал свой рассказ месяц, — возвышается дворец, огромный, роскошный, с мраморными барельефами на стенах, прекрасные ковры устилают его широкие лестницы и коридоры. Однажды я проплыл над венчавшим его куполом и заглянул с высоты сквозь стекла больших окон в великолепно убранную залу — то была сокровищница дивных произведений искусства. Но внутри царила невообразимая суматоха, причину которой я решил выяснить, и вот что я увидел: в спальном покое, в окружении свиты и лейб-медиков, под роскошным балдахином с тяжелыми золотыми кистями, возлежал на своем

пышном ложе король. Здесь было тихо, никто не смел шелохнуться. «Он задремал, — шептались придворные, — сон укрепит его тело и дарует облегчение от недуга». Но я-то знал, что король не спит. Мой взор уловил то, что недоступно человеческому глазу: посреди величественного

ложа, на груди закоченевшего, бледного короля, ослабившись в жуткой гримасе, восседала костлявая Смерть. Она нацепила на себя золотую корону монарха, а кончики своих заострившихся пальцев приложила к его глазам. Смерть нашептывала королю отвратительные истории, истории из его жизни, повествующие обо всех злых, жестоких деяниях, которые он когда-либо совершал. В покое стояла жуткая тишина, было так тихо, что отчетливо слышалось каждое слово, произнесенное Смертью. От ужаса на лбу короля выступили кровь и капли пота... Но меня там уже не было, — я плыл над высокими горами, оставив дворец далеко позади».

Вот о чем поведал месяц, я же лишь набросал эту картинку в свою тетрадь. Гениальный поэт, художник или композитор воспользовался бы этим материалом лучше, разукрасив мой бледный набросок пылающими красками, которые, подобно зловещим откровениям, явленным королю Смертью, прожигали бы человеческие сердца вплоть до самых потаенных их уголков.

МОИ САПОГИ

(Невыдуманный рассказ)

В Риме есть улица, именуемая *via Purificazione*, улица очищения, но чистотою не отличающаяся! Идет она то в гору, то под гору, повсюду валяются кочерыжки, черепки; из дверей остерии постоянно валит дым, а синьора соседка, — да, делать нечего, правда прежде всего! — вытряхивает по утрам в окна свои простыни. В этой улице ютится обыкновенно много иностранцев, но теперь страх лихорадки и других злокачественных болезней выгнал всех в Неаполь или во Флоренцию, и я жил в большом доме один-одинешенек. Даже хозяин с хозяйкой не оставались тут на ночь.

Дом был большой, холодный; при нем крохотный садик, в котором вился вокруг тычинки горошек да рос один полузачахший левкой. Зато в соседних садах, расположенных повыше, благоухали розы и золотились плодами лимонные деревья. Эти плоды отлично переносят непрерывные дожди; розы, напротив, имели такой вид, как будто пролежали с неделю на дне морском.

Тоскливо тянулись для меня вечера в этих огромных, холодных комнатах; камин зиял своей черной пастью, на дворе лил дождь, выл ветер. Все

двери были заперты наглухо, но что толку, если ветер пробирался сквозь щели и пел, и гудел в комнате на все лады? Тоненькие щепочки в камине только вспыхивали да трещали, а тепла не давали никакого. Каменный пол, сырые стены, высокий потолок — нет, совсем не зимнее жилье!

Если мне хотелось иногда согреться и вообще устроиться поуютнее, приходилось натягивать на себя теплые дорожные сапоги, пальто, башлык и меховую шапку. Вот тогда действительно становилось довольно тепло, особенно тому боку, что поджаривался у камина. Но на этом свете надобно уметь вертеться, и я вертелся, точно подсолнечник.

Вечера тянулись бесконечно; скука... Так вот зубы мои и начали задавать концерты, да еще какие! Солидная датская зубная боль и сравниться не может с итальянской. Итальянка разыгрывала на моих зубах, словно на клавишах, такие пьесы, что хоть бы самому Листу¹ или Тальбергу² в пору! То отдавалось у меня в передних зубах, то в коренных, как будто перекликались два хора; большой же передний резец исполнял партию примадонны со всевозможными болевыми фиоритурами, руладами и трелями. Да, в этой игре была такая сила, такая гармония, что я под конец утрачивал всякое человеческое подобие!

Вечерние концерты сменялись ночными. Во время одного из таких концертов, сопровождаемых в виде аккомпанемента дребезжанием стекол в окнах и шумом ливня, я бросил унылый взгляд на ночник. Как раз возле него стоял мой письменный прибор, и я ясно увидел, что перо мое плясало по бумаге, как будто им водила чья-то невидимая рука. Но нет! Оказалось, что пишет оно само собой, только под диктовку. Кто же диктовал? Да, оно, пожалуй, покажется невероятным, но это истинная правда; уж поверьте мне! Диктовали мои сапоги, мои старые копенгагенские сапоги! Я промочил их в этот день и поставил сушиться в камин возле тлеющей золы. Бедняги! Если я мучился сегодня зубной болью, то они страдали от водянки! Диктовали они свою автобиографию, каковая, по моему мнению, способна пролить некоторый свет на итальянскую зиму 1840–1841 года.

¹ *Лист Ференц* (1811–1886) — выдающийся венгро-немецкий композитор, пианист, дирижер и педагог.

² *Тальберг Сигизмунд* (1812–1871) — австрийский композитор и пианист-виртуоз.

Сапоги говорили:

— Нас двое братьев: сапог на правую ногу и сапог на левую. Первые воспоминания наши относятся к той минуте, когда нас отлакировали и затем вычистили щеткой! Мы могли смотреться друг в друга, как в зеркало, и видеть, что мы составляем как бы одно целое, являемся своего рода Кастором и Поллуксом¹, сиамскими близнецами, которым судьба определила вместе жить, вместе и умереть. По рождению мы оба были копенгагенцами.

Мальчишка, ученик сапожника, бережно надел нас на руки, чтобы пустить нас в люди, и это обстоятельство пробудило в нас приятные, но ложные надежды относительно нашего назначения. Тот, кому нас принесли, сейчас же схватил нас за уши и натянул себе на ноги, а затем зашагал в нас по лестнице. Мы скрипели от радости! На улице шел дождь, но мы все-таки скрипели, увы, только в этот первый день!

Ах, сколько грязных луж приходится перейти, живя на свете! А мы ведь не родились непромокаемыми! Грустно! Никакая щетка не могла уже вернуть нам нашего первоначального блеска, которым мы так гордились, когда сидели на руках мальчишки-сапожника. Кто же опишет наше счастье, когда мы узнали, что едем за границу, да еще в Италию, эту теплую, сухую страну, где нам придется ходить все по мрамору да по классической земле, впитывать в себя солнечные лучи и, без сомнения, вернуть себе утраченный блеск юности! Мы отправились. Во время долгих переездов мы мирно спали себе в чемодане, и нам все снились теплые страны. В городах же нас вынимали, и мы вволю нагляделись на белый свет, но грязь и сырость встречали повсюду такие же, как и в Дании. Подошвы наши были поражены гангреной, нам сделали операцию и приставили искусственные подошвы. Их, впрочем, пригнали к нам так хорошо, что мы как будто и родились с ними. «Хоть бы поскорее перебраться через Альпы! — вздыхали мы. — Там и тепло, и сухо!» Ну, вот

¹ *Кастор и Поллукс* — легендарные древнегреческие герои, братья-близнецы, родившиеся у бога Зевса и смертной Леды. Поллукс был бессмертен, как и его отец, а Кастору, как и матери, суждено было умереть. Однако между братьями возникла настолько крепкая дружба, что после того, как Кастор погиб в бою, Поллукс решил поделиться с ним частью своего бессмертия. Имена Кастора и Поллукса — или, как их еще называли, братьев Диоскуров, — стали символом верной и неразлучной дружбы.

и перебрались через Альпы, — ни тепло, и ни сухо! Дождь, ветер, а если и приходилось ступать по мрамору, то по такому холодному, что на подошвах у нас выступал холодный пот, и мы оставляли за собою влажные следы. Вечера, впрочем, мы проводили очень оживленно: слуга отеля, перенумеровав все сапоги и ботинки приезжих, присоединял к ним и нас, и мы могли вволю наговориться со своими иностранными товарищами. Между прочим, случилось нам раз беседовать с парой чудесных красных сафьянных голенищ с черными головками; дело было, кажется, в Болонье. Они рассказывали о теплом лете в Риме и Неаполе и о своем восхождении на Везувий. Там-то они и прожгли себе головки! Ах, мы просто затосковали от желания удостоиться такого же блаженного конца! «Только бы поскорее перебраться через Апеннины! Поскорее бы в Рим!» — думали мы. Теперь мы в Риме, и... мокнем здесь от дождя и грязи неделю за неделей! Как же, надо ведь осмотреть все достопримечательности, а им, как и дождю, и конца нет! Хоть бы раз обогрел нас солнечный луч! Нет, холод, ветер и дождь! О Рим, Рим! Сегодня ночью в первый раз наслаждаемся мы теплом в этом благословенном камине и будем наслаждаться, пока не лопнем! Передки уже отходят, мы просим каши, тут уж пиши пропало! Но прежде чем вкусить столь блаженную кончину, мы желаем оставить потомству эту правдивую историю, тело же наше завещаем доставить в Берлин тому, кто имел мужество описать Италию, «как она есть», правдолюбивому Николаи!¹

Тут сапоги развалились. Все стихло, ночник погас, я сам вздремнул немножко и, проснувшись утром, подумал, что видел все описанное во сне. Заглянув в камин, я нашел там совершенно съезжившиеся, высохшие, как мумии, сапоги. Потом я посмотрел на бумагу, лежавшую близ ночника; это была обыкновенная серая оберточная бумага, но вся в кляксах. Перо, значит, действительно бегало по ней. Но, увы, все буквы слились, и ничего нельзя было разобрать. Я записал поэтому весь рассказ по памяти и прошу всех помнить, что это не я, а мои сапоги жалуются на *bella Italia!*²

¹ *Николаи Густав* (1795–1852) — немецкий писатель, издавший в 1834 г. книгу «Италия, какова она есть в действительности: повествование о примечательном путешествии в гесперийских краях как предостережение для всех тех, кто туда стремится».

² Прекрасная Италия (*ит.*)

СВИНЬИ

Стоило милейшему Чарльзу Диккенсу¹ рассказать нам о свинье, мы и смеемся теперь, едва заслышим ее хрюканье². Святой Антоний тоже взял свиней под свое покровительство³, а вспомнив о блудном сыне, непременно вспомнишь и о свином закутке⁴. Перед таким-то закутком и остановился однажды наш экипаж. У самой дороги стоял крестьянский дом,

¹ *Диккенс Чарльз* (1812–1870) — английский писатель, классик мировой литературы.

² Автор подразумевает полное юмора описание свиней на улицах Нью-Йорка в путевых очерках Ч. Диккенса «Американские заметки» (1842).

³ *Святой Антоний* — один из самых почитаемых христианских святых, считается покровителем домашних животных.

⁴ Намек на то, что библейский «блудный сын» был вынужден наняться пасти свиней, поскольку растратил имущество, выделенное ему отцом (Евангелие от Луки, 15:15).

а тут же, под боком у него, и свиной закуток. Другой такой вряд ли бы где нашелся! Это была огромная старинная парадная карета. Вынули из нее сиденья, сняли колеса и без дальнейших церемоний ткнули в землю брюхом. Теперь в ней сидели четыре свиньи, но были ли они первыми, попавшими сюда, — сказать мудрено. О том же, что нынешнее помещение их — урожденная парадная карета, свидетельствовало все, до сафьянового лоскутка, остатка внутренней обивки включительно. И все, что мы рассказываем — истинная правда!

— Хрю-хрю! — слышалось из кареты, а сама карета скрипела и трещала, жалуясь на судьбу, ведь ей напоследок приходилось несладко!

— Конец, конец красным денькам! — вздыхала она или по крайней мере могла бы вздыхать.

Случилось нам опять проехать мимо нее осенью. Карета стояла на том же месте, но свиней в ней уже не было. Они теперь хозяйничали в лесу. Дождь так и сек деревья, а ветер рвал с них листья, ни на минуту не давая им отдыха. Птички все давно улетели.

— Конец красным денькам! — вздыхала карета. То же самое твердила и вся природа, и ей вторило человеческое сердце: «Конец красным денькам! Конец чудному зеленому убору леса, теплому солнышку и пению птичек, всему, всему!»

То же слышалось и в скрипенье дерев, тот же скорбный глубокий вздох слышался и из самой сердцевины розового куста. Это вздыхал король роз. Знаешь ли ты его? Его нетрудно узнать: он весь одна борода, чудеснейшая красно-зеленая борода. Подойди к розовому кусту осенью, когда цветов на нем уже нет, а лишь одни красноватые плоды. Между ними часто сидит и большой красно-зеленый, поросший мхом цветок. Это-то и есть король роз — единственный мужчина на всем розовом кусте; на маковке у него торчит маленький зелененький листочек — это его султан. Так вот этот-то король и вздыхал:

— Конец! Конец! Конец красным денькам! Конец розам! Листья все опали! Птички замолкли! Сыро, мокро! Свиньи пошли по желуду, свиньи хозяйничают в лесу!

Ночи выдались холодные, дни серые, но ворон, сидя на ветке, все-таки кричал:

— Bravo! Bravo!

Вороны и вороны облепили все ветви; эта семейка ведь не из маленьких! И все кричали одно и то же:

— Браво! Браво!

А большинство всегда ведь право.

Под высокими деревьями в овраге образовалось настоящее месиво, и тут-то валялись свиньи — и большие, и маленькие; уж так-то им здесь было вольготно!

— Оуи! Оуи!¹ — твердили они. Больше они по-французски не знали, но ведь и это уже кое-что. Ах, они были такие умные и такие жирные!

Старые лежали смиренно; они что-то думали. Молодые, напротив, резвились напропалую. У одного маленького поросенка кончик хвостика завернулся в колечко. Мать поросенка не могла налюбоваться на эту завитушку, гордилась ею. И ей казалось, что все только и смотрят на завитушку, только и думают о ней, — а хоть бы кто! Каждый думал о самом себе да о том, что можно извлечь из этого леса.

Свиньи всегда полагали, что желуди растут на корнях деревьев, оттого всегда и рылись в земле, и вдруг явился один такой молокосос-поросенок — это уж вообще дело молодежи являться с новостями — и объявил, что желуди падают с ветвей. Ему самому один желудь угодил прямо в голову. Это подало ему первую идею, он стал наблюдать и окончательно уверился в своем предположении. Старые свиньи сбились головами в кучу и хрюкали:

— Конец убранству! Конец птичьей пискотне! Подавайте нам теперь плодов! Что можно слопать, то и годится, а слопать можно все!

— Оуи! Оуи! — хрюкали все.

А мамаша поросенка глядела на сыночка с завитушкой на хвостике и говорила:

— Нельзя же вовсе забыть и о красоте!

— Браво! Браво! — закаркал ворон, слетевший сюда, чтобы занять ампула соловья. Кому-нибудь да надо занимать его, вот ворона и приняла.

— Конец! Конец! — вздыхал король роз. — Конец красным денькам!

Было сыро, холодно и ветрено; дождь повис над лесом и полем, точно морской туман, и так и сек, так и хлестал их. Куда подевались все певунии-

¹ Да! Да! (фр.)

птички, куда подевались цветы с лугов и сладкие ягодки из леса? Конеч, конеч всему!

И вдруг в домике лесника блеснул, словно звездочка, огонек, и между деревьями проскользнул длинный луч света. Из домика слышалась песня. Это играли вокруг старичка дедушки ребятишки. Он же сидел с Библией на коленях, читал им из нее о Боге и о вечной жизни и говорил, что весна опять придет, лес опять зазеленеет, розы вновь расцветут, соловьи запоют, и красота снова взойдет на трон!

Но король роз ничего этого не слышал. Он сидел в сырости и мокроте и вздыхал:

— Конеч! Конеч!

А свиньи все хозяйничали в лесу, и мамаша поросенка все любовалась на его завитушку.

— Всегда ведь найдутся ценители прекрасного! — твердила она.

О ЧЕМ ПОВЕДАЛА СТАРАЯ ИВА

Дорога была проселочная, узкая и лежала в стороне от большого тракта; по бокам ее выстроились в ряд ивы, выглядевшие довольно уныло: их стволы вместо пышной кроны венчала обрубленная, узловатая верхушка, из которой, словно струи воды из лейки, взметнулись вверх молодые побеги — тонкие лозинки; таких деревьев здесь было много, а вот живописную иву можно было увидеть, пройдя по дороге чуть дальше; там, возле огромной лужи, которая имела все основания называться прудом, стояло старое-престарое дерево, ему, должно быть, исполнилось больше сотни лет. Во времена далекой молодости эту иву подрезали, как и все остальные деревья, и ей приходилось беспрестанно выпускать свои побеги-прутики, но вот уже с полвека ива была предоставлена самой себе и выглядела теперь поистине роскошно: ее длинные густолиственные ветви клонились к подернутому ряской и заросшему зеленью пруду; посреди ствола проходила трещина, во время одной из сильных бурь расщепившая макушку ивы, а из этой самой трещины, куда ветром нанесло

чернозему и прелых листьев, росли трава и цветы. Особенно наверху, где дерево раздваивалось, — там образовался целый висячий садик с малиной и мокричником; там даже проросла крохотная стройная рябинка, которая красовалась теперь на верхушке ивы. Казалось, что дерево, такое сгорбленное, такое дряхлое и почтенное, — это старец, а раскидистые ветви — его пышный зеленый парик. Впрочем, оно и в самом деле было стариком, которому перевалило за сотню лет.

Ива, застывшая в гордом одиночестве, была достойна кисти художника, однако стоило подойти к ней поближе, и тотчас становилось понятно, что ее окружение являет собой еще более живописное зрелище. В первую очередь, сказанное относилось к пруду, который цвел и зеленел, его заполнили водяные растения, а потому он казался зеленым пятном, — лишь на миг, когда расходилась в стороны потревоженная плюхнувшейся лягушкой зеленая ряска, можно было увидеть черную воду. К ней-то и тянулась старая ива. Сюда же склонил свои ветви росший сбоку куст бузины, который каждую весну стоял усыпанный цветами; над лопухами и крапивой навис дикий хмель, а в самом углу вымахал здоровенный розог¹, необычайно бархатистый, могучий и крепкий.

Позади же всего этого зеленого великолепия одиноко ютилась ветхая, полуразвалившаяся крестьянская лачуга; казалось, она изнемогала под тяжестью лепившегося на ней гнезда аиста — единственного, что там не нуждалось в починке; дикий хмель оплел развалюху вплоть до темно-зеленой крыши, на которой тут и там росли среди разноцветного мха дикий чеснок и желтые цветы. На лачугу эту можно было только смотреть, но уж никак не дотрагиваться до нее — настолько она была дряхлой! Но это не смущало ни аиста, ни древнего старика, коротавшего в ней остаток своих дней, хотя ему частенько неприятно поддувало с севера, ведь к северу от лачуги не было ни единого деревца — ни ивы, ни бузины. Там расстилалась огромная барщина²: овес стоял еще желто-зеленый, тогда как пшеница уже налилась золотом и созрела.

¹ *Розог* — болотное растение с красивыми бархатистыми початками коричневого цвета на концах стеблей, ошибочно называемое «камышом».

² *Барщина* — здесь господское поле, на котором трудились крепостные крестьяне.

— Старик в лачуге, аист наверху, да я вот тут, у пруда, — говорила старая ива, — мы — одна семья. Я здесь дольше всех и появилась прежде остальных; а старика я помню, когда он был еще маленьким светловолосым мальчиком. В этой самой лачуге он родился и вырос; по моей спине он карабкался, баламутил пруд своими босыми ногами, — ни на неделю этот мальчишка не пропадал у меня из виду. Как-то раз он воспылал любовью к девушке — жалкий оборванец! По пути на ярмарку он сидел с ней бок о бок в повозке, но так и не осмелился признаться в своих чувствах — и тем лучше, поскольку на следующий же день девица согласилась выйти за богача крестьянина, доставившего ей и скот, и прочие блага. «Она это заслужила», — услышала я тогда от робкого паренька. Не больно он был разговорчив, а в последний год и подавно — не чета моим ветвям: уж они-то шелестят на все лады, когда ветер резвится в них. Ни мне, ни ему торопиться некуда, а дождь с непогодой, солнечные лучи да облака пусть себе проносятся над нами! Аисту тоже не сидится на месте: каждый год ему нужно улетать отсюда Бог знает куда, в чужие страны, но он нас не забывает и каждый год возвращается обратно. Правда, воробьи чирикают, мол, на самом-то деле это потому, что здесь он не испытывает

недостатка в хорошей еде, да стоит ли слушать болтунов, которые ни о чем другом и говорить не могут! Аист — преданный друг! «Благодаря ему не сносят лачугу», — сказала недавно барышня из господской усадьбы, присевшая у дороги и перенесшая на бумагу меня, лачугу, и аиста, — она назвала это зарисовкой.

Я, конечно, подсмотрела, что у нее получилось. Меня изобразили любующейся своим отражением в пруду, однако на этой картинке можно лицезреть лишь мою внешность; того, что я чувствую, там, как ни старайся, не разглядишь.

«До чего ж здесь славно, сущая благодать!» — радуется старый Якоб, живущий в лачуге. Аист же считает, что места лучше этого не сыскать: и то правда — здесь наши корни, а у него тут свое гнездо.

КАРТОШКА

Бывало, — да-да, частенько бывало, и боюсь, не избежать этого и впредь! — поэты воспевали одно лишь благородное да богатое: то, что Господь наш, словно в подтверждение человеческой ничтожности, выдвинул в первый ряд. Стыдитесь, господа поэты! Мы же собираемся воспеть картошку, ибо она это заслужила, и да будет благословен тот день, когда проросла она в Европу!

— Воспеть картошку! — удивленно восклицает кто-то и тут же добавляет: — Вот умора!

Подобного не услышишь, когда речь заходит о самом первом стихотворении на свете или, скажем, сундуке с деньгами. Однако же картофель, славный, питательный картофель, является достойнейшим объектом, поскольку с честью выполняет свое предназначение. Вот мы и восславим его! И все же нам это не под силу: никто не воздаст картофелю должное прекрасней и возвышенней виденного нами однажды в одной из беднейших, теснейших улочек большого города. Из здешнего погребка вышла маленькая оборван-

ная девочка, она вся раскраснелась, ее глаза сияли, в руках малышка держала миску, полную горячего картофеля, только что купленного ею внизу. Девочка ликовала: «Мы устроим дома пир! У нас будет горячая картошка!» — ни одному священному птичьему гнезду индейцев не поклонялись с таким великим восторгом и сердечной искренностью, каких удостоилась простая картошка.

Из Америки, а точнее из Перу, «страны золота», прибыл к нам этот скромный земляной плод — благословение для человечества, манна небесная в голодную пору! Работорговец Хоукинс¹ привез его в Англию, а Йонас Альстрёмер² ввел в обиход в Швеции в 1720 году; немногим позже картошка добралась и до Германии, но всюду она поначалу была отвергнута, забыта — и, наконец, добивалась признания! Биография картофеля имеет много общего с историей жизни большинства великих людей³.

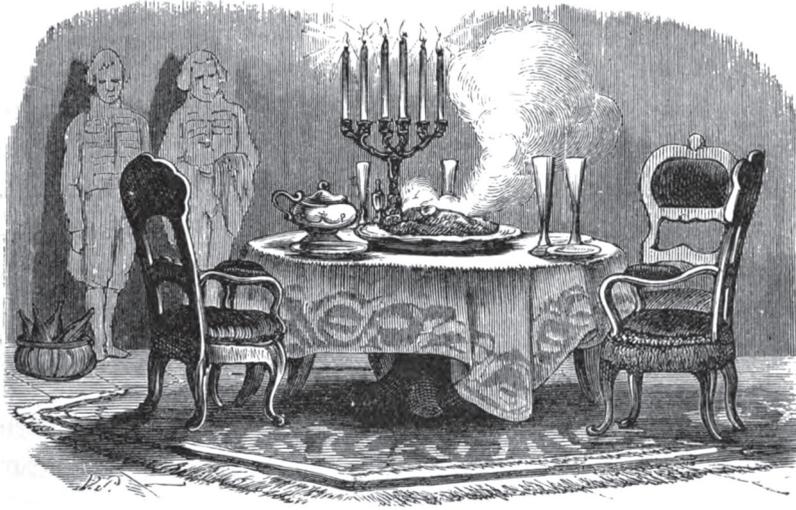
Картошке и впрямь пришлось пережить немало горьких дней, ставших достоянием истории. Думаете, ее тотчас же принялись выращивать, получая богатый урожай? О ней твердили священники с церковных кафедр, короли самолично раздавали клубни, чтобы люди сажали их в землю, но разве уследишь, вправду ли посадят. Не далее как сотню лет назад прусский король Фридрих II⁴ пожаловал целый воз картофеля городу Кольбергу и приказал бить в барабаны, чтобы созвать всех горожан. Отцы города показали народу

¹ *Хоукинс Джон* (1532–1595) — английский моряк, бывший, помимо прочего, работорговец. По некоторым источникам, в 1563 или 1565 году именно он впервые привез картофель в Европу из Перу.

² *Альстрёмер Йонас* (1685–1761) — шведский промышленник, который в 1724 г. (а вовсе не в 1720, как сообщает Андерсен) ввел картофель в обиход у себя на родине.

³ Возможно, здесь заложено зерно будущей истории «Тернистый путь славы» (1856).

⁴ *Фридрих II* (1712–1786) — прусский король-полководец, прозванный также Картофельным Фридрихом. Используя военную силу и хитрость, он внедрил в своей стране картофель, спасший немцев от голода. В благодарность за это на его могилу до сих пор приносят клубни картофеля.

новый плод, после чего огласили, как его нужно сажать, растить и готовить в пищу. Однако мало кто уразумел сказанного, и горожане принялись пробовать на вкус сырую картошку: «Фу, какая гадость!» — возмутились они и отшвырнули клубни, заметив, что даже собаки не стали их есть.

Некоторые рассадили свои картофелины там и сям по полю, ожидая, что из них вырастут деревья, с которых можно будет снимать плоды; другие побросали всю полученную меру картофеля в глубокую яму, где клубни слежались и превратились в ком.

На следующий год королю пришлось все начинать сизнова, и лишь мало-помалу до людей, наконец, дошло, что к чему. Зато теперь картошка крепко стоит на ногах, теперь-то ее все признали!

А вот, что рассказывали уже в наши дни, когда картофель, почитаемый ныне благословенным плодом, достиг берегов Греции: король Отто¹ встречал свою молодую супругу, и греки усыпали дивными розами всю улицу, по которой пролегал ее путь, а самой королеве преподнесли букет из цветов картофеля, — он значил гораздо больше, чем розы!

Мы и вплели в наш букет то, чем не побрезговала сама королева Греции: немного зеленой ботвы с картофельного поля — скромной крохотной делянки перед домиком сторожа у дорожной заставы.

¹ *Отто* или *Оттон I* (1815–1867) — первый король Греции в 1832–1862 г. из династии Виттельсбахов. 22 декабря 1836 г. он женился на принцессе Амалии Ольденбургской (1818–1875).

ЯБЛОКО

В далекой Англии двое малышей, мальчик и девочка, играли яблоком: они встряхивали его и слушали, как внутри шуршат зернышки. Затем дети разрезали яблоко, каждому досталась своя половинка, а потом поделили и зернышки. Их тоже съели, кроме одного. Его мальчик предложил посадить в землю.

— Вот увидишь потом, что получится! — пообещал он. — Тебе такое и не снилось! Из зернышка вырастет целое яблоневое дерево, только не сразу!

До чего смысленный ребенок!

И они посадили зернышко в цветочный горшок. А уж как при этом старались! Мальчик вырыл пальцем ямку в земле, а девочка аккуратно положила туда зернышко, и они присыпали его землей.

— Только смотри не выкапывай его завтра, чтобы проверить, пустило ли оно корешки, — предупредил мальчик. — Так поступать нельзя. Я вот в прошлом году два разочка всего проделал подобное со своими цветами, хотел посмотреть, растут они или нет — ума-то у меня тогда не хватило! — и тем самым их уморил.

Цветочный горшок остался стоять у девочки в комнате, целую зиму она каждое утро подбегала к окну проверить, но ничего, кроме черной

земли в нем не находила. Когда же, наконец, настала весна, и солнышко начало пригревать, сквозь землю пробились на поверхность два крохотных зеленых листочка.

— Что за прелесть! Это ведь настоящее чудо! — ликовала девочка. — У нас растет яблонька!

И с каждым днем, с каждой неделей росток становился крупнее, укреплялся и тянулся вверх. Он превратился в настоящее маленькое деревце, подраставшее год от года, однако его цветения девочка так и не увидела, — Господь призвал ее к себе.

Мальчик же был живехонек, но деревце-то росло не у него в комнате. Хотя, впрочем, он и думать про него забыл. Его память не сохранила той игры с девочкой, когда они посадили в цветочный горшок яблочное зернышко и хотели, чтобы из него выросло такое, о чем девочка и помыслить не могла. Мальчик этот покинул отчий дом и поступил в школу, чтобы из него что-нибудь да вышло. А уж с каким удовольствием он читал, учился, набирался премудрости! Он забыл свои детские игры и теперь совсем уже не вспоминал о яблочном зернышке и о том, что могло из него получиться.

А оно превратилось в деревце, которое в пору было пересаживать в сад. Туда-то оно и попало: так молодая яблонька оказалась в широком

мире. Из нее тоже что-нибудь должно было получиться. Здесь она росла на свежем воздухе, умывалась росой, грелась на солнышке и набиралась сил для того, чтобы переждать зиму. Весной же, счастливая тем, что зимние невзгоды остались позади, она взяла, да и расцвела. К осени на ней красовались несколько яблок.

Шло время, могилка девочки зарастала травой, в школе же год за годом рос человек, исполненный глубокой веры в сердце и с благородными мыслями в голове. Он грезил о тех днях, когда его имя встанет в один ряд с именами величайших мыслителей мира. Где уж тут ему было вспоминать про яблоньку, девочку, вместе с которой они детьми играли яблоком, затем съели его и зернышки тоже, но одно все-таки оставили и посадили в землю, чтобы девочка увидела такое, что и представить себе не могла.

Дом, где некогда играли дети, за долгие годы претерпел немало тяжких невзгод, суровых испытаний. Родители маленькой девочки обеднели, дом и усадьбу пришлось продать. Новые хозяева принялись все переделывать да перестраивать, через сад пролегла проселочная дорога, у обочины которой и оказалась яблонька. Но, как и прежде, солнце согревало ее, роса умывала, весной дерево пышно расцветало, а к осени ветви его гнулись под тяжестью изобильных плодов. Многие из этих ветвей были сломаны, ведь яблоня росла у самой дороги, где все, кому не лень, могли сорвать с нее цветы, своровать плоды, в благодарность за это обломав ей ветви. Да, дереву, стоявшему там уже много-много лет, на заре его жизни такое и не снилось — если позволительно говорить о яблоне, как о живом человеке. История-то ее начиналась так красиво, а что из всего этого вышло? Одинокое, заброшенное, ничем не защищенное садовое дерево оказалось в придорожной канаве. Изломанное, растрепанное, покрытое трещинами, оно не засохло, но с годами цветов на нем становилось все меньше и меньше, а уж яблок — и подавно.

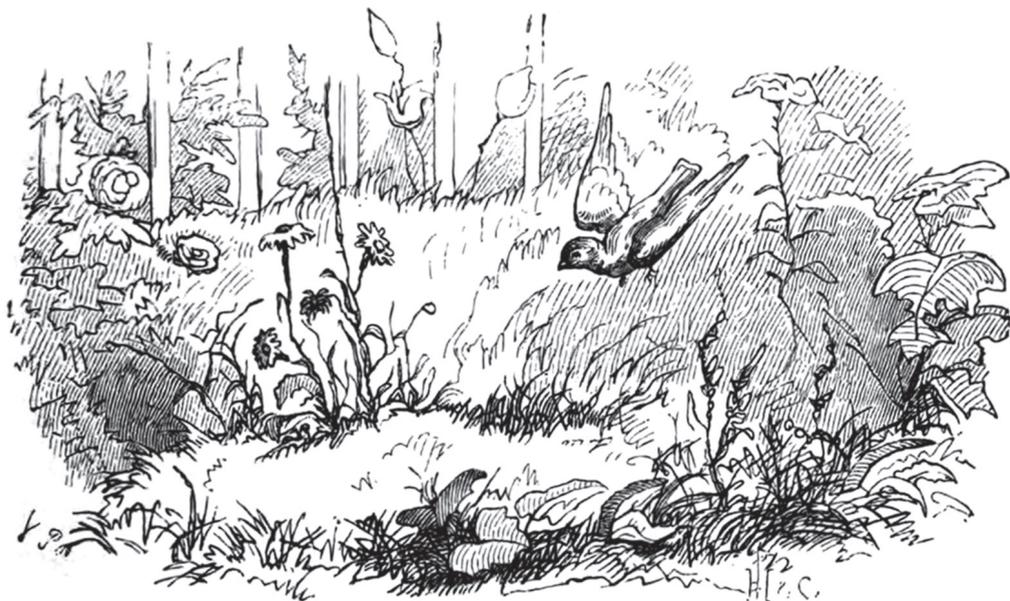
Однажды осенью созрело лишь три яблока, и висели они рядышком, на одной ветке, совсем как в тот год, когда молоденькая яблоня радовалась своим первым плодам. Их тогда было тоже три или четыре. Однако теперешние оказались последними. Сначала упало одно яблоко, вслед за ним — второе, и, наконец, сиротливо покачиваясь на ветке, осталось самое последнее — третье яблоко. Вместе с его падением закончилась и история дерева.

Кто знает, быть может, именно такие мысли и занимали пожилого человека, который, шагая по проселочной дороге, остановился, погруженный в раздумье, и устремил свой взгляд на последнее яблоко на дереве. Что ж, почему бы и нет! Ведь это был тот самый человек, который ребенком посадил в землю яблочное зернышко, но не видел, как оно росло, не видел, что из него получилось. Ему было невдомек, что Господь своим взором проник в его мысли, занятые в тот миг взаимосвязью всего сущего, загадкой бытия, и Господь же своими помыслами направил то, что мы зовем силами природы¹: легкое дуновение ветерка коснулось листвы дерева, ибо Дух Божий витал и витает надо всем, с ветки упало яблоко. Человек, наконец, разрешил занимавший его вопрос Законом всемирного тяготения. То был Исаак Ньютон².

¹ Андерсен выражает здесь идею своего близкого друга датского физика и философа Х. К. Эрстеда (1777–1851) о тождестве Божьих помыслов и законов природы. Так, в примечании к своему стихотворению «Воздушный корабль» (1836) Эрстед писал: «Много тысяч голов, с тех пор, как люди заселили Землю, пострадали от падающих на них плодов. Однако лишь упав на голову Ньютона, плод дал начало мировой механике, ибо ростки ее уже дремали в душе Ньютона и лишь в определенный момент, когда под влиянием опыта прошлого и настоящего времени они начали развиваться в верном направлении, было сделано открытие».

² *Ньютон Исаак* (1643–1727) — английский математик, физик и философ, открывший Закон всемирного тяготения; настаивал на необходимости строго механистического, причинно-следственного и математического объяснения природы. Вместе с тем, Ньютон полагал, что законы природы вечны и неизменны и выражают собой установленный Творцом порядок вещей.

УРБАН

В одном монастыре жил молодой монах по имени Урбан, благочестивый и прилежный юноша. Ему были доверены ключи от монастырской библиотеки, и он добросовестно берег свои сокровища, переписал много прекрасных книг и постоянно занимался изучением Священного Писания и других текстов. Однажды его внимание привлекло библейское изречение апостола Павла: «Пред очами Господа тысяча лет, как один день, когда он прошел, и как стража в ночи»¹. Это произвело глубокое впечатление на молодого человека, будучи, по его мнению, совершенно

¹ Автор приводит здесь 5 стих псалма 89, принадлежащего ветхозаветному пророку Моисею. Апостол Петр (а вовсе не апостол Павел, как утверждает Андерсен) цитирует его следующим образом: «Одно то не должно быть сокрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (2-е послание Петра, 3:8). Стража в ночи — треть ночи у древних евреев. Произошло это деление из практических соображений о необходимости дать отдохнуть ночным караулам, охранявшим стан или город от нападения врагов и от других опасностей. У Моисея стража упоминается как образ быстротечности времени.

невозможным; он не мог поверить написанному и был раздираем сомнением и тяжкими думами.

И вот, как-то раз утром случилось монаху спуститься из мрачной библиотеки в прекрасный, залитый солнцем монастырский сад, где он увидел пеструю лесную птичку, сновавшую по земле в поисках зернышек. Вскоре она вспорхнула на ветку и запела, да так дивно! Птица вовсе не была пуглива и дала возможность монаху подойти совсем близко. Ему хотелось изловить ее, но птичка порхала с одного дерева на другое. Монах следовал за нею, а она пела, не переставая, чистым, чарующим голосом, но и в руки не давалась, хотя Урбан проделал уже значительный путь от монастырского сада до лесной чащи.

В конце концов, он отказался от своей затеи и воротился к монастырю, но — вот чудеса! — все вокруг словно бы преобразилось: стало выше, крупнее и прекрасней — и строения, и сад; а вместо низенькой, ветхой монастырской церквушки вознесся к небесам величавый собор с тремя башнями. Монаху показалось это диковинным, едва ли не колдовским! Подойдя к монастырским воротам, он нерешительно дернул за веревку колокола, и к нему вышел совершенно незнакомый привратник, который в изумлении отпрянул.

Путь Урбана лежал через монастырское кладбище, и здесь он заметил множество надгробий, которых, как ему помнилось, прежде не было. Когда же приблизился он к монастырской братии, монахи испуганно расступились перед ним. Лишь настоятель, но не тот, который был известен ему — другой, моложе, совершенно незнакомый монаху — остался на месте и, направляя на него крест, воскликнул:

— Именем Распятого! Кто ты, беспокойный дух, восставший из могилы? И что ищешь среди нас, живых?

Смертный холод объял Урбана; он пошатнулся, словно дряхлый старик, опустил глаза, смотрит — а у него седея, как лунь, борода — длинная, ниже пояса, на котором все еще висела связка ключей от запертых книжных шкафов.

С робким почтением монахи сопроводили диковинного незнакомца в покои к настоятелю. Настоятель вручил одному из молодых иноков ключи от библиотеки, тот отпер дверь ее и принес рукописную хроннику, где можно было прочесть, что монах по имени Урбан бесследно

исчез триста лет тому назад. Никто не знал, сбежал он или погиб по вине злого рока.

— О, лесная пташка, все дело в твоей песне! — молвил незнакомец со вздохом. — Я последовал за тобою и наслаждался пением твоим менее трех минут, а между тем миновали три столетия. Ты пела мне о вечности — вечности, которой я не мог уразуметь. Но теперь я уразумел и преклоняюсь пред тобою, Всевышний, во прахе, ибо я и сам — лишь частица его! — изрек он, склоняя свою голову, и тело его рассыпалось прахом.

БУКВАРЬ

Как-то раз один человек сочинил несколько новых рифм для «Букваря» — по две строки для каждой буквы, так же, как и в старой книжке¹. Он полагал, что просто необходимо придумать что-то свежее, ведь уже существующие стихи безнадежно отстали от века и давно всем надоели. Новые же рифмы их сочинитель находил весьма неплохими. «Букварь», в который их поместили, был пока еще только рукописным, но он уже располо-

¹ Букварь немецко-датского печатника и издателя Й. Р. Тиле (1736–1815) увидел свет в 1770 г. и использовался вплоть до 1840-х гг.

жился рядом со старым, напечатанным, в огромном книжном шкафу, где стояло множество книг — как ученых, так и предназначенных для развлечения. Однако старому «Букварю» такое соседство пришлось не по вкусу: он взял, да и спрыгнул со своего места на пол, толкнув при этом новый «Букварь», так что и тот теперь очутился внизу, рассыпав свои листы по полу.

Старый «Букварь» лежал открытый на первой странице, — а она ведь самая главная в книжке, где представлены все буквы, большие и маленькие. Она одна заключает в себе то, из чего состоят все книги, которые когда-либо были написаны — алфавит, — чудесное войско символов, что управляют миром; поистине необыкновенной властью они обладают! Только прикажи им стоять в нужном порядке, — и воины эти обретут способность даровать жизнь или лишить ее, осчастливливать или опечаливать. Поодиночке-то они ничего не значат, а вот когда волею мудрого Господа оказались выстроенными в ряд, облеченными в слова¹, мы узнали больше, чем способны были вынести, и склонились под этой тяжестью; буквы же не дрогнули и стойко несут ее.

Так вот теперь они лежали на полу у всех на виду, и петушок², изображенный подле заглавной буквы А алфавита, сверкал своими яркими перьями — красными, синими, зелеными. Он горделиво приподнялся со страницы и взъерошился. Да, уж он-то прекрасно знал о важности букв и к тому же был среди них единственным живым существом!

Когда петух обнаружил, что старый «Букварь» лежит на полу, он взмахнул крыльями, взмыл вверх и пристроился на уголке книжного шкафа. Здесь он почистил клювом перья и закукарекал звонко и протяжно. Каждая из книг в шкафу, стоявших днем и ночью, словно в оцепенении,

¹ Датский литературовед Ханс Брикс (1870–1961) считал, что Андерсен намекает здесь на каменные скрижали с заповедями, упоминаемые во второй книге Пятикнижия, поскольку именно в них он видел свидетельство божественного происхождения букв: «И когда [Бог] перестал говорить с Моисеем на горе Синае, дал ему две скрижали откровения, скрижали каменные, на которых написано было перстом Божиим» (Исх. 31:18). Однако более вероятным кажется предположение о том, что для Андерсена вся Библия являла собой откровение Господне.

² Изображение петуха, считающегося символом бдительности и наблюдательности, было заимствовано из немецких букварей.

когда их никто не читал, была разбужена этим трубным гласом¹. Затем петух высказался громко и ясно об оскорблении, нанесенном достопочтенному старому «Букварю»:

— Все теперь должно быть по-новому, по-другому! — заявил он. — Все должно идти в ногу со временем, ведь нынешние дети такие сообразительные, что начинают читать раньше, чем выучат алфавит. «Вот и надо им преподнести что-нибудь новенькое!» — решил умник, накропавший новые стихи, которыми теперь усеян весь пол. Я их знаю! Да-да! Раз десять я слышал, как он зачитывал их для себя вслух. Ему, видите ли, они очень нравятся! Ну, уж нет! Попрошу оставить в покое мои родные, добрые старые рифмы из «Букваря» с *Xanthus*² и картинками, что прилагаются к ним. За них я буду бороться, за них буду драть свое горло! Они хорошо известны любой книге в шкафу! Теперь же я зачитаю вслух все эти новомодные стишки. Постараюсь сохранять присутствие духа, да только уверен: мы единогласно решим, что они из рук вон плохи!

А. Атте (Кормилица)

Кормилица в платье воскресном шагает
И гордо на деток хозяйских взирает.

В. Vonde (Крестьянин)

Крестьянина раньше во всем притесняли,
Теперь слишком много ему воли дали!³

¹ *Трубный глас* — согласно христианскому вероучению, звук архангельской трубы в день Страшного суда.

² *Ксанф* — имя мифического коня. Двустипшие из старого «Букваря» выглядело следующим образом:

Ксанфа Нептун в конюшне своей
Считал одним из лучших коней.

³ Намек на контраст между жалким положением крестьян в годы крепостничества (1733–1788) и сильным интересом к политической жизни, проявившимся в их участии в партии «Друзей крестьян» (дат. *Vondevennerne*), основанной в 1846 г.

— Этот стих мне кажется совершенно неуместным! — заметил петух. — Тем не менее, продолжу читать!

C. Columbus (Колумб)

Колумбу плыть пришлось немало,
Чтоб суши вдвое больше стало!¹

D. Danmark (Дания)

О *Датском* королевстве слух идет,
Что Бог в годину бед его спасет!

— Многим это покажется трогательным! — ухмыльнулся петух. — Но я так не считаю! Не вижу здесь ничего трогательного! Читаем дальше!

E. Elephant (Слон)

Хоть тяжело ступает *слон*,
Конечно, молод сердцем он!

F. Formørkelse (Затмение)

Очень довольна *затмением* луна —
Носит ермолку² подолгу она!

G. Galten (Боров)

Боров с кольцом в пяточке — кавалер,
Правда, лишенный хороших манер.

¹ *Х. Колумб* (1451–1506) в 1492 г. открыл Америку.

² *Ермолка* или *кипа* — головной убор благочестивого еврея, символизирующий скромность, смирение и благоговение перед Всевышним. Представляет собой маленькую круглую шапочку, прикрывающую макушку.

Н. Hurra (Ура)

Нередко «*ура*», звучащее страстно,
Весьма опрометчиво и напрасно!¹

— И как ребенку понять такое? — воскликнул петух. — Правда, на титульном листе указано: «*Букварь для больших и маленьких*», но только у великовозрастных-то есть дела поважнее чтения «*Букваря*»! Ну а малышам его не понять! Всему ведь есть предел! Однако я продолжу!

Ж. Jord (Земля)

Земля плодородна, кругла, словно мать,
Когда-нибудь снова в ней будем лежать.

— Ну, это уже граничит с пошлостью! — возмутился петух.

К. Ко. Kalv (Корова, телушка)

Корова рябая — супруга быка,
Телушка — всего лишь ребенок пока.

— И как объяснить детям родственные связи? — хмыкнул петух.

Л. Løve. Lorgnet (Лев, лорнет)

С *лорнетом* дикий *лев* не бродит,
Лорнет партерный лев наводит.

М. Morgensol (Заря)

Утром ранним *заря* занимается
Не оттого, что петух надрывается.

¹ Намек на восторженность современников писателя принятием Конституции в 1849 г.

— Теперь оскорбления в мой адрес! — воскликнул петух. — Но и то хорошо, я хоть в приличном обществе оказался — в обществе солнца!
Читаем дальше!

N. Neger (Негр)

Сколько **негра** ты ни мой,
Не сотрется сажи слой.

O. Olieblad (Оливковый лист)

Голубь когда-то, светел и чист,
Людам принес **оливковый лист**¹.

P. Pande (Лоб)

Такое вместить может **лоб** человека,
Чему не хватает пространства и века!

Q. Qveg (Скот)

Хорошее дело — **скот** разводить,
Есть и плохое — самим **скотом** быть.

R. Rundetaarn (Круглая башня²)

Тот, кто с **Круглую башню** размером,
Может не быть благородства примером.

¹ Согласно библейскому рассказу, Ной, спасавшийся от всемирного потопа, узнал о том, что вода сошла, благодаря голубю, вернувшемуся к нему с оливковым листом в клюве.

² *Круглая башня* — одно из самых крупных сооружений старого Копенгагена, обсерватория в составе комплекса университетских зданий, который был возведен по приказу короля Кристиана IV (1577–1648) в середине XVII века.

S. Sviin (Свинья)

Друг мой, гордиться сверх меры не надо
Тем, что *свиней* в лесу — целое стадо¹.

— С вашего позволения, я прочищу горло! — объявил петух. — Ведь такое длительное чтение хоть кого уводит; я должен перевести дух!

Тут он закричал, да так пронзительно, словно медная труба! Какое блаженство было слушать это — для петуха!

— Продолжим! — сказал он.

T. Theekedel, Theemaskine (Чайник, самовар)

Пусть *чайник* закопился от нагара,
Но он поет не хуже *самовара*!²

U. Uhret (Часы)

Где бы ты ни был — мертвый, живой, —
Стрелки *часов* не замедлят ход свой!

— А здесь, должно быть, подразумевается какая-то глубокая мысль! — проворчал петух. — Но она упрятана так глубоко, что до нее и не добраться!

V. Vaskebjørn (Енот)

Если за дело возьмется *енот*,
Скоро до дыр он его изотрет!³

¹ Во времена земельных сообществ зажиточные крестьяне отпускали своих свинок гулять в лес, чтобы те наелись желудей, — это свидетельствовало о достатке их хозяев.

² Сатира на различие между народным и салонным искусством.

³ На русский язык слово *vaskebjørn* (енот) буквально переводится как «медведь-полоскун» или «стирающий медведь».

X - -

— Здесь он не мог придумать ничего нового!

В море семейном должна быть скала:
Так, у Сократа *Ксантитта*¹ была.

— Он все-таки выбрал Ксантиппу. Ксанф был бы здесь гораздо уместней!

Y. *Ygdrasil* (*Игдрасиль*²)

Под ясенем боги держали совет,
Засох *Игдрасиль*, — и богов уже нет.

— Осталось совсем чуть-чуть, — заверил петух, — и это утешает!
Дочитываю!

Z. *Zephyr* (*Зефир*)

Зефир — промозглый западный шутник:
Датчанам дует он за воротник.

Æ. *Æsel* (*Осел*)

Осел упрямый будет век ослом,
Хоть золотым укрась его седлом!

O. *Osters* (*Устрица*)

Устрица хочет поглубже залезть:
Миру нет веры, ее могут съесть!

¹ *Ксантитта* — жена афинского философа Сократа (ок. 470–399 гг. до н. э.), заслужившая дурную славу вздорной и сварливой супруги.

² *Игдрасиль* — исполинский ясень в скандинавской мифологии, в виде которого представляли себе Вселенную. Под его ветвями вершили суд боги.

— Ну, вот вам, пожалуйста! Но это ведь еще не все! Сначала их напечатают, а затем и будут читать! Вот, что собираются предложить вместо благородных стихов из старого «Букваря»! А что думаете обо всем этом вы, почтенные друзья мои: ученые и не очень, отдельные произведения и собрания сочинений? Каково мнение книжного шкафа? Я уже высказался, — теперь очередь остальных!

Но книги стояли молча, да и книжный шкаф безмолвствовал; петух же слетел обратно на свое место подле заглавной буквы *А* в старом «Букваре» и горделиво посматривал по сторонам:

— Я говорил со знанием дела, а кукарекал и того лучше! Новый же «Букварь» ничего этого не умеет и долго не протянет! А если хорошенько разобраться, то он уже мертв! Ведь нет в нем такого петуха!

БЕССМЕРТИЕ

В овраге, на глинистом откосе подле дороги, многие путники выцарапывали свои имена, желая тем самым увековечить себя в земной тверди. Дождь и непогода должны были в скором времени размывать и стереть их. Прилетели земляные ласточки, принялись рыть в склоне ямки и устраивать гнезда — надписи исчезли, имена канули в небытие: забытыми оказались даже те из них, что были прочитаны, ибо у людей и без того есть, о чем помнить.

— Я прилетела издалека, — сообщила одна из ласточек, — и мне доводилось видеть в своих странствиях надписи попрочнее, высеченные

в камне на стене храма в Индостане¹. Они гласили о великих подвигах могущественных царей, о бессмертных именах, которые уже никто не в состоянии прочесть, — это я понимаю «бессмертие»!

— А я слыхала, как мелочный торговец читал какой-то листок, отложенный им для заворачивания товара, — откликнулась другая ласточка. — Газеты, эти ежедневные ангелы-глашатаи, молниеносные провозвестники судного дня, — а вернее те, для кого они являются хлебом насущным, и кого перечислять слишком долго, их проще назвать одним словом: кладовая, — вот уж поистине пустой звук! Прочитанное во всеуслышание лавочником в равной степени являлось апофеозом поэтического или драматического искусства и надгробным словом, — как вам такое бессмертие? Назавтра листку была уготована роль обертки для крахмала и кофейных зерен.

— У меня есть тетушка, — вмешалась в разговор третья ласточка, — пожилая дама из породы домашних ласточек. Она живет в гнезде над окном первого артиста сцены и «единственного», как зовет его тетушка. Миру он неизвестен, лишь домочадцы да тетушка видали, как он играл, облачившись в шлафрок², — бедняжка целых три дня после этого не могла вымолвить ни словечка, ибо он все сказал — сказал для бессмертия! К тому же, по его словам, артист на сцене является выразителем и хранителем того, что доверил ему поэт; для лицедея бессмертие — ничто, он живет лишь настоящим моментом, который может увенчать его лаврами: одарить признанием публики, оглушить его, заставить позабыть обо всем ради него! И сказанное абсолютно верно — оно присуще всякому живому и движущемуся существу. Бессмертие — это миг! Его сияющий ореол для кухарки заключается в удавшемся у ней пудинге, и он ничуть не слабее блеска очей мещанской красавицы, пусть слегка недалекой, как и большинство красавиц, — Господь-то наш никому не дает все разом! — когда она танцует с сыном сиюминутного министришки, глуповатым пареньком, родившимся несмотря на это «превосходительством», — довольно обидное обстоятельство для его титуло-

¹ Подразумевается северная часть Индии, расположенная между горами Виндхья и Гималаями.

² *Шлафрок* (нем. Schlafrock) — домашний халат.

ванных собратьев, иные из которых наделены благородной душой, что тоже не редкость на белом свете.

Бессмертие! Ты — прекрасная выдумка, ты — блестящая идея, которую втемяшило себе человечество, готовое лишиться себя жизни, только бы убедиться в ее осуществлении!

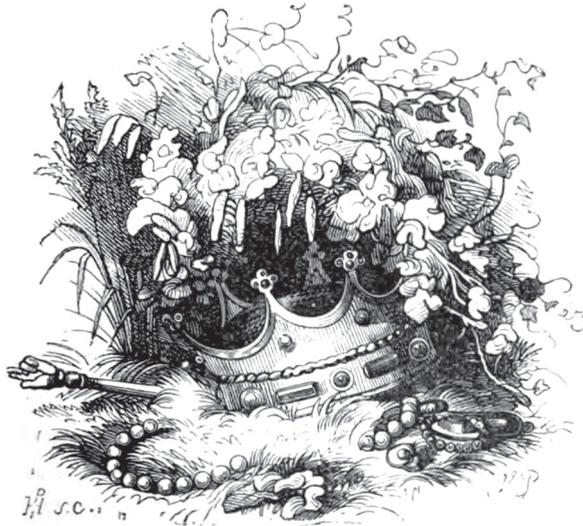
Взгляни-ка, все это услышал, обмозговал и записал на бумаге поэт; каждая строка тому подтверждение: сплошь обиды, не дающие покоя и больно ударяющие по самолюбию, — с таким воображением можно зайти ой как далеко! Однако ж подобное случается, когда карабкаешься выше и выше, чтобы снискать себе только одно: бессмертие!

— А я вот знаю, в чем заключается счастье и величие! — прощепетала четвертая ласточка. — В том, чтобы по милости Божьей без усталости порхать друг с дружкой. Я, положим, выражаюсь сейчас точно какой-нибудь христианский поэт, — ну, да иначе-то меня и не поймут! Я роюсь в земле, строю гнезда и откладываю яйца, однако нечто более значимое не дает мне покоя, — уж не бессмертие ли это? Вот поистине грандиозная мысль! Как начну думать о бессмертии, так просто не верится, что и я, и все мои родичи, возможно, наделены им! В бесконечном мировом пространстве места хоть отбавляй: его гораздо больше, чем требуется нам, чтобы жить в свое удовольствие — всему ведь, наравне с началом, положен предел. Я так вполне довольна тем, что имею: это и разумно, и правильно — пожелаю я большего, меня б чего доброго сочли ненасытной и неблагодар-

ной. Впрочем, что толку говорить о бессмертии: будь оно у меня, я бы сделалась гораздо рассудительней!

Король приказал проложить дорогу в другом месте, и откос сровняли с землей, ласточки улетели, напоминания о бессмертии — вот уж поистине «земные», — бесследно исчезли. Поэт мог бы воспеть их, но поблизости не было никого, кроме высокопоставленных лиц, наместников Всевышнего, — а им такое не под силу, этого они, ясное дело, не умеют!

Бессмертие! Спроси о нем флягерного петуха, спроси о нем Господа, когда снизойдет Он в твои помыслы... Конечно, это лишь пространственный монолог, но, представ во всей красе, описанное в нем явит собою сказку — роскошнейшую и прелестнейшую, венец всех сказок — «Бессмертие»!

ЧЕГО ТОЛЬКО НИ ГОВОРЯТ!

Люди говорят, и уже по одному тому, о чем говорят, можно охарактеризовать человеческую натуру! А что говорят-то? Говорят одно, а порой имеют в виду совсем другое. Говорят много, а подразумевают под сказанным столь малое! Болтают и болтают дни напролет! Неустанно молотят языками, словно ткацкие станки, создавая таким образом огромное, необозримое полотно! Злые слова, но, однако ж, и невинные, пустячные вещи, серьезные, мудрые мысли можно выкроить из такого вот полотна общественной жизни.

Твердят, к примеру, что времена чудес остались в прошлом, да ведь это не так! Эпоха чудес, время дивных дел — все еще с нами, в наших душах; оттуда и являются человеку откровения! Именно там, когда мир кажется иссохшим и унылым, Господь отверзает источник милости, велит жизни цвести и зеленеть, в душе рождается вдохновение; так вот, посредством музыки, через поэзию и науку, Господь будет раскрывать перед нами чудеса вплоть до последних дней бытия.

Говорят также, что все наши чувства и мысли возникают из-за движений и колебаний нервов, — то восторг звучит, то радость, то боль; ведь каждый из нас является — ни больше, ни меньше — музыкальным инструментом! Так-то оно так, но кто касается струн его и заставляет их колебаться и трепетать? Незримый божественный дух.

Говорят порой смешные вещи, и часто с долей злой иронии. Рассказывают, будто была дама, которой однажды приснилось, что все ее зубы выпали, она же объяснила это так: «Теперь лишусь одного из моих друзей!». Но зубоскалили, что, должно быть, друг этот ненастоящий, ведь зубы-то были фальшивыми!

Опять же, говорят, что престарелая библейская Сара не имела потомства, пока не побывала в гареме царя филистимлян Авимелеха¹, и что, мол, сказала она своему супругу: «Мы назовем нашего сына Исаак», а это означало на их языке: «Люди засмеют!»² Старая Сара ведь хорошо знала людей, знала, как они судят-рядят, и с библейских времен ничего не изменилось.

Сказывают, будто бы далеко на севере, у самого моря, похоронен был под огромным курганом могущественный князь. Но каждую ночь мертвец вставал из могилы и неприкаянным призраком восседал на кургане. Однажды проплывал мимо корабль со скальдом-поэтом на борту, увидел скальд призрак и спросил его: «О чем скорбишь ты и страдаешь?» Тот же отвечал: «Никто не воспел моих подвигов, они забыты, умерли вместе со мною. Потомки не помнят славных деяний, — вот отчего я не знаю покоя в могиле!» Заиграл скальд на арфе, воспел его великие дела, и мертвец канул в вечность, — так туман рассеивается при свете солнца. Мир и покой воцарились над дерновым покровом кургана, — мир и покой царят повсюду, где скальдовы песни передаются из уст в уста!

Говорят, — и уж это-то, вероятно, истинная правда, что один из строгих ценителей искусства стоял как-то на морском берегу, наблюдая за волнами прибоя: «Изумительно! — воскликнул он. — Изумительно и безупречно!

¹ Согласно Библии, Сара (ставшая Саррой) родила Исаака в возрасте 90 лет.

² «И сказала Сарра: смех сделал мне Бог; кто ни услышит обо мне, рассмеется» (Быт. 21:6).

Поистине безупречно!» Тогда Господь наш снял свою шляпу и молвил: «Благодарю вас, господин профессор!»¹

Еще поговаривают, что в старину под многими церквями живьем закапывали коня, а трехногий призрак его² каждую ночь бродил по округе и останавливался у тех домов, где кому-то из обитателей предстояло умереть. «Там побывал конь-мертвяк!» — говорят в народе, зная, что на самом деле никакого коня-мертвяка не существует. Да, но все ж таки продолжают верить в него! Под прекрасным храмом поэзии тоже ведь таится такой трехногий призрак — конь-мертвяк словесности. Вечерком ковыляет он к театру комедии, приговаривая: «Вот сейчас умрет такой-то поэт, актер или актриса», — да только отчего ж им умирать, коли конь ржет! Попасть бы ему на газетных столбцах, пожевать бы травки — и все равно, зачастую призрак из него никудышный! Бедный конь-мертвяк словесности — нередко всего лишь молодой человек, не разобравшийся в собственном «я», оттого и обернувшийся этаким жалким трехногим пугалом. Он, конечно, не чета звонарю³, а, как говорят, еще куда хуже!

Эх, говорят... да-да, точно поговаривают, что довольно уже болтать. Мы и закончим на сегодня!

¹ Ср. отрывок из стихотворения Андерсена «Рецензия» (1830), которое является сатирой на придирчивых критиков:

Прибой уж чересчур бурлив — его б умерить, что ли...

А в целом явственен талант, талант, но и не боле.

² *Helhest* — конь-мертвяк или адский конь, согласно народному поверью, ночной оборотень в образе лошади на трех ногах, который предрекает смерть.

³ О «звонарях, что звонят по домам», Андерсен упоминает в истории «Колокольный сторож Оле» (1859), имея в виду болтунов, сплетников. Автор использует аллюзию на действующее лицо пьесы датско-норвежского комедиографа Л. Хольберга (1684–1754) «Веселое кораблекрушение» (1754).

УХОВЕРТКИ

Ты, верно, не знаешь, что ухвертки — нежнейшие из всех матерей; так говорится в естественной истории, вот почему об этом следует знать. У них в высшей степени развита материнская любовь. Положим, обезьяна тоже испытывает привязанность к своим детенышам, но это обезьянья любовь: мамаша чуть не до смерти душит их в своих объятиях!

— Мне и в голову не могло прийти подобное! — воскликнула старая ухвертка. — Я о самой себе забываю ради невинного крохи: нынче помолвлен мой младшенький. Он у нас бездельник и не имеет за душой ни гроша, однако помолвка уберет его от присущих молодежи сумасбродств и заставит взяться за ум! Вот я и радуюсь этому событию!

— У вас есть для этого все основания! — заметила другая почтенная мамаша-уховертка. — Детки должны вести себя сообразно их природным наклонностям. Я так не отступаю от этого правила в отношении своего малыша, хотя он, признаться, немного шалит; ну, да пусть себе переберется в юности, зато его ожидает славное будущее! Он доставляет мне столько радости, а между тем за ним нужен глаз да глаз!¹

¹ На этом обрывается текст рукописи. Приводим здесь продолжение, взятое из сказки «Навозный жук» (1861), в которую Андерсен поместил эпизод с мамашами-уховертками:

— Взгляните-ка на моих малюток! — поспешила сказать третья, а за ней и четвертая уховертка. — До чего ж они милые и такие забавные! Они всегда ведут себя хорошо, если только у них не болит животик, — а от этого в их возрасте не уберешься!

И каждая мамаша рассказывала о своих детках; детки тоже вмешивались в разговор и пускали в ход свои клещи на хвостиках.

— Чего только ни выдумают эти проказники! — восклицали уховертки, потя от избытка чувств».

ХМЕЛЕВОЙ ШЕСТ

На хмелевóм шесте не увидишь ни веточки, ни листика, — их у него и не должно быть, потому как это шест, а не что-либо другое. Весной нарождается невеста — хмелевая лоза, которая становится его супругой; она обвивает собою шест, и у него словно вырастают листья; вместе же эта парочка выглядит настоящим деревом.

— Только держится-то она за меня, я — ее опора! — не устает повторять хмелевой шест.

А между тем его окружает роскошная листва, среди которой вскоре появляются и цветы, разливающие дивный аромат вокруг. Но на праздник хмеля лозы срезают

и, обобрав с них хмель, отправляют на костер; так хмелевой шест становится вдовцом до тех пор, пока по весне не объявится новая прелестница, цветущая супруга!

— Стою по-прежнему я, уходит супруга моя! — говорит хмелевой шест. — Так уж заведено на белом свете. Но почему бы мне, в порядке исключения, не сделаться цветущим деревом навсегда? Ведь для этого только и нужно слиться с ней воедино в страстном любовном порыве!

И всякий раз парочка изо всех сил льнула друг к другу, в дождь и солнце, в пасмурные и ясные дни; вокруг царили жизнь и красота, а шест купался в счастье и блаженстве, — чего ж еще желать? Так продолжалось до тех пор, пока лозу не срезали, а незадачливый супруг забывался долгим зимним сном, чтобы с приходом весны вновь заняться своим делом и взять в жены очередную молоденькую красавицу. И стоило пригреть солнышку, как она являлась. В скором времени чета становилась «прелестнейшим деревом в лесу»¹, — так шест нарек их союз после того, как

¹ Андерсен воспользовался поговоркой «Ægen er det fejreste træ i skoven» («Честь является прелестнейшим деревом в лесу») из сборника датского фольклориста и священника Педера Сюва (1631–1702). В старину словом æг также величали все датские виды клена, из которых клен остролистный (*Acer platanoides*), вероятно, был самым красивым, «прелестнейшим».

услыхал и понял на свой лад строку из старинной баллады, слова которой оказались созвучными его собственным мыслям.

Однажды в хмельник наведалься ученый муж, школьный наставник со всеми своими учениками, и беседа их представляла собой ни что иное, как упражнение на смекалку. Хмелевой шест оживился, когда в разговоре упомянули его самого, это было забавно, и он стал прислушиваться. Речь зашла о хмелевых шестах в истории; при этом говорилось, что в старину в Дании, раздираемой внешними и внутренними распрями, крестьянин был для помещика не более чем скот в хлеву: его запросто могли обменять на хорошего охотничьего пса! И крестьянин устал от такого обращения, принялся пускать красного петуха, — много старых господских усадеб погибло в огне!

Говорили и о священнике из Сваннинге¹, Хансе Мадсене, которому богатый владелец Сандхольта² доверил свое золото и серебро³; любекцы⁴ пытались заставить священника рассказать, куда он его спрятал, но тот отказался, и за это Мадсена привязали к лошади: ему пришлось бежать за нею босиком до самого Оденсе. Там, в усадьбе пробста⁵, священника поначалу засадили в огромный шкаф, затем выволокли оттуда, чтобы пыткой выбить из него признание: несчастного подвешивали за большие пальцы рук и тыкали в подмышки раскаленным клинком, но он не проронил ни словечка и за это вновь должен был тащиться за лошадью босиком, миля за милей, от Оденсе до Фоборга, где священника опять упрятали в шкаф. А некоторое время спустя, в таком же вот хмельнике посреди ночи раздались чьи-то шаги, вслед за тем показался босой мужчина в оборванном пасторском одеянии, с косматою головой; он что-то искал, тревожно озираясь по сторонам. Приметив хмелевой шест, пришедший тотчас выдернул его, зажал в руке и направился к берегу моря.

¹ *Сваннинге* — фюнская деревушка, расположенная в сорока километрах к югу от Оденсе.

² *Сандхольт* — старинное поместье, расположенное в одиннадцати километрах к северу от Фоборга (южный берег острова Фюн). Впервые упоминается в 1434 г.

³ См. комментарии к истории.

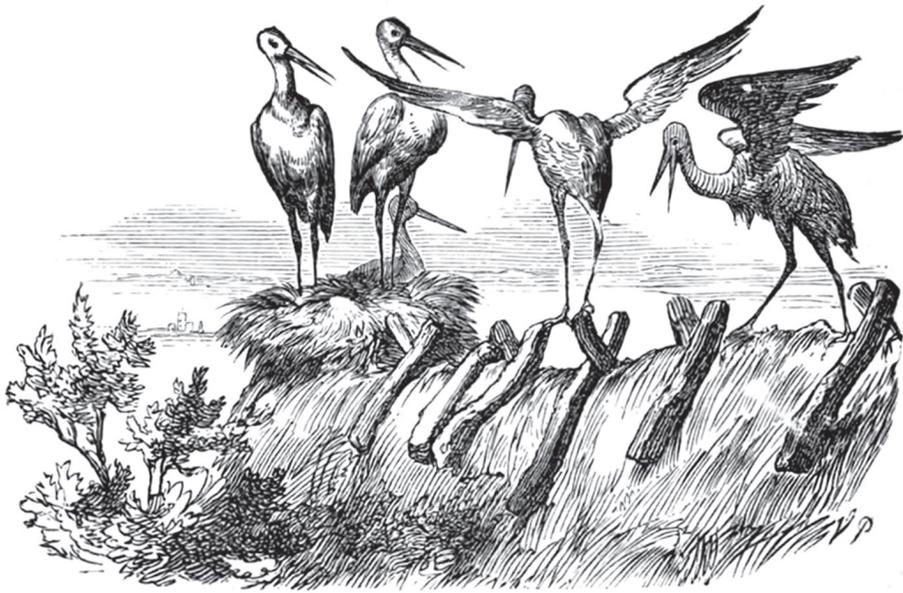
⁴ *Любекцы* — наемные войска, присланные Ганзой, торговым и политическим союзом северо-немецких городов во главе с Любеком. См. комментарии к истории.

⁵ *Пробст* — старший пастор у лютеран.

Тут лежала лодка, которую священник спустил на воду, после чего залез в нее сам, оттолкнулся шестом и поплыл по направлению к маячившим впереди огням датского лагеря. То был лагерь Йохана Рантцау¹, а священник — никто иной, как Ханс Мадсен, которого наемники связали и на поводке привели в Оденсе, в усадьбу пробста, для верности засадили в шкаф, стоявший в горнице, не подумав при этом, что отсюда пленный мог совершенно спокойно подслушать все их вражеские планы. Однажды ночью священнику удалось совершить побег, и теперь он явился предупредить лагерь о грозящей опасности. При нем все еще был хмелевой шест, которым Ханс Мадсен без усталости работал, переплывая бухту, — он выпустил его из рук, лишь очутившись лицом к лицу с Рантцау и рассказав ему обо всем, что услышал от неприятелей.

¹ *Рантцау Йохан* (1492–1565) — датский полководец и государственный деятель, активный сторонник Реформации. В «Графской распре» 1534–1536 гг. (см. комментарии к истории) участвовал на стороне короля Кристиана III (1503–1559).

РАССУЖДЕНИЯ АИСТА

Датчане — мои соотечественники, хотя и недружелюбные, — зовут меня египетской птицей, а ведь я родился и набирался уму-разуму в Дании: они собственными глазами могли наблюдать мое появление из яйца, экзерсисы, которые я выделывал, постигая летное искусство. Я — датчанин не хуже других, несмотря на то, что моя родня живет в Германии, Голландии и Англии. Однако ж, будучи перелетной птицей, «Flotfugl», как говорят шведы, на зиму я должен перебираться на юг, поскольку в моей, в общем-то славной, датской родине зимой стоит невыносимая стужа. За это меня и зовут египетской птицей, но мне до этого нет дела: правды ведь все равно не скроешь, да и никто кроме людей меня так не величает.

Малюткой семи дней от роду я увидел хозяев мира; они казались мне гораздо важнее папаша и мамаша, хотя те кормили и обучали меня. Родители тоже отзывались о людях довольно любезно, но предпочитали держаться от них подальше. «Так безопасней и удобней всего», — говорили они. Обычно усваиваешь язык той страны, в которой рос, — я и владею им так же хорошо, как языком аистов: он-то более распростра-

нен и одинаков у аистов во всех уголках мира; люди же перестают понимать друг друга, стоит им переехать из одного места в другое. Я уяснил для себя, что все они — славные и хорошие, лишь когда понимают друг друга, однако под нашим гнездом притаилось нечто такое, что зовется у них чертом: он-то и опасен для людей, потому как они до такой степени начинают баламутить чистую, благословенную воду жизни, что пить им приходится помои, которыми они давятся.

Люди разделяют себя на высших и низших, но при этом, залезая в воду, выглядят одинаково: они совершенно лысые, — хоть бы для приличия купили себе оперенье! Гнездо же, в котором они чинно сидят, по-видимому, в большей степени свидетельствует об их достатке. Я и в самом деле уверовал в то, что они стоят гораздо выше нас, аистов; однако во многом, если так можно выразиться, это птицы не нашего полета: некоторые из них, правда, стали передвигаться быстрее по так называемой железной дороге, но нас им не догнать, да к тому же мы не сталкиваемся и не ломаем себе шеи! Растяпы — вот кто эти хозяева мира! Меня прямо-таки бросает в дрожь, когда я слышу о крушениях на железной дороге! Как славно, что для полета по воздуху нам не требуется ни рельсов под ногами, ни бешеных локомотивов!

Я, конечно, не певчая птица, и язык у меня не подвешен, но зато я умею так громко трещать своим клювом, что все услышат. Вот и протрещу им сейчас: Дания — моя родина, а для тех, кому это не нравится, я — величественная птица севера, которая зимует под солнцем Африки, пока на родине холодно.

Я повидал достаточно людей, чтобы раскусить их и убедиться, что все они наделены самыми что ни на есть лучшими аистовыми сердцами и помыслами, да только им-то невдомек! Вот и начинает завариваться чертовщина, — потому как это она и есть — бурлит, брызжет из горшка, а над ним подымается такой густой пар, что людям не видать друг друга — попробуй тут не обожгись! Будь я придворным священником или газетным проповедником, — непременно бы их вразумил!

ОСЕЛ В ТОПЧАКЕ

Чуть ли не о каждом из моих португальских странствий можно рассказать целую сказку! Вот одна из них.

Как-то раз я возвращался с вечерней прогулки, собираясь закончить письмо. Мой путь пролегал через ближайший из разведенных здесь обширных апельсиновых садов. В них обыкновенно вырыт огромный, глубокий колодец, вода из которого подымается и попадает в систему оросительных каналов посредством топчака¹. Самый механизм довольно прост, им пользуются со времен предприимчивых мавров²: вода зачерпывается особыми ковшами, укрепленными на колесе, денно и ночью приводимом

¹ *Топчак* или *ступальное колесо* — приводное колесо большого диаметра, в данном случае на горизонтальной оси, которое вращает помещенное внутрь животное, последовательно переступающее с одного участка колеса на соседний, фактически оставаясь на одном и том же месте. Широко использовалось в водоподъемных целях.

² *Мавры* — древнее название племен северо-западной Африки, а также средневековое название арабов и африканского племени берберов, завоевавших в VIII в. большую часть Пиренейского полуострова.

в движение несчастным ослом с завязанными глазами, — вернее, ослами, сменяющими друг друга через каждые два часа.

Во всякое время суток животное мерно бредет в топчаке, не двигаясь с места; повязка на глазах не дает ему любоваться ни дивным мерцанием звезд в вышине, ни великолепием цветов граната, выделяющихся на фоне зеленой листвы, ни страстоцветами, карабкающимися по стене, словно какой-нибудь сорняк, ни даже высокими и крупными цветущими стеблями алоэ, вымахавшими в глубоком песчаном овраге один подле другого, подобно телеграфным столбам, только более изящным, похожим на величественные бронзовые канделябры из Помпеи, изысканность которых в бедной португальской Троже¹, пожалуй, сочли бы неуместной.

— Ослу неведома вся эта роскошь! — невольно вырвалось у меня.

— А может, она мне вовсе и не нужна! — услышал я в ответ. Португальский осел ведь разговаривает на том же языке, что и датский. К счастью для зверей, язык каждого их вида всюду одинаков, да и тот является лишь диалектом всеобщего языка животных, из которых осел, несомненно, самый немногословный, а соловей — истинный кладезь красноречия.

— Я занят делом, равно как и те, кому я безразличен, или те, кто без конца глазают на меня, что, в сущности, позволительно лишь моим хозяевам! — заявил осел. — Под их кровом мне перепадает и кнут, и сено! Работа, корм да спанье — вот ради чего я, собственно, здесь торчу. Всего же приятней полакомиться желтым цветком чертополоха, красующимся под тенистым оливковым деревом!

Следует признать, что среди переводов моих сказок иной раз встречаются посредственные: их для чего-то снабдили неким разъяснением, даже моралью, в оригинале заложенной в саму сказку и не нуждающейся в том, чтобы ее преподносили в сжатом виде. Доберись горе-переводчик и до этой крошечной истории, он, вероятно, ввернул бы сюда что-то вроде: «Сколько не похожих на этого осла людей упражняются в своем почтенном занятии, но однако же, подобно ему, топчутся в колесе с завязанными глазами посреди прекрасного Божьего мира!»

¹ *Трожа* — древний, засыпанный песками город на одноименном полуострове, расположенном в пятидесяти километрах к юго-востоку от Лиссабона. В «Дополнении к „Сказке моей жизни“» (1871) Андерсен называет его «португальскими Помпеями».

И поступил бы весьма опрометчиво, поскольку это еще не конец!

— Слышишь, как квакают лягушки в водных оазисах под той аркой?¹ Думаешь, у них нет забот? — попытался вразумить я осла. — «Пю-пю-пю!» — стрекочет кузнечик в стенной расщелине. И у него дел предостаточно: он должен оповещать о приближении постороннего.

— Зато у кузнечика нет моих хозяев, по мнению которых, я появился на свет лишь для того, чтобы ради их выгоды крутить колесо! — горько усмехнулся осел. — Сомневаюсь, чтобы они вообще у него были. С каким удовольствием издал бы я радостный вопль, если б только был уверен, что это придется по душе моим господам, но благоразумней всего молчать и выполнять свою работу — именно так подобает всякому урожденному ослу!

Возразить было нечего, и потому, простившись с четвероногим тружеником, я продолжил путь на виллу моих португальских друзей. Цветущие апельсиновые деревья благоухали, а над всем этим приютом роскоши, с картинами и статуями, розами и кактусами, необычайно ярко сияли звезды.

¹ Скорее всего, автор упоминает здесь виденный им акведук «Arcos das águas lívres» («Арки свободной воды») — инженерное сооружение, пересекающее долину Алькантара на северо-западе Лиссабона и являющееся частью системы водоснабжения португальской столицы.

НАШ СТАРЫЙ ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ

Наш старый школьный учитель знал так много, был страсть какой умный, особенно по части географии с историей! Их он умел в легком и доступном для запоминания виде преподнести нам, детям. Учительский сад был разбит наподобие ландкарты Дании¹; каждая ее часть, каждая провинция изображалась здесь травами и цветами, которые были ей наиболее свойственны².

— Ну-ка, достаньте мне гороха! — говорил учитель, и мы направлялись к грядке, представлявшей Лолланн.

¹ Подразумевается геофическая карта Дании.

² Прообразом школьного учителя послужил пономарь с острова Фюн К. Н. Андерсен (1788–1862), сад которого автор однажды посетил.

— Принесите-ка мне гречихи! — и мы шли к грядке, изображавшей остров Фюн.

Душистый ясенник мы рвали на Лангеланне¹, прелестная же голубая горечавка неизменно ждала нас у Скагена². На карте были обозначены и города — статуэтками на постаментах: св. Кнуд Датский с драконом³ изображал Оденсе, Абсалон⁴ с епископским жезлом — Сорё, а миниатюрная лодка с веслами четко давала понять, что перед вами — Орхус. Оттого-то мы и знали географию Дании, как свои пять пальцев! Историю же, сколь ни была она пространна, учитель тоже умел преподнести так, что мы с легкостью все запоминали.

— И люди, и события истории всегда повторяются, — уверял школьный учитель. — Их может разделять столетие, а порой и несколько веков, и все равно каждый раз предстают перед нами одни и те же лица, только в ином убранстве и в другой эпохе. Люди ведь не меняются, как и облик того или иного животного неизменен от сотворения мира вплоть до наших дней.

Вслед за тем школьный учитель рассказал историю тысячелетней давности о крестьянине и его сыне, которые отправились в город, чтобы продать осла. Поначалу старик ехал верхом на осле, а мальчишка шел рядом. Люди увидели их и возмутились: сам, мол, едет, а ребенка заставляет пятки сбивать! Крестьянин слез с осла, посадил вместо себя сына, а сам пошел пешком. Народ и этого не одобрил: надо же — старый дурень взгромоздил на осла молодого детину, а сам еле ковыляет рядом! Но когда оба уселись верхом на осла, люди и тут нашли в чем укорить их: видите ли, негоже так утруждать бессловесную скотину! Делать нечего —

¹ *Лангеланн* и *Лолланн* — острова на юге Дании.

² *Скаген* — город в самой северной части Ютландии.

³ *Кнуд Святой* — король Дании (1080–1086) из династии Эстридсенов, канонизированный в 1101 г. Статуя, изображающая его и дракона, стоит перед собором святого Кнуда в Оденсе.

⁴ *Абсалон* (1128–1201) — датский государственный деятель, полководец, князь церкви, советник короля Вальдемара I Великого, епископ Роскильский, архиепископ Лундский. Воздвигнутый им в 1167 г. замок, названный в его честь «Аксельсхус» (или «Акселев дом», «Аксель» — датский вариант имени «Абсалон»), положил начало Копенгагену. Похоронен в Сорё.

пошли пешком, ведя осла под узцы. Тут народ чуть со смеху не помер: ну, не болваны ли эти двое — идут пешком вместо того, чтобы ехать верхом на осле! «Людам никогда не угодишь! — грустно заметил старик. — Они всегда найдут, к чему придраться!» Более тысячи лет назад индийский брамин Бидпай¹ поведал эту басню, а она до сих пор не устарела, да и никогда не состарится!

Учитель рассказывал и о Вильгельме Телле², которого заставили сбить стрелой яблоко с головы родного сына, он же перед тем, как сделать это, спрятал на груди еще одну стрелу, чтобы поразить ею сердце злодея Гесслера, вынудившего отца совершить столь рискованный поступок. Случилось это в Швейцарии, однако намного раньше нечто подобное произошло в Дании, с Пальнатоке³: ему тоже пришлось сбивать яблоко с го-

¹ *Бидпай* — автор книги басен древней Индии «Панчатантра» (ок. III–IV вв.).

² *Вильгельм Телль* — искусный лучник, легендарный народный герой Швейцарии, живший, согласно преданиям, в конце XIII – начале XIV веков.

³ *Пальнатоке* — датский национальный герой.

ловы своего сына, но и у него на груди была спрятана стрела отмщения. А более тысячи лет назад похожая история приключилась в Египте¹. Одно и то же событие повторилось трижды. Случившееся же в наше время непременно вновь произойдет через сто лет, через тысячу: старое станет новым, воротится — только в другом месте, у другого народа, при иных обстоятельствах — но сути своей не изменит. Так что не беда, коли забудешь одно — в памяти непременно всплывет другое, подобное — зато вся мировая история будет перед тобой, как на ладони.

— Взять хотя бы притчу о богатом человеке, который отобрал единственного ягненка у бедняка, — говорил учитель. — Слыша ее, мы вспоминаем царя Давида². Но пройдет время, и она укажет на других, а еще позже — на третьих. Эта путеводная нить памяти нужна нам, чтобы называть на нее разные по обличью, но такие одинаковые по сути события. А если ты не обделен фантазией, то легко сможешь заглянуть в будущее. Я вот на днях думал о библейском Самсоне³, жившем в стародавние времена, и о Самсоне поэтическом, который, быть может, объявится однажды, взвалит на могучие плечи городские врата, сразится со львом и добудет мед, отходит обывателей-филистимлян их же челюстью. Но подоспеет новая Далила, фрёкен Мода, очарует его, пленит и, остригши волосы, лишит чудесной силы. Она выколет ему глаза, и Самсон, осмеянный все теми же обывателями, окажется в рабстве, пока не сокрушит он и их, и себя самого.

¹ Речь идет о переданном Геродотом (ок. 484–425 гг. до н. э.) древнем сказании о Камбизе, поразившем стрелой сердце сына своего придворного Прексаспеса.

² Согласно библейскому рассказу, ветхозаветный царь Давид отправил на верную смерть Урию, чтобы взять в жены его супругу Вирсавию.

³ *Самсон* — библейский герой необыкновенной силы, заключавшейся в его волосах. Андерсен рассказывает здесь о подвигах Самсона, который поднял городские врата вместе с засовами на гору, уничтожил встретившегося ему на дороге льва и убил за один день тысячу филистимлян ослиной челюстью. Далила — филистимлянка, возлюбленная Самсона. Она выведала тайну его силы и открыла ее филистимлянам, которые остригли волосы Самсона, лишив его силы, выкололи ему глаза и заключили в темницу. Но волосы героя начали отрастать, и сила постепенно вернулась к нему. Однажды, когда во время празднества филистимляне поставили его меж столбами храма, Самсон уперся в них руками, храм обрушился, и он и его враги погибли.

Предрекают, будто бы музыка грядущего скучна¹, его повести, может стать, будут еще скучнее — так что, дети, на сегодня я умолкаю!

Вот какими словами он отпустил нас тогда. Ими же я отпускаю тебя, любезный читатель, сейчас! И только от тебя зависит, будет ли у этой истории продолжение.

¹ Об этом Андерсен размышлял еще в 1861 году в истории «Муза нового века»: «Поэзия будущего, равно как и музыка грядущего, — лишь донкихотство, и рассуждать о них — все равно, что говорить о научной экспедиции на Уран». Возможно, автор подразумевает здесь столь нелюбимую им музыку немецкого композитора Р. Вагнера (1813–1883).

КАРТОШКА

(Вариант 1868 года)

Огород примыкал к цветнику; их обитатели отлично видели друг друга и водили знакомство, хотя цветам предстояло красоваться в гостиной, а уделом овощей была кухня.

— Нас поставят в вазу или, на худой конец, в хрустальный бокал, — говорили цветы. — Лучше не придумашь!

— Травам и кореньям самое место в кастрюле и горшке!

Так наперебой каждый твердил здесь о своем высоком предназначении: красноречия им было не занимать, да и спеси тоже. Однако ж все сошлись во мнении, что картошка — самый интересный участник собрания: была она выходцем из Америки и оказалась бóльшим благословением для че-

ловчества, чем золото Калифорнии, — так сказали сами люди! Но, Бог ты мой, каких только мытарств не довелось ей изведать!

— Когда мы прибыли в Германию, — рассказывала картошка, имея в виду своих предков, которым пришлось претерпеть, — прусский король¹ повелел разослать первую партию плодов по провинциям: согласно королевскому указу, их должны были вручить населению для посадки. Только вот как сажать картофель — никто не сказал. Прямо на площади, где раздавали клубни, люди, один за другим, начали пробовать на вкус «земляное яблоко»²: «Фу, какая гадость!» — возмутились они и отшвырнули картошку. Даже бродячий пес, решивший было отведать ее, тотчас оставил эту затею.

Но все же нашлись такие, кто попытался посадить картофель: одни выкапывали яму и сыпáли в нее всю полученную меру зараз, другие рассаживали картофелины там и сям по полю и ждали, что из пробившейся зеленой ботвы вырастут плодовые деревья, но где уж там! — ботва сохла, валилась на землю и сгнивала.

И еще много лет картофель не признавали, пока люди, наконец, не поняли, что им нужно делать. Вот тогда-то мы и вошли в силу, — закончила свой рассказ картошка, — и теперь мы — баре!

¹ Имеется в виду Фридрих II. См. примечания к истории «Картошка».

² «Земляное яблоко» — буквальный перевод французского названия картофеля: *potme de terre*.

ЗЕЛЕННЫЕ ОСТРОВА

Когда после бурной, веселой ночи, проведенной на балу, возвращаешься домой в экипаже, сидишь с опущенными веками не оттого, что клонит ко сну, — просто мелодии, слышанные ночью, как бы запечатлелись в ухе, вокруг все еще сверкают огни бальной залы, мимо проносятся в вихре танца бесплотные прелестные женские образы; великолепие бальной ночи настолько живо отражается в нашей душе, словно она еще там, а мы следуем за ней, как за небесной звездой, сияющий луч которой не может угаснуть сам по себе и продолжает светить.

Изредка в минуты, подобные этим, наша душа начинает грезить о пережитом, и воспоминание это взволнует нас с новой силой, хотя на сей раз мы будем всего лишь созерцать его. Жизнь, даже богатую событиями или многочисленными путешествиями, но при этом неторопливо проведен-

ную в уединении, рано или поздно ожидает забвение, как засыпанные пеплом Помпеи — утраченное достояние, окруженное своеобразным священным ореолом.

Вот так же и с памятью о родине: зачастую она сопоставляется с теми картинами, которые развертывает перед нами жизнь. В шумном городе, где улицы озарены сотнями ламп, льющих свой свет из витрин магазинов, у гренландца пробуждается воспоминание о родном его сердце пылающем северном сиянии, ослепительно-белом снежном покрове, а еще о смертельном одиночестве, лишь изредка нарушаемом голубым песцом, испускающим хриплый крик. Когда равнинный житель отправляется в горную страну, ему намного тягостней, чем ее высокогорным обитателям¹, путешественник тоскует по привычной плоской, обширной равнине, или, по крайней мере, вспоминает ее. Датчанин, приезжая в какую-нибудь южную страну, да еще и вновь увидев море, с удвоенной силой начинает вспоминать свою родину: волны, далеко накатывающие на земную твердь, кажутся ему рунами², которые море вырезывает у родных берегов; он обращает свой взор в сторону дома, и Дания с ее зелеными островами, предстает перед ним, подобно прелестнейшему видению Фата-Морганы³.

Для меня существуют четыре вещи, которые неизменно напоминают о Дании⁴: это вид моря, аромат клевера, старинные мелодии и «Гравюры на дереве» Кристиана Винтера⁵. Достаточно одного из перечисленного, чтобы на чужбине, или находясь в уединении на родине, совершенно

¹ Далее зачеркнуто: ему не хватает широкой перспективы

² *Руны* — магические и алфавитные знаки, которые высекали на камнях, вырезали на дереве. Они восходят к магическим символам кельтских жрецов-друидов, от которых впоследствии перешли к германским, а затем и к скандинавским племенам.

³ *Фата-Моргана* — фея, олицетворяющая собою мираж, марево.

⁴ Далее зачеркнуто: они как сваи.

⁵ *Винтер Кристиан* (1796–1876) — датский поэт-романтик, оставивший яркий след в национальной лирике. «Гравюры на дереве» — название цикла стихотворений, изображающего сцены крестьянской жизни, из сборника «Стихотворения» (1828).

Далее зачеркнуто: Когда я прощался с Италией, эта прекрасная страна своими удивительными обычаями, уютным народным бытом запечатлелась в моей душе, принадлежащей Дании, но вечно стремящейся на юг; я хотел перенести эти.

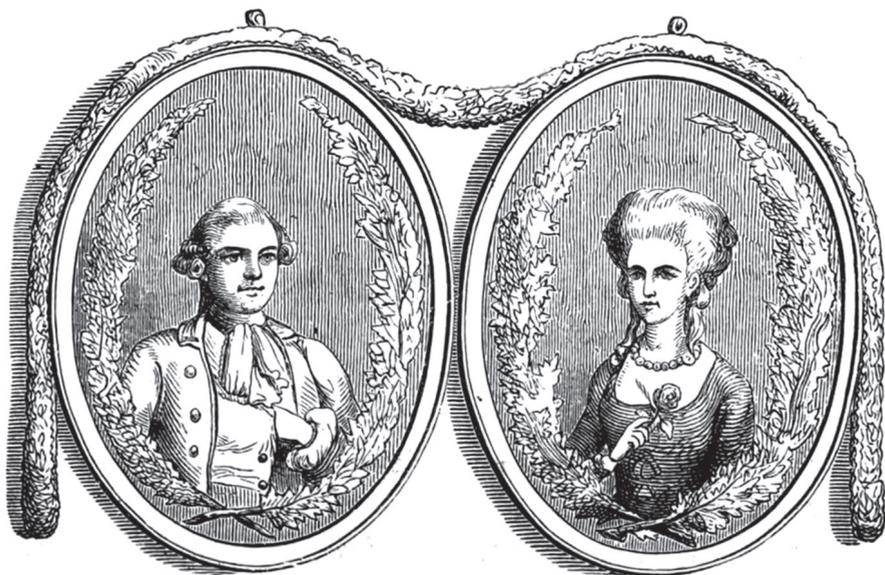

отчетливо представить себе ее образ; я перенесу эту картинку на бумагу — пусть послужит приглашением иноземцу полюбоваться нашими зелеными островами, поросшими буком и клевером лагунами, расположенными¹ к северу от Германии; а чего мне особенно хочется, так это чтобы к нам приезжало как можно больше гостей.

Моим же соотечественникам я поведаю своего рода повесть, где каждому читателю отведена особая роль — роль зрителя, сидящего на скамье и созерцающего толпу, частью которой является он сам. Однако фигуры и их действия могут получиться трудноразличимыми: не следует забывать, что картинки, из которых я слагаю свою повесть, являются дагерротипами², а они, как известно, выходят удачными, лишь когда сидишь не шелохнувшись, — при движении очертания становятся слегка размытыми.

¹ Далее зачеркнуто: между Северным и Балтийским морем

² *Дагерротип* — изображение на металлической пластине, полученное в результате воздействия света на слой йодистого серебра, которым покрыта эта пластинка. Название происходит от фамилии одного из создателей фотографии, французского изобретателя Л. Дагера (1787–1851).

ВЕЛЬМОЖНЫЕ КАРТЫ

Сколько прекрасных вещей можно вырезать и склеить из бумаги! Однажды этак вот вырезали и склеили замок — настолько большой, что он занял целый стол. А разукрасили замок так, что казалось, будто бы он сложен из кирпича. У него была блестящая медная крыша, башни и даже подъемный мост. Вода во рву, окружавшем его, правда, смахивала на кусок стекла, но так ведь оно и было, — там действительно лежало зеркальное стеклышко. На самой же высокой башне замка стоял на страже вырезанный из дерева дозорный. У него и труба имелась, только он в нее не трубил.

Вся это роскошь принадлежала маленькому мальчику по имени Вильям. Он поднимал и опускал подъемный мост, заставлял своих оловянных солдатиков маршировать по нему, отпирал замковые ворота и заглядывал в большую величественную залу, в которой, как и в настоящей парадной зале, по стенам, наподобие портретов в рамах, красовались старшие карты-картинки из игральной колоды. Там были червонные, бубновые, трефовые и пиковые короли в коронах и со скипетрами, дамы, облаченные в ниспадающие им на плечи накидки, с цветком или опахалом в руке, валеты с алебардами и пышными плюмажами.

Однажды вечером мальчик заглянул в открытые ворота замка, чтобы полюбоваться портретами-картами в большой зале, и вдруг ему почудилось, будто короли поприветствовали его своими скипетрами, дама пик махнула ему золотым тюльпаном, который держала в руке, а дама червей даже приподняла свое опахало — все четыре королевы милостиво дали понять, что заметили его. Вильям придвинулся ближе, чтобы лучше видеть, и ненароком уткнулся головой в стену замка, отчего тот зашатался. Тогда все четыре рыцаря-валета — трефовый, пиковый, бубновый и червонный — разом наставили на него свои алебарды, словно бы предупреждая, что никого не пустят в замок.

Вильям понял намек и успокаивающе кивнул, потом, не дождавшись ответа, кивнул снова и обратился к картам:

— Скажите же что-нибудь!

Но валеты не вымолвили ни слова. И только когда он кивнул им в третий раз, из своей карты выпрыгнул червонный валет и встал посредине залы.

— Как тебя зовут? — спросил он малыша. — У тебя ясные глаза и хорошие зубы, только вот руки ты моешь не слишком часто!

Не очень-то любезно это было с его стороны.

— Меня зовут Вильям, — ответил мальчик, — этот замок принадлежит мне, а ты — мой валет червей!

— Ну, уж нет. Я принадлежу моим королю и королеве, а вовсе не тебе! — возразил червонный валет. — Я могу сойти с карты и выпрыгнуть из рамы точно так же, как и знатные господа; им это сделать даже легче, чем мне. Мы могли бы отправиться в широкий мир, да ведь это так утомляет; впрочем, мы уже устали от него. Гораздо спокойней и приятней красоваться на картах и быть самими собой!

— Значит, это правда, что вы все когда-то были людьми? — спросил Вильям.

— Были людьми! — воскликнул валет червей. — Ну, конечно же, были. Только вот не такими хорошими, как должно! А теперь, пожалуйста, зажги-ка мне восковую свечку, лучше красную — это ведь цвет моих господ, да и мой тоже, тогда я расскажу владельцу замка — ты ведь сам говорил, что замок твой — историю нашей жизни. Только смотри не перебивай меня: коли я говорю, то пусть все идет, как по писаному. Видишь моего короля, я имею в виду короля червей? Он — старейший из четырех королей в колоде, потому как родился первым — в золотой короне и с зо-

лотою державой. И сразу начал править. Его королева появилась на свет с золотым опахалом, его ты и сейчас можешь видеть у нее в руке. С малых лет жилось им превосходно. Не надо было ходить в школу, разрешалось забавляться целый день: строить и сносить замки, ломать оловянных солдатиков и нянчить кукол. Когда им хотелось хлеба с маслом, масло намазывали с двух сторон, да еще и сверху посыпали сахарной пудрой. То было доброе старое время, и называлась оно Золотым веком, но они устали от него, да и я тоже. Тогда бразды правления взял бубновый король!

Валет умолк и не вымолвил больше ни словечка. Вильям хотел услышать продолжение, но его не последовало, поэтому он спросил сам:

— Ну, а дальше-то что было?

Валет червей не отвечал, он молча стоял, вытянувшись по струнке, устремив взгляд на огонек свечи. Малыш Вильям кивнул ему, затем еще раз, но безуспешно. Тогда он повернулся к бубновому валету, и после третьего кивка тот тоже соскочил со своей карты, подбоченился и произнес единственное слово:

— Свечку!

Мальчик тотчас же зажег красную свечу и поставил ее перед ним. Тогда валет бубен сделал алебардой на караул и сказал:

— Итак, на престол взошел бубновый король! У него на груди было стеклянное оконце, точно такое же, как и у его королевы, через которое люди могли заглянуть к ним внутрь и убедиться, что эти двое ничем не отличаются от простых смертных. На радостях им даже памятник соорудили, который простоял целых семь лет, — да он ведь и был воздвигнут на века!

И бубновый валет вновь отсалютовал и устался на свою красную свечку.

Не дожидаясь кивка или иного приглашения от маленького Вильяма, вперед твердой, размеренной походкой, словно аист, вышагивающий по лугу, выступил трефовый валет. Черный трилистник птицей порхнул с уголка карты вслед за ним, покружил над его головой и вернулся на прежнее место. А валет заговорил, причем, не в пример другим, не попросил для начала зажечь свечу:

— Не всем намазывают хлеб маслом с обеих сторон и посыпают сахарной пудрой! У моих короля и королевы ничего такого не было. Им пришлось ходить в школу и учиться тому, чему прежние короли не учились. На груди у них тоже было стеклянное окошечко, но обычно никто в него

не заглядывал, за исключением тех случаев, когда надо было найти внутри постыдные изъяны в механизме и отругать за это моих господ. Уж мне ли не знать! Много лет я служил им и сейчас не выхожу из их воли. А они желают, чтобы нынче я ничего более не говорил. Оттого-то я беру на караул и умолкаю!

Вильям все-таки зажег свечку и ему — белую, как снег.

Фьюить! Не успела свеча разгореться, как посреди залы очутился валет пик. Ух ты, как он спешил! Но заметно прихрамывал, словно у него болела нога. Он не отдал честь. По всему было видно, что жалкий, помятый валет много чего испытал: внутри у бедняги трещало и скрипело, казалось, он разваливается на части.

— Каждый из моих братьев-валетов получил по свечке, — сказал он, — достанется и мне — я это знаю наверняка. Но раз уж нам, простым рыцарям-валетам, оказана такая честь, то нашим королям и королевам причитается втрое больше. А моим пиковым господам справедливости ради надо бы зажечь целых четыре свечи! Им должна быть оказана особая честь, ведь в истории их испытаний так много печали! Недаром они постоянно носят траур, а в гербе у них — могильный заступ. Да и моя жизнь сложилась не лучше: в карточной колоде все надо мной насмехаются, «Черным Пёром»¹ зовут. Но это еще куда ни шло, есть и другое — более уродливое прозвище, которое и вслух-то стыдно произнести, — тут он прошептал, — «Мадс-Золотарь»!² Да-да! Именно так меня и обзывают — меня, который когда-то был первым рыцарем пикового короля, а теперь стал последней фигурой в карточной колоде! Истории моих монарших господ я разглашать не стану, — они не велят мне этого. Ты, маленький хозяин замка, можешь придумать ее сам, только непременно что-нибудь очень грустное! Лихие настали времена, и лучше не будет, пока мы все не взовьемся на красном коне выше облаков!

Малыш Вильям зажег, как наказал валет пик, по три свечки каждому королю и каждой королеве, а пиковым королю и королеве досталось по четыре. В парадной зале стало так светло и торжественно, словно во дворце

¹ «Черный Пер» — название карточной игры, участники которой пасуют и сбрасывают карты; тот, у кого в конце игры остается на руках валет пик, не имеющий пары, и есть «Черный Пер» или «Мадс-Золотарь».

² *Золотарь* — выгребатель нечистот.

богатейшего из императоров, а почтенные короли и королевы величественно и грациозно приветствовали мальчика: червонная королева чуть опустила свое золотое опахало, а королева пик взмахнула золотым тюльпаном, и из него словно бы хлынул огненный поток. Тут королевские пары покинули портретные рамы и поплыли по зале в изящном, неторопливом менуэте. Они кружились, озаренные огоньками свечей, и валеты танцевали вместе с ними. Но что это! Вот уже вся зала казалась объятай пламенем; огонь трещал и шипел, языки его лизали стены, вырывались из окон — замок полыхал в огне!

Вильям испуганно отбежал в сторону, криком призывая на помощь отца и мать:

— Замок горит!

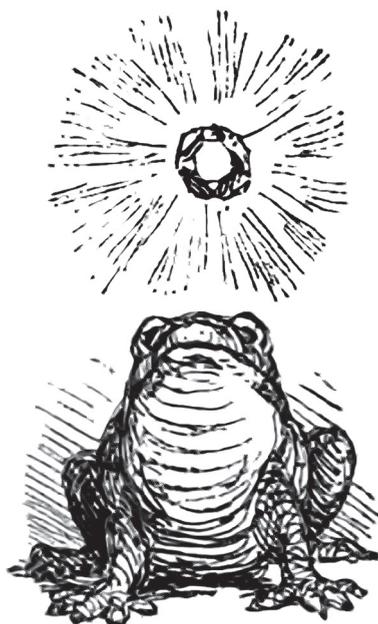
Летели искры, полыхало пламя, а сквозь шум огня слышалось пение:

— Теперь на красном мы коне взовьемся выше облаков, ведь знатных рыцарей и дам всегда удел таков! Валеты, следуйте за нами!

Да, вот такая участь постигла замок Вильяма и вельможные карты. Сам Вильям жив по сей день и не забывает мыть руки.

И нет его вины в том, что замок сгорел.

«КВАКАНЬЕ»

Все птицы лесные расселись на ветвях деревьев, а листьев там было предостаточно; и тем не менее, собравшиеся решили, что им просто необходимо еще один, новый, особенный листок — критический — у людей ведь таких столько развелось, что и половины бы вполне хватило. Певчие птички желали музыкальной критики: каждая хотела, чтоб ее прославляли, а других ругали, если было за что. Только никак не могли они найти в своем кругу беспристрастных критиков.

— Это, несомненно, должна быть птица, — заявила сова, которая была избрана председателем собрания, потому как слыла самой мудрой из птиц. — Незачем искать кого-либо в другой ветви животного царства, ну, разве что среди морских обитателей. Ведь рыбы снуют под водой, словно птицы в воздухе, но этим, пожалуй, сходство и ограничивается. Однако довольно много существ, которые занимают промежуточное положение между рыбами и птицами.

За нею слово взял аист и давай щелкать своим клювом:

— В самом деле, среди этих существ есть вполне подходящие на должность — дети болота, лягушки — именно за них я и голосую. Они в высшей степени музыкальны, а уж когда поют хором, кажется, что звонят церковные колокола в лесной глуши. Меня сразу тянет в дальние страны, — вздохнул аист, — под крыльями так и щекочет, когда они заводят свою песню.

— Я тоже голосую за лягушек, — подхватила цапля. — Хоть они и не птицы, и не рыбы, но все ж таки живут по соседству с рыбами и поют, как птицы.

— Ладно, это была музыкальная часть, — изрекла сова. — Но листок ведь должен рассказывать обо всем, что ни есть прекрасного в лесу. Следовательно, нам нужны сотрудники. Давайте-ка поразмыслим да поищем кого-нибудь среди своей родни.

Тут крошка жаворонок звонко и радостно прощепетал:

— Не бывать лягушке начальницей в листке, нет! Эта должность для соловья!

— Прекратить чириканье! — ухнула сова. — Соблюдайте порядок! Знаю я этого соловья. Мы с ним оба — птицы ночные, и каждый из нас поет по-своему. Только ни его, ни меня нельзя выбирать в критики, иначе под руководством высоких умов листок наш станет аристократическим или философским, а то и того хуже — оперно-бравурным, тогда как он должен быть интересен и для простонародья.

Долго не могли решить, как должен называться листок: «Утреннее кваканье», «Вечернее кваканье»¹ или просто «Кваканье». В конце концов, проголосовали за последнее.

¹ Намек на семейный жаргон Коллинов — друзей и покровителей Андерсена, — где газету «Berlingske Tidende» называли «Утренняя болтовня» или «Вечерняя сплетница».

Теперь настал черед отыскать дельных, или хотя бы слывающих таковыми, сотрудников.

Пчела, муравей и крот обещали писать о промышленности и инженерном деле, благо они в этом отлично разбирались.

Кукушку взяли на должность поэта-натуралиста. Она хоть и не певчая птица, но у простых людей пользуется большим почетом.

— Вечно выхваляется, самая тщеславная из всех птиц! А было б чем гордиться — ведь и посмотреть-то не на что! — возмущался павлин.

Тут в лес к редактору нагрянули мясные мухи и ну жужжать:

— Коли хотите, услужим, разодолжим! С людьми-то мы имели дело: не только с тамошними редакторами, но и, само собой разумеется, с человеческими критиками. Сядешь, бывало, на свежее мясо, отложишь

яички, — а назавтра оно уже насквозь тухлое. Только попросите, мы мигом любой талант изничтожим! Если же листок будет представлять какую-либо партию, то в большую силу войти может, когда и хамить не боязно, а потеряем одного подписчика — велика беда! — взамен десятков новых найдется. Дерзите, не скупитесь на бранные прозвища, пригвождайте к позорному столбу, глумитесь, освистывайте, подобно юнцам из Союза молодежи¹, и вы приобретете немалую власть в государстве.

— Бродяга ты перелетный! — обругала лягушка аиста. — Лягушонком-то я и взаправду с благоговейным трепетом смотрела на него снизу вверх, а когда он разгуливал по болоту, да толковал про Египет, мой кругозор расширялся — в воображении я прямо-таки переносилась в удивительные чуждадельные страны. Но больше он меня не вдохновляет — от прежнего остались лишь смутные воспоминания; я стала мудрее, научилась размышлять, приобрела влияние — печатаю критические статьи в «Кваканье». Я ведь и в датском алфавите есть², в виде буквы, что «квакушкой»³ зовется. У людей таких тоже хватает. Я вот даже написала об этом целый подвал⁴ в нашем листке!

¹ Сатира на массово появлявшиеся в те времена в Дании политические общества, где громкий голос оратора и страстный его темперамент заменяли подлинное знание дела.

² В рукописи автор уточняет, откуда почерпнуты эти сведения: «Я ведь и в "Орфографии и фонетике датского языка" есть...» (подразумевается труд Фредерика Хёг-Гульдберга «Рассуждения об орфографии и фонетике датского языка», первое издание которого увидело свет в Киле в 1809 году, а третье — в Копенгагене, в 1813). В переводах на русский язык эта подробность традиционно опускается.

³ Подразумевается лигатура æ, своими очертаниями напоминающая лягушку.

⁴ *Подвал* — нижняя часть газетной страницы, где помещается отдельная статья, а так же сама статья, занимающая нижнюю часть газетной страницы.

ПИСАРЬ

Одному чиновнику по должности полагалось писать красиво и разборчиво. Службу свою он исправлял достойно, а вот выводить красивые буквы никак не мог, поэтому поместил в газете объявление о поиске человека с красивым почерком. И столько людей откликнулось на это объявление, что одними их именами можно было доверху набить бочку. Но нужен-то был кто-то один. Поэтому чиновник, не долго думая, взял первого попавшегося, и не ошибся — тот писал так, словно бы и не человек вовсе, а живая каллиграфическая машина. Чиновник знал свое дело в совершенстве, а поскольку теперь писарь красивыми, ровными буквами излагал его мысли на бумаге, все говорили: «Отменно написано!»

— Это моих рук дело! — заявил писарь.

Откровенно говоря, он и полскиллинга-то¹ не стоил, но, слыша похвалы в течение целой недели, так возгордился, что сам захотел занять

¹ *Скиллинг* — грош, мелкая медная датская монета, бывшая в обращении в Дании с 1814 года. В конце XIX века вышла из употребления.

должность чиновника. Что ж, он вполне мог бы стать хорошим учителем чистописания и, повязав белый галстук, выглядел бы весьма пристойно за чайным столом в обществе. Однако он решил перещеголять всех своих собратьев по перу и принялся строчить про художников и скульпторов, поэтов и сочинителей музыки. И нес при этом несусветную околесицу, а ежели чересчур завирался, то на другой день писал, что в текст, мол, закралась опечатка. В действительности же все, чего бы он ни писал, была одна сплошная опечатка, ведь красивого почерка в напечатанном, увы, не разглядишь, тогда как в почерке-то и заключался его талант.

— Могу растоптать, а могу и возвеличить! — хвалился завравшийся писарь. — Сам черт мне не брат! Я, знаете ли, маленький Господь Бог, а если разобраться, то не такой уж и маленький!

Конечно, все это был сущий бред. Он-то и свел его в могилу, о чем появилось сообщение в газете¹. Вот такая скучная история! Быть может, его приятелю, который умел сочинять сказки, удалось бы навести на нее красоту, но, как он ни старался, сказка о жизни этого писаришки, со всей ее мерзостью, бахвальством и вздорной болтовней — скрид-скрад-свэд!² — получилась весьма посредственная.

¹ В рукописи указано название газеты — «Berlings Avis», зачеркнутое автором.

² Используя повторение одинаковых согласных звуков в словах (аллитерацию), Андерсен создает своеобразное заклинание по типу заклинаний, встречающихся в концовках датских народных сказок.

ИВЕДЕ-АВЕДЕ!

Ты, конечно, помнишь сказку о ели, которая в счастливейший вечер своей жизни услышала историю про Клумпе-Думпе¹, свалившегося с лестницы, но все-таки взявшего себе в жены принцессу; дети тогда хотели послушать еще и про *Иведе-Аведе*, но им пришлось удовольствоваться лишь одной историей.

Что ж, теперь настал черед рассказать про *Иведе-Аведе*. В действительности, имя у них было гораздо длиннее — помнишь, в детском стишке²: *Иведе-Аведе, киведе-каведе?*.. Там в конце еще появляется дурачок, который, если ты не знаешь, доводится братом Клумпе-Думпе. Только сейчас речь не об этом. *Иведе* и *Аведе* были совершенно непохожи друг на

¹ Первоначально в рукописи сказки «Ель», созданной в 1844 г., «маленький, толстенький господин» спрашивал у детей: «Вы хотите послушать про пять пальцев или про Ханса-Чурбана (дат. Klodde-Hans, прим. Д. К.)?» Таким образом, история о Клумпе-Думпе (автор рассматривал и другие варианты названия: Клумбумбе и Клоддердумпе) — первое упоминание сказки «Ханс-Чурбан», задуманной Андерсеном в 1844 г., но опубликованной лишь в 1855 г. с подзаголовком: «Старая история, рассказанная заново». Автор творчески переработал здесь датскую народную сказку «Принцесса, которой заткнули рот».

² См. комментарии к истории.

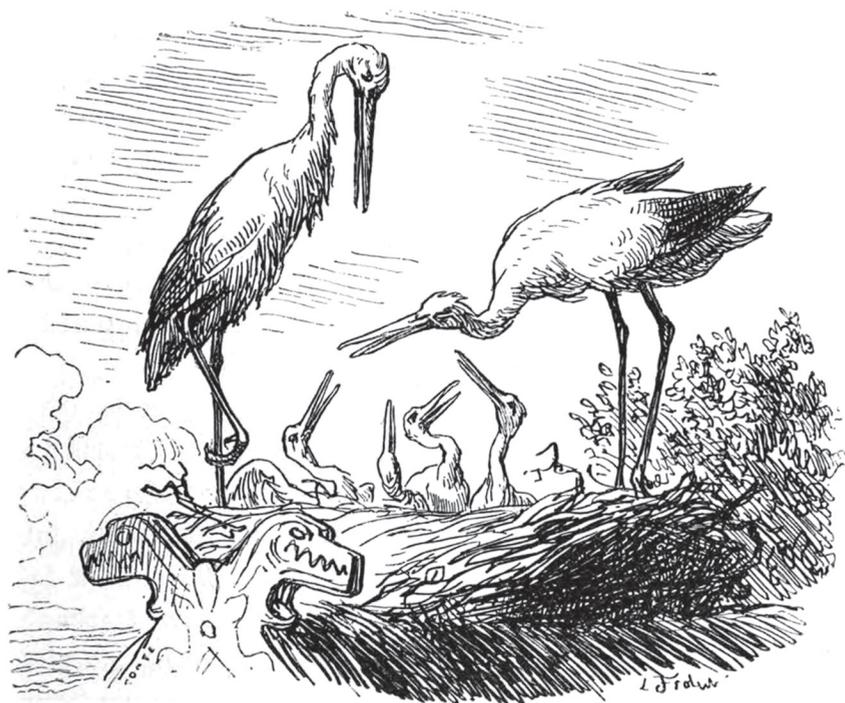
друга, но послушать стоит про каждого, причем внимательно — иначе ничего не поймешь!

Так вот, одного звали Иведе, а другого — Аведе. Иведе был пылкий и порывистый, всегда первый в танце, на газетных столбцах, в обществе, обладал даром красноречия, был своего рода маленьким Господом Богом, совсем крохотным, но зато имел большой вес в газете, что, скажу я вам, очень много значит, — этакий машинист локомотива ежедневной прессы, который распорядился человеческими жизнями и благополучием¹, приводя в движение подвластную ему машину одним лишь своим приказом.

— Сперва великие мира сего, а потом уж малые! Пора представить и меня! — обиженно вмешался господин Аведе. — К вашим услугам! Я и аристократишка, и мещанин, и ремесленник, и крестьянское отребье в одном лице — словом, кухонная тряпка для огромного мирового котла; мир отверг нашего брата. Вот какие мы, Иведе и Аведе, киведе-каведе!

¹ Далее в рукописи зачеркнуто: будучи при этом самым обыкновенным, почтенным и невзрачным человеком, но стоило ему запустить свою машину

ПИСЬМО АИСТА ИЗ СУЭЦА ПЕРЕД ОТКРЫТИЕМ КАНАЛА

В сентябре, после осенних маневров, я, супруга и четыре наших отпрыска покинули прелестную, гостеприимную Данию, дом Пера Хансена на Страннвайен¹; нам не понадобилось много дней, чтобы добраться до Африки, но мускулы крыльев все же ноют. Теперь, правда, опасаться нечего, мы в Суэце², куда понаехало народу и еще продолжает прибывать для того, чтобы присутствовать на открытии канала³. Здесь корреспонденты со всех стран, наша *родина* — не исключение. Да-да, я говорю

¹ *Береговой путь* (дат. Strandvejen).

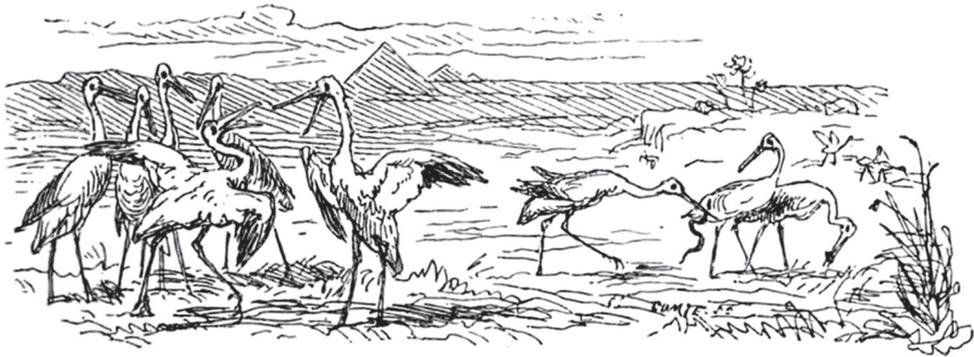
² *Суэц* — город и крупный порт на северо-востоке Египта, расположен на северной оконечности Суэцкого залива Красного моря, у южного входа в Суэцкий канал.

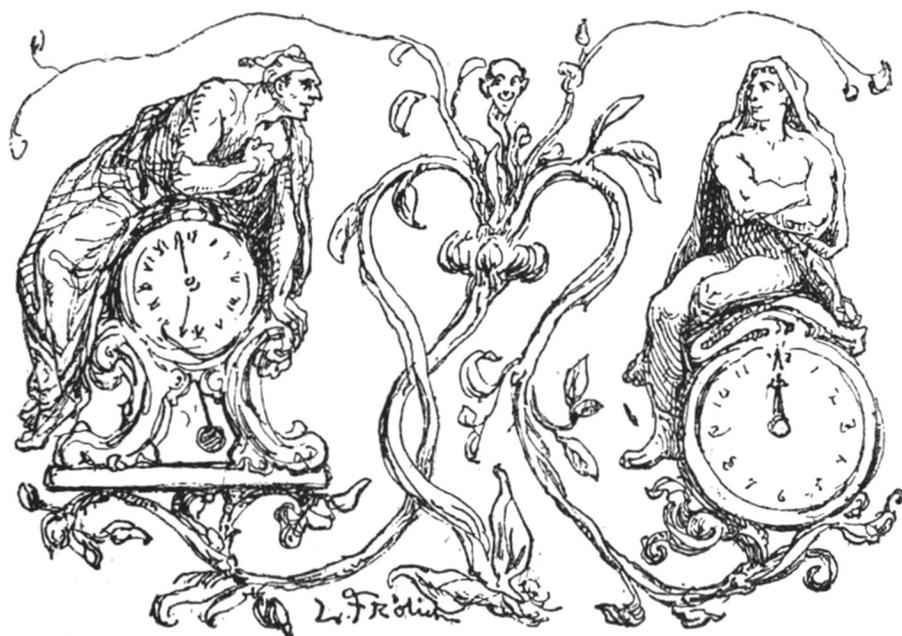
³ Открытие Суэцкого канала, соединившего Средиземное и Красное моря, состоялось 17 ноября 1869 г.

и пишу родина! По общему мнению, аист — египетская птица, но это несправедливо! Нам ли не быть датчанами — нам, родившимся на зеленых островах между Северным и Балтийским морями, — по крайней мере, мне и моему семейству, чья квартира на Страннвайен, у Пера Хансена на крыше, ныне пустует?

Ну, так вот, из Суэца напишут и поведают всему миру о грандиозном египетском событии дня: водный путь соединит Европу с Красным морем! Древняя мумия пришла бы в неописуемый восторг, доведись ей участвовать в открытии канала, о котором она и помыслить не могла, — да где уж там! Фараон не дожил до этого дня каких-нибудь несколько тысячелетий.

Думаю, здесь будет прелюбопытно, а посему все подробности я сообщу в отдельном письме. Шлю привет Перу Хансену на Страннвайен и поклон моему гнезду; я вернусь в марте!

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЮТ ЧАСЫ

Вот послушайте-ка!

— Мы вполне себе живые! — заверили часы. — Тик-так! С точностью показываем и отбиваем ход времени: час, два, и так далее — до двенадцати; после двенадцати все начинается сызнова. За день и ночь стрелки дважды совершают свой круг, потому-то часы в Италии, что показывают от первого до двадцать четвертого часа — наглядней всего¹. Середина ночи знаменуется нашим боем: и маленькие карманные, и самые огром-

¹ Согласно итальянскому времяисчислению, больше известному, как «юлианское время» (по имени императора Юлия Цезаря, который в 46 году до н. э. ввел юлианский календарь), 24 деления на циферблате таких часов обозначены римскими цифрами, расположенными против часовой стрелки. В этом неестественном направлении и движется единственная стрелка, которая отсчитывает время от заката до заката. Последний час суток под номером XXIII соответствует времени, когда солнце садится за горизонт. Самыми известными из дошедших до нас являются часы Паоло Уччелло во Флоренции (1443 г.) и башенные часы на площади Сан-Марко в Венеции (1499 г.).

ные, могучие часы на старинной церковной башне вызванивают, поют, — да, самым натуральным образом, при помощи металлического язычка: «Один!» И ночной сторож выкрикивает: «Час ночи!» В очередной раз уносится этот час за пределы земли, что лежит в полумраке, подобном царившему в начале времен, а на небе и на земле — один лишь только Господь, парящий, как и при сотворении мира, над водами¹.

¹ «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою» (Быт. 1:2).

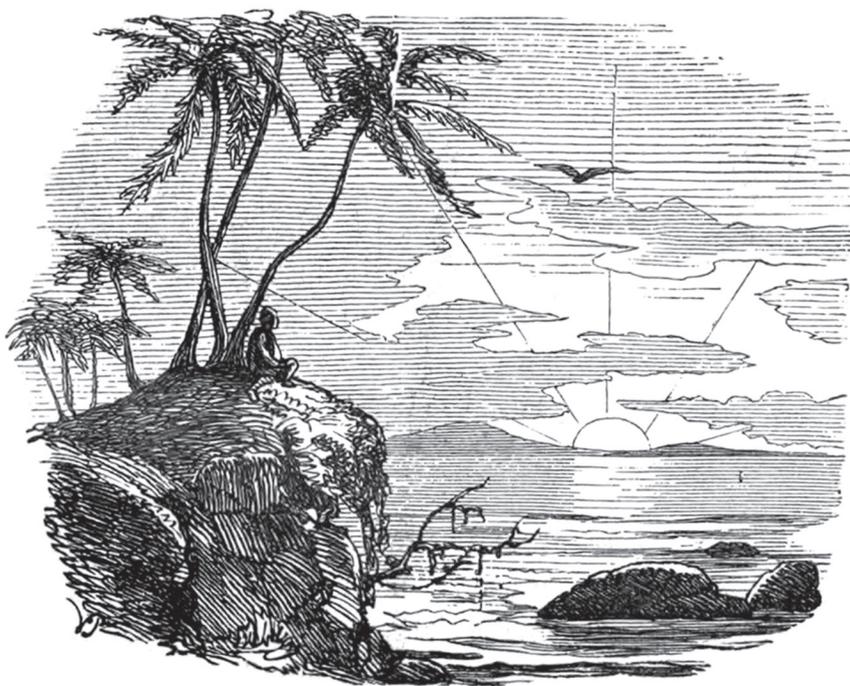
О ЧЕМ ПОЮТ ВОЛНЫ МОРСКИЕ

Жил на свете мудрец, и был он настолько умен, что понимал чуть ли не все языки, на каких говорили люди в разных уголках мира; понимал даже, о чем поют птицы, что означают звуки, издаваемые тем или иным животным. Не разумел он лишь одного языка — древнейшего, появившегося прежде всякого другого человеческого или животного — языка моря, пенных волн, лепет которых в ясную погоду убаюкивает, а в бурю, многократно усилившись, грохочет, подобно могучей песне сотни органов, и даже еще громче!

— Это настоящая музыка, мелодия прошлого, но вместе с тем и будущего, притом неизменная. Сущим наслаждением было бы слушать ее, понимая, однако, о чем в ней поется! Ведь вся сила в словах! — говорил мудрец и внимал бушующему морю на его северных берегах, где ледяной зимний ветер пробирает до костей; прислушивался к шепоту волн в краю, где никогда не бывает зимы, где круглый год благоухают розы под качающимися пальмами.

— Если б только знать язык мирового океана! Каждая крошечная морская улитка владеет им в совершенстве, а когда она умирает, волны по-прежнему шумят и поют в опустевшей раковине, поднесенной к уху. Мне просто необходимо выучить язык моря! — вздыхал мудрец. — Пусть человек и не способен воспроизвести звуки какого-либо языка, но научиться понимать его он в состоянии, нужно лишь очень сильно этого захотеть и запастись терпением!

Мудрец сознавал, что ему не поможет объявление в газете о поиске учителя морского языка, потому он и не стал его размещать, а направился напрямик к морю, под высокие темные скалы мыса Нордкап¹, где во время шторма грохот волн уподобляется судному гласу; на мыс Гренен², у которого сходятся Северное и Балтийское моря, и где обломков затонувших судов и морских птиц столько, что последние кажутся спящими

¹ *Нордкап* — мыс на острове Магерё в Норвегии.

² *Гренен* — самая северная точка Дании, мыс на полуострове Ютландия, расположенный к северу от города Скаген.

по небу облаками, оглашающими окрестности своими криками. Посетил мудрец и берега Средиземного моря, где растут пальмы, где цветут розы во время северной зимы и катятся прозрачные, сине-зеленые волны цвета вод в огромных горных ледниковых озерах Швейцарии. Тут-то и случилась история, о которой пойдет речь.

У Средиземного моря, там, где попадаешь в Италию из Франции, раскинулась Ницца — залитый солнцем городок, в котором тепло и летом, и зимой; море у его берегов шумит, поет, не умолкая, год за годом ночью и днем. Сюда приезжают иностранцы со всех концов света, чтобы подышать мягким, целебным воздухом. Сюда наведася и наш мудрец, желавший выучить язык морских волн, и здесь он, наконец, осуществил свою мечту. Правда, ему понадобились для этого годы, рассказ о которых занял бы две-три страницы. Перелистнем их, представим, будто они уже прочитаны, — ведь тебе не терпится узнать, о чем может поведать море! Ну вот, пожалуйста:

— Я видело корабль: на его борту была женщина с темно-голубыми глазами северянки. Ее взор, исполненный любви, блуждал среди волн. Судно было охвачено пламенем и устремилось в мои холодные объятия в надежде потушить пожар. Я потеряло женщину из виду, но когда корабль опустился туда, где колышутся водоросли, в мой огромный заповедный сад, я вторглось в каюты и вновь увидело ее: она казалась спящей, ее руки мирно покоились на груди, едва заметная улыбка

играла на устах, в то время как Смерть уносила ее к цветущим берегам. С датских островов в мои воды были пролиты слезы, горячие и соленые: оплакивали ее, сестру... Корабль стал ей гробом, а волны пропели псалом над ее могилой.

ДАТСКИЕ НАРОДНЫЕ ЛЕГЕНДЫ

Дания богата старинными легендами о выдающихся деятелях, церквях и господских усадьбах, о холмах, полях и бездонных топях; легендами, повествующими о днях великого морового поветрия, о временах войны и мира. Предания эти живут в книгах и в устах людей; словно птичья стая, разлетаются они далеко по свету, но при этом ни одна легенда не похожа на другую, точно так же, как дрозд не похож на сову, а лесной голубь — на чайку. Так вот послушайте-ка, я расскажу вам некоторые из них.

В стародавние времена, когда враг разорял датскую землю, произошло однажды вечером сражение, в котором датчане одержали верх, а на поле боя осталось лежать множество убитых и раненых. У одного из них, бойца вражеского войска, пушечным ядром оторвало обе ноги. Случилось так, что неподалеку от него оказался датский солдат, который достал бутылку с пивом и уже поднес горлышко к губам, когда его тяжело раненный враг попросил напиться. Датчанин убрал ото рта бу-

тылку и нагнулся, чтобы подать ему, а раненый возьми, да и выстрели сердобольному солдату в грудь из пистолета, но, к счастью, промахнулся. Тогда датчанин выпрямился, выпил сам половину бутылки, а остальное вручил врагу со словами: «Мерзкий ты человек! Получай же теперь только половину!»»

Узнавший об этом король впоследствии пожаловал солдату и его потомкам дворянское достоинство и даровал герб, на котором в память о том деянии была изображена полупустая бутылка.

Красивое предание о церковном колоколе из Фарума¹ тоже так и просится, чтобы его рассказали. Пасторская усадьба располагалась возле самой церкви. И вот в одну из темных ночей глубокой осени, пастор засиделся допоздна, подготавливая воскресную проповедь, как вдруг услышал невнятный, странный звук, словно бы загудел большой церковный колокол. Погода была безветренной, поэтому пастор удивился, отчего колокол пришел в движение. Он встал из-за стола, взял ключи и отправился в церковь. И едва вошел внутрь, как все разом стихло, только до его слуха донесся сверху чей-то глубокий вздох.

— Кто здесь? Кто нарушил мирный покой церкви? — возвысил голос пастор.

С колокольни послышались спускающиеся по лестнице шаги, и в проходе показался маленький мальчик.

— Не ругайте меня! — попросил он. — Я пробрался туда во время вечерней службы. Матушка моя тяжело больна! — дальше мальчик не мог говорить, его душили слезы.

Пастор ободряюще потрепал ребенка по щеке и попросил рассказать все без утайки.

— Говорят, что матушка... моя милая, добрая матушка... скоро умрет. Но я-то знаю, что смертельно больной может выздороветь, если кто-нибудь отважится пойти в полночь в церковь и соскоблить с большого церковного колокола немного ржавчины. Это ведь испытанное средство для спасения человека от смерти. Поэтому я спрятался на колокольне

¹ Писатель имеет в виду стихотворение Каспара Бойе (1791–1853) «Колокол в Фаруме» (1851).

и ждал, когда часы пробьют полночь. Было так страшно! Я только и думал что о мертвецах, которые могут нагрянуть в церковь. Не смея оглянуться по сторонам, я лишь молился и соскребал ржавчину с колокола.

— Пойдем отсюда, дитя мое, — вздохнул пастор. — Господь не оставит своими милостями ни твою матушку, ни тебя.

И вдвоем они отправились в убогое жилище, где лежала больная женщина. Она почивала спокойно и крепко. Господь даровал ей жизнь, и Его благословение воссияло над нею и над ее сыном.

Есть и другое предание — о бедном юноше Пóуле Вéндельбо¹, который достиг славы и сделался уважаемым человеком. Родился он в Ютландии² и был так старателен, прилежен в учении, что однажды успешно сдал экзамен и сделался студентом, только вот день ото дня крепло в нем желание стать солдатом и побывать в чужих краях. Как-то раз, гуляя на копенгагенском крепостном валу³ вместе с двумя молодыми приятелями, у которых, кстати, водились деньги, он поведал им о своей мечте. Внезапно юноша остановился, глядя на окно профессорского дома: там сидела девушка, чья красота поразила Поуля и его спутников. Видя, как он зарделся, они в шутку предложили:

— Иди к ней, Поуль! И ежели ты сумеешь получить от нее добровольный поцелуй, прямо перед открытым окном, чтоб мы видели, то дадим мы тебе денег на путешествие, тогда ты сможешь поехать за границу испытать свое счастье — может быть, там тебе повезет больше, чем на родине.

Поуль Вендельбо вошел в дом и постучал в дверь гостиной.

— Батюшки нет дома, — сообщила ему девушка.

¹ *Вендельбо Поуль* (1686–1740) — датский офицер и государственный деятель. С 1707 г. состоял на русской военной службе и в 1710 г. стал полковником. В 1711 г. получил дворянское звание под именем Вендельбо Лёвенёрн.

² *Ютландия* — полуостров в Дании (большая часть) и Германии, между Северным и Балтийским морями.

³ В старину Копенгаген был окружен защитным крепостным валом, сооруженным в 1658–1664 гг. по приказу Фредерика III (1609–1670). В 1840-х гг. его практически полностью срыли и на месте прежнего вала развели сады и бульвары, являющиеся излюбленным местом прогулок копенгагенцев.

— Не сердчайте на меня! — воскликнул юноша и залился краской. — Я пришел не к вашему батюшке!

Вслед за тем он просто и откровенно поведал ей о своем желании повидать свет и честными заслугами достичь славы. Поуль рассказал девушке и о двух своих приятелях, оставшихся стоять на улице, которые пообещали ему денег на путешествие при условии, что она сама, добровольно поцелует его у распахнутого окна. Лицо юноши во время рассказа выражало такую благородную прямоту, искренность и чистосердечие, что досада профессорской дочери тотчас же улетучилась.

— Нехорошо вы поступили, обратившись с такими словами к скромной, простодушной девушке, — молвила она. — Но вы мне кажетесь вполне честным человеком, и я не хочу быть помехой вашему счастью!

Недолго думая, она подвела его к окну и поцеловала. Приятели сдержали данное ими обещание и обеспечили юношу деньгами. Он посту-

пил на службу к русскому царю, участвовал в сражении под Полтавой и достиг славы и почестей. Впоследствии, когда родная страна призвала его, он воротился в Данию, стал важной персоной, приобрел немалое влияние в армии и Королевском совете. Поэт воспел его:

Злато наряд украшало,
Грудь вся была в орденах,
Лицо коричневым стало –
Но доблесть сияла в очах!¹

В один прекрасный день он наведался в скромное жилище профессора, но и на сей раз ему нужно было повидаться не с хозяином дома, а с его дочерью, Ингеборг Виндинг², чей поцелуй стал залогом его удачи. Две недели спустя Поуль Вендельбо Лёвенёрн³ отпраздновал свадьбу.

Однажды датский остров Фюн подвергся жестокому вражескому нашествию. Уцелела одна-единственная деревушка, но и той грозило неминуемое разорение. Двое бедняков жили на самом краю деревни в низеньком домишке. Был темный зимний вечер, когда обессиленные тревожным ожиданием обитатели домика достали книгу псалмов и наугад раскрыли ее, уповая на то, что им попадет псалом, который дарует горемычным утешение и поддержку. Книга раскрылась на псалме «Оплот надежный наш Господь». Преисполненные твердости, они пропели его, после чего, укрепившись в вере, оба отошли ко сну и мирно, под защитой Господа, проспали до утра. Когда они проснулись, в комнате царил непроглядный мрак и дневной свет не проникал в окна. Они попытались выйти, но дверь не поддавалась. Тогда оба залезли на чердак, открыли слуховое окно и увидели, что на дворе — белый день, а выпавший за ночь глубокий снег засыпал весь дом и укрыл его от врагов, которые ночью разграбили и спалили всю деревню. Тогда бедняки,

¹ Строки из стихотворения К. Плоуга (1813–1894) «Поцелуй», пересказанного здесь Андерсеном.

² *Виндинг Ингеборг* (1686–1734) — супруга Поуля Вендельбо (с 1714 г.), дочь профессора Поуля В. Виндинга (1658–1712).

³ «Лев-Орел» (дат.).

исполненные благодарности Богу, молитвенно сложили руки и еще раз пропели псалом «Оплот надежный наш Господь»¹. Бог защитил их, воздвигнув вокруг домика снежный заслон.

Из Северной Зеландии² дошло до нас предание о будоражащем воображение мрачном происшествии. Рёрвигская³ церковь расположена на самом краю города, среди песчаных дюн, на берегу бурного Каттегата.

¹ Известный евангельский гимн, сочиненный христианским богословом, инициатором Реформации Мартином Лютером (1483–1546) в 1529 г. на основе 45 псалма «Бог нам прибежище и сила».

² См. примеч. к «Альбому с картинками в прозе».

³ *Рёрвиг* — городок на севере Ютландии.

Однажды вечером там бросил якорь большой корабль, предполагают, что судно это принадлежало российскому военному флоту.

Ночью кто-то постучался в калитку пасторской усадьбы, и несколько вооруженных людей в масках велели священнику надеть служебное облачение и следовать за ними в церковь. Они обещали ему хорошее вознаграждение, но пригрозили, что учинят расправу, если он откажется. Священник отправился с ними.

Церковь была озарена свечами, в ней собрались какие-то незнакомые люди, здесь царила мертвая тишина. У алтаря ждали жених и невеста, облаченные в великолепные одежды, словно знатные особы, однако невеста была бледна как смерть. Когда обряд венчания подошел к концу, прогремел выстрел, и невеста бездыханной упала к подножию алтаря. Тело подняли и унесли прочь, следом за носильщиками удалились и все остальные. Наутро корабль снялся с якоря. Доныне никто не дал объяснения произошедшему той ночью.

Священник, бывший свидетелем бесчеловечного деяния, записал все увиденное им в семейную Библию, которая бережно передается из поколения в поколение. Старинная церковь по-прежнему стоит между дюн на берегу бурного Каттегата, а история эта живет в записи и в людской памяти.

Надобно рассказать вам еще одну церковную легенду. В Дании, на острове Фальстер, жила некогда богатая знатная дама; она была бездетна, и род ее грозил пресечься с ее смертью. Вот и решила она потратить часть своих богатств на возведение величественной церкви. Когда строительство было окончено, и на алтаре зажгли свечи, дама поднялась к престолу и, преклонив колена, обратилась к Господу с молитвой, чтобы за ее благочестивый поступок Он даровал ей столько лет земной жизни, сколько простоят ее церковь.

Шли годы. Поумирала ее родня, отбыли в мир иной давние друзья и знакомые, все старые слуги из родовой усадьбы упокоились в своих могилах, лишь она одна, высказавшая столь греховное желание, не умерла. Все более чуждые ей поколения сменяли друг друга, она ни с кем не зналась, и с нею тоже никто не знался. Так и влачила она бессмысленное существование, погрязнув в старческом слабоумии, одинокая и всеми заброшенная. Чувства ее притупились, она жила словно во сне,

но не умирала. Каждый сочельник жизнь на мгновение вспыхивала в ее теле, и она обретала способность говорить. Тогда она приказывала своим слугам уложить ее в дубовый гроб, поставить его в церкви там, где было приготовлено место для погребения, и призвать к ней священника, чтобы в рождественскую ночь тот выслушал ее распоряжения. Затем ее клали в гроб и несли в церковь. Туда каждую рождественскую ночь являлся по ее приказанию священник, проходил по хорам и, приблизившись к гробу, где, не ведая покоя, лежала измученная ожиданием дряхлая старуха, поднимал его крышку.

— Стоит ли еще моя церковь? — дрожащим голосом вопрошала она и, услышав в ответ, что церковь стоит, как и прежде, она тоскливо и тяжело вздыхала и вновь опускалась на свое смертное ложе. Священник опять закрывал его крышкой и оставлял до следующего Рождества, а там опять до следующего.

Ныне от той церкви камня на камне не осталось, как не осталось ни единого следа от некогда погребенных в ней. И только огромный куст белого боярышника растет там в чистом поле. Каждую весну он покрывается дивными цветами, знаменуя тем самым вечное возвращение к жизни. Говорят, что куст этот вырос на том месте, где некогда стоял гроб знатной дарительницы, и где прах ее смешался с прахом земли.

Старинное народное предание гласит о том, что, когда Господь изгнал с небес падших ангелов, часть из них упала на холмы, где они и живут по сию пору и зовутся горным народом, или троллями. Они страсть как пугаются и пытаются улизнуть в укромное местечко, когда гремит гром, ведь в звуках его им слышится глас небесный. Другие же попадали в ольховые болота, их прозвали эльфами: женщины из их роду-племени очень хороши собой, но верить им нельзя, сзади они пустотелые, и спина у них впалая, точно квашня¹. Третьи угодили в старинные усадьбы и дома — эти стали домовыми да гномами.

¹ Скорее всего, имеются в виду персонажи скандинавского фольклора — хульдры. Чаще встречаются в норвежских народных сказках. Согласно поверьям, это красивые сверхъестественные существа женского рода, но с полой спиной и коровьим хвостом. Владеют стадом, живут в горах, на пастбищах и заманивают молодых парней пением и играми.

Все они не прочь иной раз по-соседски свести знакомство с людьми. Так вот об этих существах рассказывают превеликое множество удивительных историй.

В глубине высокого холма в Ютландии жил под землею такой вот тролль с целым выводком своих соплеменников. Одна из его дочерей вышла замуж за деревенского кузнеца. Тот был нехорошим человеком и частенько поколачивал свою жену. В конце концов, ей надоело это терпеть, и однажды, когда он в очередной раз вздумал пустить в ход кулаки, она схватила подкову и на глазах кузнеца переломила ее. Обладая такой неимоверной силищей, она запросто могла и его самого порвать на куски. Поразмыслив над этим, впредь он больше не бил жену. Однако среди людей начались пересуды, односельчане потеряли к ней уважение и за глаза нарекли «троллевым отродьем». Теперь никто во всем приходе не желал с нею знаться. Наконец, прослышал об этом ее отец — тролль. И вот как-то раз в воскресный день, когда кузнец с женой вместе с другими прихожанами стояли на церковном дворе и дожидались священника, кузнечиха взглянула в сторону залива и увидела, что над водой за клубился туман.

— Сейчас батюшка пожалует, — предупредила она. — И очень уж он сердит!

Так и вышло, явился тролль, да страсть какой сердитый!

— Будешь бросать мне людишек, или тебе, дочь моя, больше нравится их ловить? — спросил тролль, алчно взирая на прихожан.

— Буду ловить! — поспешила ответить жена кузнеца, так как прекрасно понимала, что отец делал бы это отнюдь не бережно.

И вот тролль принялся хватать одного за другим и перекидывать через крышу церкви, в то время как дочь его, стоя на другой стороне, бережно их ловила. С той поры у нее наладились отношения с прихожанами, ведь папаша-тролль ужасно всех перепугал, а в здешнем краю водилось превеликое множество таких, как он. Поэтому все поняли, что самым разумным будет не ссориться с ними, а повернуть знакомство себе на пользу. Народ-то отлично знал, что у троллей есть здоровенные котлы, битком набитые золотом, и, ясное дело, никому б не помешало разжиться горсткой-другой звонких монет, но для этого требовались хитрость и изобретательность, каких с лихвой хватало у одного находчивого кре-

стьянина, о котором я сейчас вам расскажу, и у его работника, который оказался еще хитрее хозяина.

У этого крестьянина среди поля высился холм, который не давал ему покоя — ведь столько земли зря пропадает! И наконец, в один прекрасный день он таки начал его распахивать, но тут из холма вылез живший в нем тролль и давай ругаться:

— Как ты осмелился пахать мою крышу?

— Я знать не знал, что она твоя, — отвечал крестьянин. — Только ведь нам с тобой обоим невыгодно оставлять эдакий участок земли невозделанным. Позволь уж мне вспахать его и засеять! И когда придет время собирать урожай, в первый год ты получишь все верхшки, я же — корешки, ну, а на следующий год сделаем наоборот.

На том и порешили. В первый год крестьянин посеял морковь, а на следующий — жито. Троллю досталась ботва от моркови и корешки от жита. Так они и зажили в добром согласии.

Но вот у крестьянина в доме пришла пора устроить крестины. Тут-то мужик и призадумался: как быть с троллем? Обойти его приглашением нехорошо, ведь они водили дружбу! Но коли тролль примет приглаше-

ние, что тогда подумают о нем священник и все прихожане? Как ни был хитер крестьянин, да только на сей раз не мог придумать, как бы ему выкрутиться. Поэтому он рассказал о своей беде мальчишке-свинопасу — благо тот был похитрее его самого.

— Помогу я тебе, — сказал мальчишка, взял большой мешок, отправился к холму, где жил тролль, и постучался. Когда его впустили, он объявил, что принес троллю приглашение на крестины. Обитатель холма принял приглашение и обещал прийти.

— На крестины-то, кажется, надо дарить подарки? Так оно принято?

— Верно, так и полагается, — заверил мальчишка и развязал мешок. Тролль насыпал в него денег.

— Столько хватит?

Мальчишка приподнял мешок.

— Большинство людей как раз столько и дарят!

Тогда все деньги из большущего котла перекочевали в мешок свинопаса.

— Ну, так много никто не приносит, обыкновенно дарят поменьше.

— Позволь-ка теперь полюбопытствовать, каких еще важных гостей назвал к себе сосед? — спросил тролль.

— Троих священников и одного епископа, — ответил мальчишка.

— Ишь, как знатно! Да только ведь эти господа смотрят, как бы им хорошенько подкрепиться, да попить, до меня же им и дела нет. А кто еще пожалует?

— Ожидаем Матерь Божью!

— Гм-гм! Ну, ничего! Авось для меня сыщется местечко где-нибудь за печкой! Хорошо, а еще-то кто будет?

— Ну что ж, еще Господь Бог придет.

— Гм-гм-гм! Недурственно! Да ничего! Такие высокопоставленные гости имеют обыкновение приходить попозже и уходить пораньше. Поэтому, когда они явятся, я затаюсь от них в сторонке и отсижусь где-нибудь в укромном уголке. А какая у вас будет музыка?

— Барабанная! — доложил мальчишка. — Отец наш небесный заказал громоподобного грохоту, под эту музыку мы и будем плясать! У нас во всю будут греметь барабаны!

— Ох, страсти-то какие! — воскликнул тролль. — Поблагодари своего хозяина за приглашение, но я, пожалуй, лучше дома посижу. Разве он

не знал, что гром и барабаны для меня и всего моего племени страх как противны? Однажды, во времена моей молодости, вышел я как-то раз погулять, а гром как загрохочет, и одна барабанная палочка съездила меня ненароком по бедру, так что и кость переломила. Хватит, больше я такой музыки не желаю! Потрудись передать своему хозяину мою благодарность и поклон.

Мальчишка взвалил мешок на спину и воротился к хозяину с богатыми дарами и добрыми троллевыми пожеланиями.

Много есть у нас преданий в этом роде, однако ж на сегодня хватит и тех, что я рассказал!

СПРОСИ ОГОРОДНИЦУ САМ!

Жил-был на грядке морковный дед,
Толстый, бугристый такой.
Он с риском решил для своих поздних лет
Супругом морковке стать молодой:
Прелестной — выше всяких похвал! —
И знатной, каких мир не знал.
День свадьбы настал.
Яства бесценные дед предлагал:
За деньги нельзя их купить.
Лунным сиянием он угощал,
Росу и цветочный нектар наливал,
Что с пашни легко раздобыть.
Кланялся чинно морковный дед
И счел самым лучшим бубнить:
Бубнил и бубнил весь парадный обед!

Невеста же только молчала в ответ,
Грустно взирая на весь белый свет
Во цвете лет.

Если не веришь нам,
Спроси огородницу сам!

Красный кочан у них пастором был,
В подружки взяли брюквенных дам;
На место почетное дед усадил
Огурчик и спаржу, картофель пел там.
Мал и велик дал работу ногам.
Спроси огородницу сам!

Без туфель, чулок дед в пляс

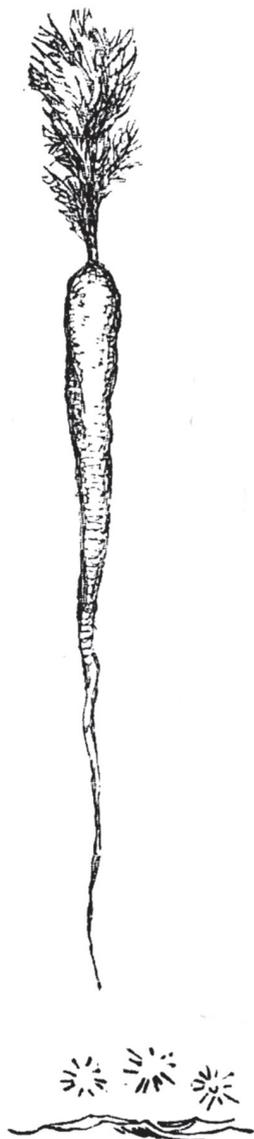
припустил:

Ху-хей! — спина затрещала,
Он замертво пал — перезрел

и почил,

Но женушку этим не огорчил,
Счастливой вдовой та вдруг стала.
Отныне свободна, отныне одна,
Жизнью такой насладится сполна
И в суп попадет незамужней она,
Свежа и юна.

Если не веришь нам,
Спроси огородницу сам!

КОММЕНТАРИИ

САЛЬНАЯ СВЕЧА (TÆLLELYSET)

Впервые опубликовано 12 декабря 2012 г. в датской газете «Politiken» по рукописи, являющейся тщательно выполненной копией оригинала. Она была найдена в октябре того же года в отделении Датского государственного архива на острове Фюн среди бумаг, принадлежавших семейству Плум. В правом верхнем углу титульного листа рукописи другой рукой и другими чернилами указано, что копия предназначалась «П. Плуму от его друга Бункефлода».

В ежегоднике «Anderseniana» за 2013 г. датский исследователь А. С. Аскгор выдвинул предположение, что сказка написана Андерсеном ок. 1819–1823 гг. Она посвящена М. Бункефлод (1766–1833), вдове приходского священника и поэта Х. К. Бункефлода (1761–1805), которая вместе с сестрой своего покойного мужа проживала в Оденсе в «Пансионе для вдов и людей, оказавшихся в стесненных обстоятельствах». В «Сказке моей жизни» (1855) Андерсен сообщает, что в их кругу он «впервые услышал слово „поэт“, произносимое с благоговением, как нечто священное». Вдова, в 1813 г. потерявшая в результате несчастного случая своего младшего ребенка, окружила вниманием и заботой юного сына башмачника, жившего в те времена напротив пансиона и часто бывавшего у г-жи Бункефлод. Он читал ей книги, брал некоторые из них домой и, по-видимому, отблагодарил ее написанием сказки. В Доме-музее Андерсена в Оденсе сохранилось еще одно свидетельство его признательности вдове — шелковая подушечка для булавок, которую будущий писатель собственноручно сшил в качестве подарка ко дню рождения г-жи Бункефлод.

Сын вдовы, Ханс Бункефлод (1791–1856), впоследствии стал старшим преподавателем школы при Троицкой церкви в Копенгагене. Скорее всего, именно он передал копию оригинальной рукописи одному из Плумов (предположительно, пробсту Петеру Андреасу Плуму, 1797–1880).

По мнению профессора Й. де Мюлиуса, сказка могла быть всего лишь школьным сочинением, созданным по образцу, которым пользовались ученики латинской школы в Слагельсе и Хельсингёре, где Андерсен учился с 1822 по 1827 гг. Так или иначе, но строки из его истории 1861 г. «Психея» напрямую отсылают нас к «Сальной свече»: «Во дворе с давних пор лежала мраморная глыба... На ней был разбросан всевозможный мусор, осколки стекла, обрезки овощей. Все это грязнило, пачкало ее снаружи, но внутри мрамор сиял снежною белизной...»

О сальной свече писатель поведал также в своей поздней истории «Свечи» (1870). Примечательно, что в сказке «Ель» (1844) крысы спрашивают у главной героини: «Не знаете ли вы какой-нибудь истории про жир или сальные свечи?»

ЭЛЬФЫ ЛЮНЕБУРГСКОЙ ПУСТОШИ (ALFERNE PAA LYNEBORGHED)

Одна из ранних сказок писателя, опубликованная 19 сентября 1831 г. в составе книги путевых очерков «Теневые картины. Из путешествия по Гарцу и Саксонской Швейцарии».

В «Сказке моей жизни» (1855) Андерсен заметил, что «описание эльфов на Люнебургской пустоши, безусловно, принадлежит к сказочным мотивам». По словам автора, в этом эпизоде кроется зародыш «Русалочки» (1837).

КОРОЛЬ ГОВОРИТ: «ЭТО ЛОЖЬ!» (KONGEN SIGE: „DET ER LØGN!“)

Одна из ранних сказок писателя, опубликованная 19 сентября 1831 г. в составе книги путевых очерков «Теневые картины. Из путешествия по Гарцу и Саксонской Швейцарии».

В «Сказке моей жизни» (1855) Андерсен сообщает: «Первая моя сказка находится в „Путешествии по Гарцу“, в главе „Брауншвейг“, где я иронизирую над драмой “Три дня из жизни игрока”». Упомянутый

автором эпизод также известен среди исследователей как «Детская сказочка» («Et Børne-Eventyr»).

ЗАТОНУВШАЯ ОБИТЕЛЬ (DET SJUNKNE KLOSTER)

Впервые опубликовано в газете «Nyt Repertorium for Moerskablæsning» 19 октября 1831 г. Сказка создана на основе народного предания «Das versunkene Kloster» из сборника немецкого писателя Фридриха Готтшалька «Предания и народные сказки немцев» (1814).

БЕДНАЯ ЖЕНЩИНА И МАЛЕНЬКАЯ КАНАРЕЙКА (DEN FATTIGE KONE OG DEN LILLE CANARIEFUGL)

Впервые опубликовано на английском языке голливудским актером датского происхождения Ж. Херсхольтом (1886–1956) в «Полном собрании сказок и историй Андерсена» (Нью-Йорк, 1949). На датском языке — в 1967 году, в 5-м томе «Сказок и историй Х. К. Андерсена», изданных Эриком Далем и Эрлингом Нильсенем.

Рукопись этой наивной истории датируется 1835 годом на основании содержащихся на ее обороте начальных строк сказки «Принцесса на горошине» (1835). Однако еще в 1831 г. Андерсен включил похожий рассказ под названием «Простая история» во вторую главу сборника путевых очерков «Теневые картины». Приводим его здесь для сравнения:

«Одного бедняка провожали к месту его последнего упокоения: четыре человека на плечах несли гроб, за ними следовала супруга усопшего. Им нелегко было продвигаться вперед – настолько тесной была улочка. Ни единый луч света не проникал сюда, и только когда они вышли на широкую улицу, солнце заиграло на крышке незатейливого гроба. Я слышал историю этих похорон. Она трогательна своею правдивостью.

Здесь, на узкой улочке, высоко под крышей одного из домов, в убогой маленькой каморке лежал мертвый бедняк. Супруга его сидела рядышком и горько плакала: она не знала, как ей, горемычной, быть — ведь хоронить

покойника было не на что. Окно каморки стояло открытым, неожиданно в него влетела канарейка. Она опустилась у изголовья усопшего и принялась петь. Своим чудным пением пташка утешила несчастную женщину, страдальца даже плакать перестала: она решила, что певунья эта ниспослана ей Всевышним. Пташка была послушной и легко далась в руки. Женщина сходила к соседке и показала ей птичку. Соседка тут же вспомнила, что совсем недавно читала в газете объявление об улетевшей от неких людей канарейке.

Это была та самая птичка. И женщина, воротив беглянку в дом ее прежних хозяев, обрела в их лице участие и сострадание, позволившие ей, наконец, предать прах усопшего мужа сырой земле».

КОРОТКИЕ ИСТОРИИ (SMAAHISTORIER)

Все пять историй являются обработкой рассказов неизвестного немецкого автора.

1. Басня-то про тебя сложена! (Det er Dig, Fabelen sigter til!)

Впервые опубликовано 28 октября 1836 г. в газете «Dansk folkebladet». Заголовок является переводом известной латинской фразы «de te fabula narratur», т. е. «басня сказывается о тебе» (Гораций, «Сатиры», I, 1, 68-73). Возможно, для создания истории Андерсен воспользовался одной из басен Ж. Лафонтена (1621–1695).

2. Талисман (Talismanen)

Впервые опубликовано 4 ноября 1836 г. в газете «Dansk folkebladet». По мнению датского исследователя Поуля Хойбю (1903–1986), Андерсен заимствовал сюжет из стихотворной сказки немецкого писателя

А. Ф. Э. Лангбейна (1757–1835) «Рубашка счастливого человека» (1805). Этот чрезвычайно распространенный фольклорный мотив позднее был использован Андерсеном и в истории «Сидень» (1872).

3. Жив еще старый Бог!
(Den gamle Gud lever endnu)

Впервые опубликовано 18 ноября 1836 г. в газете «Dansk folkebladet».

4. Ханс и Грета
(Hans og Grethe)

Впервые опубликовано 23 декабря 1972 г. в газете «Jyllands-Posten».

5. Голубые горы
(De blaae Bjerger)

Впервые опубликовано 23 декабря 1972 г. в газете «Jyllands-Posten». Истории «Ханс и Грета» и «Голубые горы» были созданы в 1836 г. и предназначались автором для № 39 и № 40 газеты «Dansk folkebladet», однако напечатаны в ней не были. Редактор вернул писателю рукопись с отказом.

АЛЬБОМ С КАРТИНКАМИ В ПРОЗЕ
(BILLEDBOG UDEN BILLEDER)

Первое издание книги увидело свет 20 декабря 1839 г. и, подобно многим другим сборникам сказок и историй Андерсена, выходящим к Рождеству, было помечено следующим годом — 1840. На тот момент читателям были представлены лишь 20 вечеров-главок (подробнее об этом см. комментарии к лирическому этюду «На смертном одре»). Второе издание «Альбома с картинками в прозе», состоявшееся в 1845 г., включало в себя уже 31 вечер. Третье же (и последнее) издание 1854 г., напечатанное в 7 томе собрания сочинений Андерсена, автор дополнил еще

двумя вечерами-главками. Итого их стало 33. Некоторые миниатюры «Альбома» первоначально публиковались в альманахах и газетах.

Мотивы для создания «вечеров» были заимствованы писателем из его путевых впечатлений, а персонажи — из его окружения: так, в основу «Пятого вечера» положен рассказ о судьбе маленького парижского оборванца, услышанный Андерсеном в Париже в 1833 г. «Огонь трещит в печке, — писал сказочник в феврале 1836 г., — ко мне приходит моя Муза, рассказывает множество сказок и приводит героев из обыденной, окружающей нас среды. Она говорит мне: „Взгляни на этих людей, ты их знаешь, нарисуй их, они должны жить!“»

В «Сказке моей жизни» (1855) Андерсен сообщает, что «Альбом с картинками в прозе», эта маленькая книжка, из всех его книг, включая даже сказки, «имела наибольший успех и невероятно широкое распространение, если судить по многочисленным откликам и переизданиям ее в Германии. Один из критиков, первым высказавшийся о ней, писал: „Многие из этих картинок представляют материал для рассказов и новелл, а человек с богатой фантазией найдет в них материал даже для романов“». Создатель «Альбома» добавляет: «В Англии было сделано несколько переводов, и английская критика превозносила мою книжку, называя ее „Илиадой в ореховой скорлупе“!»

Однако автор был противником иллюстрирования своего творения. В мемуарах Андерсен сетовал на то, что полученный им из Англии роскошный экземпляр «Альбома с картинками в прозе», как и более позднее немецкое издание, снабдили ненужными, на его взгляд, иллюстрациями.

НА СМЕРТНОМ ОДРЕ (PAA DØDSLEJET)

Сказочная миниатюра озаглавлена переводчиком. Среди литературоведов она известна как «Первый вечер» (Den første Aften), который должен был открывать сборник «Альбом с картинками в прозе» (дат. «Billedbog uden Billeder»), состоявший, согласно первоначальному замыслу Андерсена, из 22 вечеров-главок. Однако и этот эпизод, и лирический этюд о гробницах королей пришлось исключить из книги, увидевшей

свет 20 декабря 1839 г., по причине злободневности сюжета: их могли посчитать намеком на кончину 3 декабря того же года датского короля Фредерика VI (1768–1839). 12 декабря 1839 г. писатель сообщил автору бытовых повестей Хенриетте Ханк (1807–1846): «Две истории из числа лучших пришлось убрать... Поберегу-ка я их для нового тома».

Рассказ о гробницах королей Андерсен поместил уже в следующее издание «Альбома с картинками в прозе», а мотив Смерти, сидящей на груди монарха, позднее использовал в сказке «Соловей» (1843), которая, как известно, заканчивается счастливо: соловей своим пением прогоняет Смерть от постели больного императора.

Текст был впервые опубликован Мортеном Бóрупом (1894–1989) в 1943 г. в 4-м томе «Романов и путевых заметок», изданных «Обществом датского языка и литературы».

Мотив предсмертного прозрения монарха-тирана встречается также в стихотворении Х. Ф. Шубарта (1739–1791) «Усыпальница князей» (1781).

МОИ САПОГИ (MINE STØVLER)

Впервые опубликовано 30 апреля 1842 г. в книге путевых очерков «Базар поэта».

По признанию Андерсена, Италия поразила его необыкновенной гармонией буквально во всем: «... Красота и грязь. И хотя верно говорят, что в мире нет совершенства, воистину здесь совершенно и то и другое».

Подобный приступ зубной боли автор описывает еще в одном произведении — «Дополнении к „Сказке моей жизни“» (1871): он прихватил его, казалось бы, в самый неподходящий момент — вечером 6 ноября 1867 г. во время факельного шествия в Оденсе, которое было устроено в честь присуждения поэту звания почетного гражданина родного города.

В своей переписке Андерсен не раз жалуется на мучившие его зубы (по словам поэта, боли не прекратились даже когда он обзавелся вставными). К этой теме он возвращается и в самой последней написанной им сказке «Тетушка Зубная боль» (1872).

СВИНЬИ (SVINENE)

Впервые опубликовано 19 мая 1851 г. в книге путевых очерков «В Швеции».

В автобиографии «Сказка моей жизни» (1855) Андерсен сообщает, что работал над этим сборником «самым тщательным образом», и в нем ярче, чем в остальных путевых книгах, проявились особенности его дарования: «красочные описания природы, сказочный элемент, юмор и лиризм — насколько последний может вылиться в прозе».

Писатель включил в повествование ряд аллегорических этюдов. Одним из них являются «Свиньи». В этой аллегории — протест против обывательского, потребительского отношения к жизни. Торжество хозяйничающих в лесу свиней — приговор всему светлому и прекрасному в мире. Однако история заканчивается все же на оптимистической ноте. Светлый лучик надежды, словно звездочка, загорается в домике лесника. Он сидит с Библией на коленях и читает внукам о Боге и вечной жизни, и еще он говорит им, что «весна опять наступит, лес опять зазеленеет, розы вновь расцветут, соловьи запоют, и Красота снова взойдет на трон!»

О ЧЕМ ПОВЕДАЛА СТАРАЯ ИВА (HVAD GAMLE PILETRÆET FORTALTE)

Впервые опубликовано на русском языке в № 4 журнала «Новая Юность» за 2016 г. под названием «О чем поведала старая ива». Перевод был выполнен Д. Кобозевым по черновой рукописи автора, хранящейся в Королевской библиотеке в Копенгагене (Den Collinske Manuskriptsamling 36,4^o V:18; 2 bl., s. 1–4). Произведение озаглавлено переводчиком, поскольку в тексте рукописи заголовок отсутствует. Текст на датском языке, лаконично озаглавленный как «Piletræet», увидел свет в ежегоднике «Anderseniana» за 2020 г.

История создана предположительно до октября 1852 г. (но не ранее 1847 г.), после чего первоначальный замысел распался, и из него возни-

кло три произведения: «Всему свое место!» (1853), «Ветер рассказывает о Вальдемаре До и его дочерях» (1859) и «О чем рассказывала старая Йоханна» (1872).

25 июля 1838 г. Андерсен впервые посетил усадьбу Глоруп на острове Фюн по приглашению ее хозяина графа Г. Мольтке-Витфельда (1764–1851). С этого времени писатель на протяжении многих лет был частым гостем в усадьбе. 15 мая 1847 г., находясь в Глорупе, он пометил в своем дневнике: «Вчера я видел аиста, который стоял в гнезде с распростертыми крыльями...». В своей записной книжке Андерсен сообщает об этом подробнее: «В окрестностях Глорупа есть полуразвалившаяся крестьянская лачуга, в которой никто не живет, поскольку для житья она непригодна; однако старый граф не позволяет сносить постройку: аист свил себе на ее крыше гнездо и каждый год прилетает в него. Благодаря аисту, лачуга будет стоять до тех пор, пока вконец не развалится».

Еще в 1843 г. автор признавался в одном из писем: «Иногда мне кажется, будто каждый забор, каждый маленький цветок говорит: «Взгляни на меня, и тебе откроется история всей моей жизни!» И стоит мне так сделать, как у меня готов рассказ о любом из них!» Столетнюю иву писатель мог видеть в соседней усадьбе Люккесхольм, в которой также неоднократно бывал. Образ ивы, почтенного, мудрого «Ивового Батюшки», фигурирует в таких произведениях Андерсена, как «Гречиха» (1842), «Две баронессы» (1848), «Под ивою» (1853).

КАРТОШКА (KARTOFLERNE)

Впервые опубликовано Хельге Топсё-Йенсенем (1896–1976) в ежегоднике «Anderseniana» за 1953 г.

История создана в начале 1855 г. В послании к Хенриетте Вульф¹ от 16 февраля 1855 г. Андерсен сообщает: «Накануне вечером я впервые

¹ Подробней об этой светлой женской личности, которая имела на Андерсена самое благотворное и сильное влияние рассказано в комментариях к истории «О чем поют волны морские» (1869).

за последнее время испытал потребность и желание доверить бумаге кое-что еще, крохотную историйку „Картошка“. Это, конечно, не статья для какого-нибудь сельского экономического вестника, но уже вполне сложившаяся у меня в голове история, и когда я закончу это письмо, непременно примусь за ее написание. Скоро вы ее прочтете, если только результат понравится мне самому».

По всей видимости, автор предполагал напечатать «Картошку» в альманахе «Folkekalender for Danmark», где был опубликован ряд его произведений.

На протяжении 1850–1860 гг. Андерсен неоднократно возвращался к теме проникновения картофеля в Европу (в 1868 году он создал еще один вариант «Картошки»), однако при жизни писателя была опубликована лишь история «Что можно придумать» (1869), в которой картофелина рассказывает об испытаниях, выпавших на долю ее предков.

Образ бедной девочки, радующейся горячему картофелю (возможно, навеянный детскими воспоминаниями), был использован Андерсеном в сказке «Свечи» (1870), а картофельное поле у дорожной заставы описано автором в истории «Что муженек ни сделает, все хорошо» (1861).

О «картофельном» букете Амалии Ольденбургской писатель упоминает в главе «Королевский двор в Афинах» сборника путевых очерков «Базар поэта» (1842): «Мне рассказывали, что все улицы были усыпаны розами по случаю приезда королевы, и что букет ее должны были составлять диковинные, а следовательно, более красивые цветы. Картофель совсем недавно ввезли в Грецию и ввели в обиход. Греки сочли цветущую картофельную ботву редчайшим и прелестнейшим цветком. Потому-то они и преподнесли прибывшей из Ольденбурга королеве букет из цветов картофеля!»

В рукописном архиве Андерсена сохранился еще один набросок истории про картошку, датируемый 1855 г. Он также был впервые опубликован в ежегоднике «Anderseniana» за 1953 г. Приводим его здесь для сравнения:

«— Хорошее рано или поздно непременно достигает почета и уважения! — говаривала бабушка. — Ну, вот взять хотя бы картошку: она бы много чего поведала, если б умела!

Действительно, были времена, когда картошку ни во что не ставили. Священники с церковных кафедр безуспешно пытались убедить народ в том, что картошка дана всем на пользу и радость, — никто в это не верил. Сами короли раздавали людям клубни картофеля, чтобы те сажали их в землю. Ну, и что с того, разве кто сажал? Вспомним, к примеру, великого прусского короля, которого прозвали Старый Фриц¹. Славный был малый! И он тоже пытался ввести картошку в обиход, а одному из городов своего королевства даже пожаловал целый воз картофеля, повелел бить в барабаны, чтобы созвать всех горожан на площадь, где бургомистр самолично представил народу новый плод, рассказал, как его надобно сажать, растить и готовить в пищу. Толку из этого не вышло: горожане пропустили его речь мимо ушей и стали пробовать на вкус сырую картошку. «До чего ж гадкая!» — возмутились они и побросали клубни в сточную канаву, ведь даже собаки к ним не притронулись!

Но нашлись и такие, кто решил попытать счастья — одни рассаживали картофелины там и сям по полю и ждали, что из них вырастут целые деревья, с которых можно будет отряхивать плоды. Другие сбросили зараз всю меру картофеля в глубокую яму, где клубни слиплись в ком, а затем проросли.

Так что на следующий год королю пришлось все начать сначала, и немало времени прошло, пока люди — не сразу, постепенно — поняли, наконец, что им нужно делать с картошкой.

— Вот через какие испытания и мытарства пришлось пройти этому лучшему из плодов, дарованных людям! — говорила бабушка. — Ну, теперь-то картошка надежно укрепилась в своих правах. Нынче-то все ее признали. Да, хорошее рано или поздно непременно достигает почета и уважения!

И позднее, когда случилось мне видеть, что мир, казалось, незаслуженно чем-либо пренебрегает, всякий раз вспоминал я картошку и бабушкины слова».

¹ См. примечания к истории «Картошка».

ЯБЛОКО (ÆVLET)

Впервые опубликовано во втором томе «Переписки Х. К. Андерсена с Хенриеттой Вульф», изданной Х. Топсё-Йенсеном в 1959–1960 гг.

История написана во время пребывания Андерсена в Баснесе в конце сентября — первой половине октября 1857 г. и отправлена как приложение к письму от 12 октября 1857 г., адресованному Хенриетте Вульф. В письме автор, ранее сетовавший на свои невзгоды, сообщал: «Я сочинил небольшую сказочку; должно быть, ее высшее предназначение состояло в том, чтобы я, наконец, обрел душевное равновесие. Это история о яблоне в деревце. Видите, без плохого не было б хорошего!» 14 октября Андерсен пометил в дневнике: «Написал историю „Яблоко“».

Хотя произведение и выполнило свое «высшее предназначение», вернув автору хорошее расположение духа, он на время отложил его, а позже извлек из своего архива, чтобы использовать в ином контексте при написании «Ночного колпака старого холостяка» (1858).

Сюжет, повествующий о легендарных обстоятельствах открытия Ньютоном Закона всемирного тяготения, встречается также в поздней истории писателя «И в щепке порой скрывается счастье» (1869).

УРБАН (URBANUS)

Впервые опубликовано на английском языке голливудским актером датского происхождения Ж. Херсхольтом в «Полном собрании сказок и историй Андерсена» (Нью-Йорк, 1949). В комментарии, предварявшем данную публикацию, переводчик сообщал: «По окончании работы над переводами 165 сказок и историй Х. К. Андерсена в мае 1948 г., я совершил небольшое путешествие в родную Данию. Будучи в Копенгагене, я посетил Королевскую библиотеку, а именно — хранящуюся в ней прекрасную коллекцию андерсеновских рукописей, писем, воспоминаний. Под руководством главного библиотекаря, г-на Хельге Топсё-Йенсена, признанного андерсеноведа наших дней, я провел здесь несколько интересных часов.

К моему удивлению, я узнал от г-на Топсё-Йенсена, что в коллекции хранятся три истории, которые до сих пор не были опубликованы даже на датском языке. Мне посчастливилось получить их копии. И вот теперь „Чего только ни говорят!“, „Урбан“ и „Бедная женщина и маленькая канарейка“ предлагаются вашему вниманию в переводах, выполненных мною».

На датском языке «Урбан» появился в печати в 1967 г., в 5-м томе «Сказок и историй Х. К. Андерсена».

История создана предположительно до апреля 1858 г., после чего мотив ее был использован в сказке «Дочь болотного короля» (вышла в мае 1858 г.). История Урбана — обработка одной из притч Талмуда о монахе, заслушавшемся пения птиц и обнаружившем по возвращении в монастырь, что прошло много сотен лет. Притча также была использована другом Андерсена Г. У. Лонгфелло (1807–1882) в книге «Золотая легенда» (1851) и пересказана крупным датским поэтом Ф. Палудан-Мюллером (1809–1876) в драматической поэме «Тифон» (1844).

БУКВАРЬ (ABC-BOGEN)

Впервые опубликовано 2 марта 1858 года в первом выпуске первого цикла «Новых сказок и историй».

В «Примечаниях к сказкам и историям» (1868) автор заметил, что «Букварь» появился на свет «благодаря известному душевному настроению». Вместе с тем, у Андерсена был сатирический образец для подражания: «Новый „Букварь“ для юного Грундтвига» (1817) датского поэта и драматурга, литературного и театрального критика Й. Л. Хейберга (1791–1860).

Сказка создана предположительно в январе 1858 г. Письмо Хенриетты Вульф от 22 января свидетельствует о том, что в этот день Андерсен, прочитав ей недавно сочиненные им истории «Кое-что» и «Ночной колпак старого холостяка», завел речь о буквах: «Поодиночке они ничего не значат, — утверждал он, — а вот оказавшись выстроенными в ряд — как Всевышний рассудил, — могут выразить все, о чем мы думаем, и чего желаем, заставив нас с трепетом преклониться, ибо для нас это неподъ-

емная тяжесть; буквы же стойко, не дрогнув, несут ее». Приятельница Андерсена с ним не согласилась, поскольку считала, что Господь создал буквы лишь для того, чтобы ими можно было записать слова откровения, и что «только самое могучее берет начало из слов Божьих!». Приняв к сведению замечание Хенриетты Вульф, Андерсен изменил свое первоначальное высказывание и использовал его в «Букваре».

Мотив «оживших» книг встречается у писателя уже в раннем стихотворении «Жуткий час» (1826), где рассказывается, как в полночь книги Университетской библиотеки при Троицкой церкви спрыгивают со своих полок и танцуют друг с другом во время устроенного ими праздника.

В 1894–1895 гг. в России вышло собрание сочинений Х. К. Андерсена, подготовленное супругами А. и П. Ганзен. В обращении к читателям они, между прочим, сообщали: «Из 156 сказок и историй Андерсена не войдут в настоящее собрание лишь „Азбука“ („Букварь“, прим. Д. К.), изложенная в стихах, и вследствие несоответствия датского и русского алфавитов не поддающаяся переводу, и „Спроси тетку с Амáгера!“ (в переводе Д. К. — „Спроси огородницу сам!“) — небольшой рифмованный рассказ-шутка, неизвестно почему помещенный автором в собрании сказок; вещь эта по своему чисто национальному колориту также не поддается переводу, да и не имеет для русского читателя никакого интереса».

После этого заявления, вплоть до публикаций Д. Кобозева не предпринималось никаких попыток перевести вышеупомянутые сказки на русский язык.

БЕССМЕРТИЕ (UDØDELIGHED)

Впервые опубликовано на русском языке в № 4 журнала «Новая Юность» за 2016 г. под названием «Бессмертие». Перевод был выполнен Д. Кобозевым по черновой рукописи автора, хранящейся в Королевской библиотеке в Копенгагене (Den Collinske Manuskriptsamling 41,4^o I; 1 bl., 3 sider).

История создана в период между июнем 1857 — январем 1861 года, когда некоторые ее мотивы были использованы автором в «Музе нового

века». На страницах дневника Андерсена сохранилась запись от 19 июня 1857 года, повествующая о поездке писателя из Гэдсхилла в Струд во время его пребывания в гостях у Чарльза Диккенса (1812–1870): «по дороге мне повстречались имена, выцарапанные на земляном откосе. Бессмертие... тебя не дано познать смертным!» В письме Хенриетте Вульф от 5 июля 1857 г. Андерсен заявлял о своем недовольстве английской критикой, неблагоприятно отнесшейся к его недавно вышедшему роману «Быть или не быть» (май 1857 г.): «Диккенс попросил меня больше не читать критики. „Через восемь дней она забыта, а ваша книга живет!“ — Мы шли к Гэдсхиллу, его загородному дому. Мой спутник начертил носком башмака линию на песке: „Это — критика! — сказал он и стер ее той же ногой. — Где она? А то, что дал вам Господь, останется!“».

О своем недоверии к вечной жизни и славе Андерсен упоминает в сборниках путевых очерков «Теневые картины» (1831) и «В Швеции» (1851), а также в «Альбоме с картинками в прозе» (1839). Однако в автобиографичной «Сказке моей жизни» (1855) автор напротив сообщает читателям о том, как произошло его укрепление в вере: «Как-то на Рождество я гостил в Брегентведе; погода стояла мягкая, на широких каменных плитах, устилающих землю у обелиска в саду, лежал тонкий слой снега. В рассеянности я начертил тростью на одной из плит:

Бессмертие — тот же снежок,
Что завтра растает, дружок!¹

Я ушел; наутро сделалась оттепель, а потом опять подморозило. Когда спустя некоторое время я вновь наведалься к обелиску, то увидел, что снег там почти полностью растаял, кроме небольшого клочка, на котором осталось слово «бессмертие»! Такая игра случая меня сильно поразила, и я невольно помыслил: „Господи Боже мой! Я и не сомневался!“»

Эпизод с именами, выцарапанными на глинистом откосе, где устраивают свои гнезда земляные ласточки, в обработанной форме вошел в историю «Золотой мальчик» (1865). Мелочный торговец, завертывающий бакалею в страницы из книг и даже рукописи, встречается в сказке «Домовой у ла-

¹ Перевод А. и П. Ганзен.

вочника» (1853). Возможно, уже в «Бессмертии» заложены зерна «Тетушки» (1866) — произведения о «театральной маньячке» — и одной из последних историй Андерсена «Тетушка Зубная боль» (1872).

Если допустить, что автор ссылается на флюгерного петуха из своей сказки «Дворовый петух и флюгерный» (1859), то предполагаемая дата написания «Бессмертия» ограничится 1859—1861 гг.

ЧЕГО ТОЛЬКО НИ ГОВОРЯТ! (HVAD MAN FORTÆLLER)

Впервые опубликовано на английском языке в «Полном собрании сказок и историй Андерсена» (Нью-Йорк, 1949). На датском языке — в 1967 г., в 5-м томе «Сказок и историй Х. К. Андерсена».

Согласно дневниковой записи автора, история создана 22 октября 1860 г. в Дрездене. Данный материал был впоследствии переработан и использован Андерсеном при написании «Музы нового века» (мотив божественных откровений, 1861 г.), «Птицы народных песен» (эпизод со скальдом и неприкаянным призраком, 1864 г.), «Книжки крестного» (мотив коня-мертвяка с газетных столбцов, 1868 г.) и «Тетушки Зубной боли» (сон о фальшивых зубах, 1872 г.). Часть оригинальной рукописи автора оказалась утраченной, и точный перевод с датского подлинника пестрел бы пропусками. По этой причине здесь приведена вполне художественная и целостная обработка Д. Кобозева, не утратившая ни единой подробности андерсеновского текста.

УХОВЕРТКИ (ØRENTVISTER)

Впервые опубликовано на русском языке в № 4 журнала «Новая Юность» за 2016 г. под названием «Уховертки». Перевод был выполнен Д. Кобозевым по черновой рукописи автора, хранящейся в Королевской библиотеке в Копенгагене (Den Collinske Manuskriptsamling 36,4^o V:24; 1 bl., s. 1).

В списке «Сказок, которые можно было бы написать» (рукопись из архива Андерсена, датируемая апрелем-маем 1859 г.) имеется заголовок «Уховертки». На основании этого, предлагаемый набросок истории мог быть создан около 1860 г., после чего автор использовал его для сказки «Навозный жук» (1861).

В записной книжке Андерсена сохранился следующий диалог:

«— Наш сын объявил о помолвке. Он ничегошеньки не делает и не имеет за душой ни гроша, однако помолвка уберезет его от присущих молодежи сумасбродств и заставит взяться за ум. Этому можно порадоваться!

— А наш, — говорят другие родители о своем чаде, — еще молод, ему нужно перебеситься. Так будет надежней, чем объявлять о помолвке в его лета, не имея средств, — ни то, ни другое не сулит добра! Пусть пока порадуется холостяцкой жизни!»

ХМЕЛЕВОЙ ШЕСТ (EN HUMLESTANG)

Впервые опубликовано на русском языке в № 4 журнала «Новая Юность» за 2016 г. под названием «Хмелевой шест». Перевод был выполнен Д. Кобозевым по черновой рукописи автора, хранящейся в Королевской библиотеке в Копенгагене (Den Collinske Manuskriptsamling 36,4^o V:13; 3 bl., s. 1–6).

Произведение было создано в сентябре 1864 года. В дневнике Андерсена сохранилась запись от 29 сентября 1864 г.: «Нынче я чувствовал себя довольно хорошо и начал писать историю „Хмелевой шест“, однако, ознакомившись со сведениями о пасторе Хансе Мадсене¹ и узнав, что помогал он противникам Кристиана II, я отказался от этой затеи». По всей видимости, автору симпатизировала личность упомянутого монарха. Писатель рассказывает о нем в историях «Тернистый путь славы» (1856) и «Книжка крестного» (1868), а в начале 1830-х гг. он даже собирался

¹ Скорее всего, писатель воспользовался для этого первым томом «Собрания сведений по истории и топографии Фюна», увидевшим свет в 1861 г.

написать роман о временах правления Кристиана II, но замысел так и остался неосуществленным, хотя позже и вылился в создание одноактной драмы «Грезы короля» (1844).

В «Хмелевом шесте», в форме «упражнения на смекалку» — приема, позже использованного в «Нашем старом школьном учителе» (1868), — Андерсен обращается к одному из центральных событий датской истории — так называемой «Графской распре» 1534–1536 гг. В известной степени ее спровоцировал государственный совет (ригсрод), который слишком долго не мог определиться с выбором преемника Фредерика I (1471–1533), хотя очевидным кандидатом являлся его сын, герцог Кристиан. Тем временем в стране началось бюргерское движение за возвращение на трон низложенного в 1523 г. в результате аристократического заговора Кристиана II (1481–1559). Во главе движения встали бургомистры главных датских городов — Копенгагена и Мальмё. Горожан поддержало ютландское крестьянство. Копенгаген и Мальмё договорились с ганзейским Любеком о финансовой поддержке реставрации Кристиана II. На стороне короля выступила часть дворянства во главе с графами Йоганном фон Гойа (ум. 1535) и Кристофером Ольденбургским (1504–1566), роль которых отразилась в названии этой, по сути дела, гражданской войны. В июне 1534 г. наемники, набранные на любекские деньги и на любекских же кораблях прибыли в Данию. Возглавлял их Кристофер Ольденбургский, имевший статус наместника Кристиана II. Они заняли Зеландию, Фюн и Сконе. В этой ситуации ригсрод вынужден был поторопиться с избранием нового короля. Сын Фредерика I вззошел на трон под именем Кристиана III (1503–1559) и обратился за помощью к шведскому королю Густаву I Васа (1496–1560). В январе 1535 г. шведы нанесли сторонникам Кристиана II поражение при Хельсингборге, а в июне 1535 г. датские королевские войска под командованием Йохана Рантцау (1492–1565) одержали победу при Экснебьерге (на острове Фюн). В 1536 г. сложили оружие осажденные Копенгаген и Мальмё.

Ханс Мадсен (ум. 1562) был датским священником из Сваннинге и сторонником короля Кристиана III. Весной 1535 г. его схватили любекские наемники, отправили в Оденсе и подвергли пыткам, поскольку Мадсен не признавался, куда спрятал драгоценности, вверенные ему Якобом Харденбергом (ум. 1542), владельцем Сандхольта. Убедившись в бесплодности

своих действий, палачи заперли священника в огромный шкаф в усадьбе пробста в Оденсе. Сидя в нем, Мадсен подслушал важный разговор главарей любекцев, касающийся плана предстоящей кампании. Пленнику пришлось последовать за отступающими войсками неприятеля: его привязали к лошади, и он босиком тащился за ней. Однажды ночью ему удалось совершить побег и уплыть на Хорнеланн¹, откуда он, после многих опасностей и лишений, добрался до датского лагеря под Ассенсом². Здесь он встретил Якоба Харденберга, отведшего его к главнокомандующему Йохану Рантцау, которому Мадсен передал подслушанный им разговор. Полководец воспользовался полученными сведениями, и это помогло одержать решающую победу в битве при Экснебьерге 11 июня 1535 г. В 1536 г. за стойкость и мужество Кристиан III, вдобавок к Сваннинге, пожаловал Хансу Мадсену соседний приход Хорне, — их пастором он оставался до конца своих дней.

Этот же сюжет еще раньше вдохновил выдающегося датского скульптора, друга Андерсена — Бертеля Торвальдсена (1770–1844), работавшего в строгой манере классицизма, и в 1841 г. он создал великолепный гипсовый барельеф «Ханс Мадсен и Йохан Рантцау», хранящийся в Музее Торвальдсена в Копенгагене. Возможно, знакомство с бронзовым вариантом барельефа, отлитым в 1843 г. Йоргеном Дальхоффом (1800–1890) для церкви в Сваннинге, навело Андерсена на мысль написать историю о Хансе Мадсене.

РАССУЖДЕНИЯ АИСТА (STORKENS TANKER)

Впервые опубликовано на русском языке в № 4 журнала «Новая Юность» за 2016 г. под названием «Рассуждения аиста». Перевод был выполнен Д. Кобозевым по черновой рукописи автора, хранящейся в Королевской библиотеке в Копенгагене (Den Collinske Manuskriptsamling 36,4^o V:2; 1 bl., s. 1–2). Произведение создано в середине 1860-х гг. (предположительно, до июня 1866 г.), после чего автор использовал некото-

¹ *Хорнеланн* — полуостров, расположенный к западу от Фоборга.

² *Ассенс* — старинный город на юго-западном берегу острова Фюн.

рые из «рассуждений аиста» при написании историй «Осел в топчаке» (1866), «Жаба» (1866) и «Письмо аиста из Суэца перед открытием канала» (1869).

ОСЕЛ В ТОПЧАКЕ (ÆSELET I TRÆDEMØLLEN)

Впервые опубликовано Поулем Хойбю в ежегоднике «Anderseniana» за 1973 г.

История создана в июне 1866 г. во время пребывания писателя в Португалии, где он гостил у братьев Хорхе и Хосе О'Нил, воспитывавшихся в течение четырех лет в доме адмирала Вульфа в Копенгагене. В дневнике Андерсена сохранилась запись от 16 июня 1866 года: «Увидев топчущегося в колесе осла с завязанными глазами, окруженного дивной природой, я сочинил об этом сказку».

Многие подробности, особенно касающиеся впечатлений о природе, были использованы автором в сборнике путевых очерков «Посещение Португалии в 1866 году» (1868).

Мысль о том, что язык каждого вида животных всюду одинаков, писатель выражает также в историях «Рассуждения аиста» (середина 1860-х гг.) и «Жаба» (1866). Возможно, португальский осел, который не прочь полакомиться чертополохом, явился прообразом осла из истории «Судьба репейника» (1869).

НАШ СТАРЫЙ ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ (VOR GAMLE SKOLEMESTER)

Впервые опубликовано в 5-м томе «Сказок и историй Х. К. Андерсена» (Копенгаген, 1967). Произведение создано в июле 1868 г. и первоначально называлось «Новый Самсон». В дневнике Андерсена сохранилась запись от 25 июля 1868 г.: «Вечером у меня возник замысел истории о новом Самсоне». Впоследствии этот материал в обработанной форме вошел в историю «Комета» (1869).

КАРТОШКА
(1868)
(KARTOFLERNE)

Впервые опубликовано П. Хойбю в ежегоднике «Anderseniana» за 1973 г.

Текст сказки содержится на оборотной стороне одного из черновиков истории «Наш старый школьный учитель», датируемой, согласно дневнику Андерсена, июлем 1868 г. В какой-то мере сказка интересней одноименной истории 1855 г. По всей видимости, именно этот вариант автор использовал при работе над историей «Что можно придумать» (1869).

ЗЕЛЕННЫЕ ОСТРОВА
(DE GRØNNE ØER)

Впервые опубликовано на русском языке в № 4 журнала «Новая Юность» за 2016 г. под названием «Зеленые острова». Перевод был выполнен Д. Кобозевым по черновой рукописи автора, хранящейся в Королевской библиотеке в Копенгагене (Den Collinske Manuskriptsamling 36,4^o V: 19; 1 bl., s. 1–2).

Набросок создан предположительно в период между 1861 годом, когда в истории «Старый церковный колокол» для «Шиллеровского альбома» Андерсен упоминает датские «зеленые острова, где шумят буковые леса» и годом 1868, когда увидела свет сказка «Дриада», в которой автор, как и в начале публикуемого наброска, рассуждает о том, что «возвращаясь домой с бала, мы еще ясно слышим в полудремоте звуки балльных мелодий; они как бы запечатлелись в нашем ухе».

Судя по всему, «Зеленые острова» задумывались как вступление к некоему крупному произведению: сказке или истории, а может быть даже путевому очерку. В этой необыкновенно поэтичной зарисовке Андерсен раскрывает свое отношение к родине, к воспоминаниям о ней на чужбине. Автор рисует виньетку, которая, возможно, стала бы своеобразной эмблемой Дании и привлекла к ней внимание иностранцев. Но замысел писателя так и остался неосуществленным. Ни в дневниках Андерсена,

ни в его письмах не сохранилось какого-либо упоминания об этом литературном начинании.

«Гравюры на дереве» К. Винтера упоминаются автором в сказке «Двенадцать из почтовой кареты» (1861): «В ридикюле у нее лежали „Гравюры на дереве“ Кристиана Винтера, — они поспорят свежестью с буквым лесом».

В письмах и путевых очерках Андерсена неоднократно встречаются строки, свидетельствующие о его восхищении дагерротипами.

ВЕЛЬМОЖНЫЕ КАРТЫ (HERREBLADENE)

Впервые опубликовано в американском журнале «The Riverside Magazine for Young People» в январе 1869 г. под названием «The Court Cards». Это была первая из сказок, написанных Андерсеном специально для этого журнала¹. На датском языке появилась в сборнике «Julebogen» в 1909 г. В газете же «Berlingske Tidende» это произведение было опубликовано в 1925 г. под названием, указанным автором в рукописи: «Король, дама и валет».

Писатель сочинил сказку в Альтоне, находясь в гостях у банкира Джона Варбурга, о чем свидетельствуют дневниковые записи от 25 и 26 июня 1868 г., а также письмо Андерсена Доротее Мельхиор от 27 июня того же года: «Позавчера ко мне явилась с кратким визитом моя Муза и поведала о „Вельможных картах“. Это настоящая детская сказка, и главного ее героя я назвал в честь моего маленького друга Вильяма (См. вступительную статью «... Твой друг Х. К. Андерсен», *прим. Д. К.*)». 30 июля 1868 г. рукопись сказки была отправлена американскому издателю.

¹ По договору, заключенному с Горацием Скуддером (1838–1902), редактором журнала «The Riverside Magazine for Young People», Андерсен в период с 1868 по 1870 гг. предоставил для публикации в этом журнале несколько новых сказок и историй, за каждую из которых ему платили десять английских фунтов. При этом ни одна из них не должна была публиковаться где-либо еще до истечения срока в четыре месяца после ее выхода в США.

В «Вельможных картах» Андерсен проводит аналогию с периодизацией человеческой истории, описанной древнеримским поэтом Овидием (43 г. до н. э. – 17 или 18 г. н. э.) в начале его поэмы «Метаморфозы» (ок. 2–8 гг. н. э.), где говорится о том, что вслед за сотворением мира последовательно сменились четыре века. Древнейшим был Золотой век — время невинности и счастья, когда люди не ведали раздоров и несправедливости, не существовало нужды в земледелии, поскольку земля сама в изобилии производила все необходимое, а климат был неизменно мягким. Следом наступил Серебряный век, не столь счастливый, как предыдущий: людям приходилось трудиться и строить жилища, чтобы найти защиту от зноя и холода. В Бронзовом веке люди начали истреблять друг друга. Четвертым и последним был Железный век — время ненависти и злодеяний, бесконечных войн. Далее случился всемирный потоп, уничтоживший человечество, впоследствии возрожденное сыном Прометея Девкалионом и его супругой Пиррой.

Малыш Вильям, неразумный хозяин бумажного замка, являет собой созидающую и разрушающую мир силу, которую древнегреческий философ Гераклит Эфесский (ок. 544–483 гг. до н. э.) сравнил с ребенком, сидящим на берегу и играющим миром, как камешками, складывающим и вновь разрушающим кучи песка (см. Гераклит, фр. 52 DK: «Век — дитя играющее, кости бросающее, дитя на престоле»).

Несмотря на то, что Андерсен считал «Вельможные карты» всего лишь детской сказкой, произведение это доставило ему немало огорчений из-за критики со стороны современников. Уже 5 января 1869 г., то есть на следующий день после того, как он получил номер журнала с публикацией, Андерсен записывает в дневнике: «Сегодня мне сказали, что Хёдт¹ счел сказку „Вельможные карты“ республиканской и уличил меня в отсутствии лояльности. Мне стало досадно оттого, что невинной детской сказке придали такое значение!» Запись от 17 марта: «Грандиозный обед у Мельдаля²... он спросил про сказку «Вельможные карты», о которой слышал, будто она чересчур республиканская: ему-де стало

¹ *Хёдт Ф. Л.* (1820–1885) — датский актер и театральный критик.

² *Мельдаль Ф.* (1827–1908) — датский архитектор, в 1860–1902 гг. королевский инспектор по строительству.

известно, что в ней гибнут в пламени короли. Видимо, Хёдт приложил к этому свою руку». Наконец, 28 марта 1870 г., получив из Нью-Йорка 10 экземпляров нового американского издания своих сказок, Андерсен помечает в дневнике: «Сборник открывают „Карты“, в которых Хёдт разглядел то, чего мне и в голову не приходило, — вот меня нынче и лихорадит, да и настроение скверное».

Именно цензурные соображения, по всей вероятности, и вынудили робкого по натуре Андерсена отказаться от публикации «Вельможных карт» на датском языке.

«КВАКАНЬЕ» (QVÆK)

Впервые опубликовано 4 апреля 1926 г. в газете «Berlingske Tidende».

Сказка, являющаяся сатирой на буржуазные газеты и критиков, была создана в феврале 1869 г. В дневнике Андерсена сохранилась запись от 6 февраля 1869 г.: «Дослушав второе действие „Волшебной флейты“¹, я вернулся домой и поработал над моим жизнеописанием и сказкой „Кваканье“».

ПИСАРЬ (SKRIVEREN)

Впервые опубликовано 4 апреля 1926 г. в газете «Berlingske Tidende».

Произведение озаглавлено редактором Юлиусом Клаузенем (1868–1951), поскольку в тексте рукописи заголовок отсутствует. Точная дата написания не установлена (предположительно, около 1869 года).

Сюжет о человеке, желающем как можно скорее начать зарабатывать бумагомарательством и выбравшем для этого поприще критика, который «засаживает поэтов в бочку и колотит по ней», был использован Андерсеном в сказке «Что можно придумать» (1869).

¹ «Волшебная флейта» — опера-зингшпиль В. А. Моцарта (1756–1791) в двух действиях; премьера состоялась 30 сентября 1791 г.

ИВЕДЕ-АВЕДЕ! (IVEDE-AVEDE!)

Впервые опубликовано на русском языке в № 4 журнала «Новая Юность» за 2016 г. под названием «Иведе-Аведе!». Перевод был выполнен Д. Кобозевым по черновой рукописи автора, хранящейся в Королевской библиотеке в Копенгагене (Den Collinske Manuskriptsamling 36,4^o V:15; 1 bl., s. 1–2).

История про Иведе-Аведе упоминается Андерсеном в сказке «Ель». На этом основании можно было бы датировать рукопись 1844 годом. Однако стиль наброска и затронутая в нем тема позволяют отнести его ко второй половине 1860-х гг., когда были созданы «Кваканье» (1869), «Писарь» (ок. 1869) и «Что можно придумать» (1869).

Автор воспользовался прибауткой из детских стишков, известных в Дании: «Иведе-аведе, киведе-каведе, оут де воут де бюбело; бюбело и рангио, кэллеморс и дангио! Нынче пьян наш старичок, ну, а вот и дурачок!» По замыслу писателя, Иведе и Аведе — это две аллегорические фигуры, две противоположности. Одна — собирательный образ «власть имущих», «хозяев мира», другая же олицетворяет собой людей «второго сорта», «кухонную тряпку для огромного мирового котла».

Мотив человека, возмнившего себя «маленьким Господом Богом», встречается также в истории «Писарь».

ПИСЬМО АИСТА ИЗ СУЭЦА ПЕРЕД ОТКРЫТИЕМ КАНАЛА (ET STORKEBREV FRA SUEZ FØR KANALENS AABNING)

Впервые опубликовано на русском языке в № 4 журнала «Новая Юность» за 2016 г. под названием «Письмо аиста из Суэца перед открытием канала». Перевод был выполнен Д. Кобозевым по черновым рукописям автора, хранящимся в Королевской библиотеке в Копенгагене (Den Collinske Manuskriptsamling 36,4^o V:6; 1 bl., s. 1–2 og V:5; 1 bl., s. 2). Текст на датском языке увидел свет в ежегоднике «Anderseniana» за 2017 г.

Произведение было создано в ноябре 1869 года. В дневнике Андерсена сохранилась запись от 6 ноября 1869 г.: «Вернувшись домой, я приступил

к работе над двумя сказками. Одна из них о телеграфном кабеле — „Из Европы в Африку“, другая же — „Письмо аиста из Суэца“, где в этом месяце предстоит открытие канала». Андерсен, писавший эти строки в Зальцбурге, покинул Данию 26 сентября 1869 г., а вернулся на родину 7 марта 1870 г.

Мысль о том, что аисты по праву могут считать себя датчанами, встречается также в «Рассуждениях аиста» (середина 1860-х гг.).

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЮТ ЧАСЫ (HVAD UHRET FORTÆLLER)

Впервые опубликовано на русском языке в № 4 журнала «Новая Юность» за 2016 г. под названием «О чем рассказывают часы». Перевод был выполнен Д. Кобозевым по черновой рукописи автора, хранящейся в Королевской библиотеке в Копенгагене (Den Collinske Manuskriptsamling 36,4^o V:5; 1 bl., s. 1). Текст на датском языке увидел свет в ежегоднике «Anderseniana» за 2017 г.

Оборотная сторона рукописи содержит окончание текста «Письма аиста из Суэца перед открытием канала». На этом основании набросок «О чем рассказывают часы» можно датировать ноябрем 1869 г. По всей видимости, Андерсен развил этот сюжет в истории «Прадедушка» (1870), где в споре прадедушки и Фредерика о старых и новых временах поведал про часы:

«Однажды Фредерик рассказал прадедушке подлинную историю, случившуюся в наши дни в маленьком городке. Часы бургомистра, огромные часы на ратушной башне, устанавливали время для города и его населения. Часы шли не совсем верно, однако весь город сообразовался с ними. Но вот в стране проложили железную дорогу, и она оказалась связанной с железнодорожной сетью других стран, тут уж понадобилось знать время точно, иначе поезда столкнутся. На вокзале установили свои солнечные часы, они были верными, в отличие от бургомистровых, и отныне все жители города стали следовать железнодорожным часам».

Прадедушка возразил Фредерику: «Твоя история о часах поучительна. Она наводит меня на мысль о других, старых, простых, борнхольмских часах со свинцовыми гирями, принадлежавших моим родителям; они слу-

жили хронометром их жизни и моего детства. Быть может, шли те часы не совсем верно, но все-таки шли, а мы смотрели на стрелки, верили им и не заботились о колесиках внутри. Подобным образом было и с государственным аппаратом: люди спокойно взирали на него и верили стрелкам. Теперь же государственный аппарат стал часами из стекла, его механизм, как на ладони: видишь вращающиеся и жужжащие колесики, волнуешься за каждый зубчик, за каждое колесико! „Как-то обстоит дело с часовым боем?“ — тревожусь я, и прежнего детского доверия больше нет. В этом уязвимость нашего времени!»

О ЧЕМ ПОЮТ ВОЛНЫ МОРСКИЕ (HVAD HAVET FORTÆLLER)

Впервые опубликовано на русском языке в № 4 журнала «Новая Юность» за 2016 г. под названием «О чем поют волны морские». Перевод был выполнен Д. Кобозевым по черновой рукописи автора, хранящейся в Королевской библиотеке в Копенгагене (Den Collinske Manuskriptsamling 36,4^o V:14; 2 bl., s. 1–4). Текст на датском языке увидел свет в ежегоднике «Anderseniana» за 2017 г.

Произведение было создано в декабре 1869 года в Ницце. Возможно, побудительным мотивом этого послужило письмо Доротеи Мельхиор от 25 октября 1869 г., в котором она сообщала писателю: «Мы остановились в „Гранд-отеле“ в Каннах, расположенном у моря, и было любопытно слушать его непрерывный шум; оно наверняка поведаст вам множество сказок со dna морского; я-то их слушала, но понять не смогла, а потому жду вашего толкования».

7 декабря 1869 г. Андерсен пометил в своем дневнике: «Вечером начал писать сказку „О чем поют волны морские“». По всей видимости, автор изобразил здесь сцену гибели в морской пучине своей приятельницы Хенриетты Вульф (1804–1858), которую он называл сестрой и с которой первоначально обговаривал сюжеты многих своих сказок и историй. Хенриетта, сама страдавшая от физических недостатков (она была крайне малого роста и горбата), хорошо понимала странности поведения своего друга, нередко чувствовавшего себя ущемленным жизнью и одиноким.

После смерти родителей девица Вульф жила вместе со своим младшим братом Кристианом, лейтенантом военно-морского флота, который души не чаял в сестре и взял на себя все заботы о ней. Хенриетта очень любила путешествия, и в особенности — морские поездки. В нескольких дальних странствиях брат сопровождал ее. С ним она посетила Италию, Вест-Индские острова и американский континент. Во время одного из таких путешествий Кристиан заразился желтой лихорадкой, умер и был похоронен Хенриеттой вдали от Дании, в США. Вернувшись в Копенгаген, она никак не могла успокоиться: ее мысли постоянно возвращались к тому месту, где покоился прах брата, и ей захотелось посетить его могилу еще раз. Летом 1858 г. она, наконец, решила и в сентябре отправилась в путь на гамбургском пароходе «Австрия». Во время короткой остановки в Англии приятельница Андерсена неожиданно испытала такое сильное желание отказаться от дальнейшей поездки, что чуть было не отправилась обратно домой. Однако ночью во сне ей явился Кристиан и умолял приехать к нему (обо всем этом Хенриетта рассказала в своем последнем письме к сестре). Путешествие пришлось продолжить, а в октябре 1858 г. в копенгагенских газетах было опубликовано сообщение о страшном пожаре, 13 сентября уничтожившем в открытом море пароход «Австрия». Большинство пассажиров погибло, в их числе и Хенриетта Вульф, по-видимому, задохнувшаяся в своей каюте.

Андерсен был поражен этим известием. Испытанные писателем скорбь и боль тотчас вылились в строки стихотворения, посвященного несчастной подруге юности: «Там, на судне, горящем над бездной морской...». Долгое время дни и ночи он только и думал о Хенриетте, молился за нее и, по его собственному признанию, просил явиться ему во снах. В «Дополнении к „Сказке моей жизни“» (1871) Андерсен вспоминал: «Навязчивые думы о случившемся настолько овладели всем моим существом, что однажды днем, когда я шел по улице, мне почудилось, будто дома на ней превратились в огромные волны, катившиеся навстречу друг другу. Я отчетливо видел их движение; и в этот миг меня объял настоящий ужас — я испугался себя самого настолько, что, собрав всю волю в кулак, заглушил, наконец, снедавшую меня постоянно мысль об одном и том же. Я чувствовал, что в противном случае сошел бы с ума. И мало-помалу едкое горе сменилось тихой грустью». Неудивительно, что после

пережитого писатель неизменно отвечал отказом на многочисленные приглашения американских издателей побывать по ту сторону океана.

Эпизод с утопленницей (правда, сжимающей в своих объятиях ребенка) был включен Андерсеном в сказку «Великий морской змей» (1871), сюжет которой (переполох морских обитателей, вызванный прокладкой телеграфного кабеля) вполне могло рассказать «мудрецу» само море.

ДАТСКИЕ НАРОДНЫЕ ЛЕГЕНДЫ (DANSKE FOLKESAGN)

Впервые опубликовано в американском журнале «The Riverside Magazine for Young People» в октябре 1870 г. под названием «Danish Popular Legends». Немногом раньше, в июне того же года, Андерсен, находясь в Баснесе, записал несколько самых красивых, по его словам, народных легенд, взятых из сборников датского фольклориста Ю. М. Тиле (1795–1874) «Датские народные предания». 15 июня 1870 г. писатель отправил их своему американскому корреспонденту Г. Скуддеру, выразив пожелание, чтобы все эти легенды были опубликованы в одном номере журнала.

На родине автора о существовании «Датских народных легенд» узнали лишь после того, как история была напечатана на английском языке в 5-м томе «Сказок и историй Х. К. Андерсена» (Копенгаген, 1967). В 6-м томе «Сказок и историй», увидевшем свет в 1990 г., появилась датскоязычная версия, основанная на оригинальных рукописях и имеющая расхождения с журнальной публикацией. По ней и выполнен перевод для настоящего издания.

СПРОСИ ОГОРОДНИЦУ САМ! («SPØRG AMAGERMO'ER!»)

Впервые опубликовано 1 октября 1871 г. в датском журнале для детей «Илустрет Вørneblad», а затем — в 1872 г. в первом выпуске третьего цикла «Новых сказок и историй». Однако еще в сентябре 1871 года, во время пребывания в Петерсхое — загородном поместье Тересе и Мар-

тина Энрикес, — писатель рассказал их малолетней дочери Марии, отказывавшейся есть суп якобы из-за слишком жесткой моркови, другой вариант сказки про морковную свадьбу. Присутствовавшая при этом Энни Безант, урожденная Вуд (1847–1933), записала его со слов самого Андерсена и опубликовала в журнале «Temple Bar» за 1874–1875 гг. Приводим упомянутую сказку целиком:

«В одном из уголков огорода, на грядках которого можно было отыскать все, что душе угодно, жило-поживало славное морковное семейство, сокрытое под землей. Оно состояло из папеньки, маменьки и дочки-морковки. Все трое были весьма благонравны и держали себя подобающим образом.

Тебе надобно знать, что дочурка выросла изящной, очаровательной девицей. Она была высока и стройна, имела чудный цвет лица, а вокруг ее шеи вились прелестнейшие во всей округе пышные зеленые локоны. Неудивительно поэтому, что местные молодые кавалеры заглядывались на нее, оказывали знаки внимания, нашептывали ей о том, как она прекрасна, и были весьма не прочь просить ее выйти замуж за одного из них. Однако папенька завидной невесты с неодобрением посматривал на ухажеров, и они не осмеливались зайти столь далеко. К тому же всем было известно, что глава семейства намеревался выдать дочь за жившего неподалеку отвратительного толстого морковного старика, который посватался за девицу, когда та была еще совсем малюткой.

Бедная Краснушка (именно так звали нашу героиню) знала об этом и с тоской думала о злосчастной доле, что была уготована ей отцом, ибо всем сердцем любила своего кузена — славного, бравого юношу, такого же красавца, как она сама. Однако не было никаких оснований надеяться, что ее отец изменит свое решение, ведь он твердил, что Краснушка с детства предназначена в жены гадкому старику, поэтому она просто обязана стать его супругой, и только сам старик может вернуть данное отцом невесты слово и добровольно уступить ее руку своему сопернику.

Но у нареченного жениха было жестокое, каменное сердце: он заявил, что Краснушка будет принадлежать ему, хочет она того или нет. Злодей не внял ее слезам и доводам, когда горемычная умоляла его подыскать себе в жены другую девицу из числа прекрасных представительниц морковного рода, а, напротив, ускорил свадьбу: спешно приобрел он все не-

обходимое для их нового жилища, обзавелся кольцом и заказал пунш, который должны были подавать в день бракосочетания.

Как жестоко и непорядочно с его стороны! Но старика это ничуть не заботило, потому как он был одним из тех эгоистичных созданий, которые делают все исключительно в угоду себе. Несчастливая же Краснушка одиноко сидела в своей горнице и плакала до тех пор, пока совсем не исхудала. В свою очередь, друзья ее пытались сделать все возможное, чтобы смягчить сердце толстого, безобразного морковного деда и отговорить его от женитьбы на юной девице, которая вовсе его не любит. Но старик никого не желал слушать и заручился обещанием папеньки запретить Краснушке с кем бы то ни было видеться до свадьбы.

Наконец, настал торжественный день. Собрались все приглашенные. Молодая была разряжена в пух и прах и стояла перед алтарем рука об руку с уродливым женихом, который глядел значительно и казался еще более жестокосердным, чем прежде.

В тот момент, когда прелестная невеста устремила исполненный отчаянья взгляд на нежно любимого ею кузена и покорила своей горькой участи, сверху внезапно раздался жуткий треск, и, прежде чем кто-либо успел понять, что происходит, гадкого старика схватили за его зеленую шевелюру и утащили наверх: он исчез где-то над головами гостей и больше не возвратился.

То-то все обрадовались, ведь Краснушка, наконец, могла выйти замуж за своего возлюбленного и больше никогда не кручиниться! Так она и сделала — прямо там, перед алтарем — и с тех пор была необычайно счастлива.

Ну а теперь следует рассказать о том, что спас Краснушку добрейшей души садовник. Это он выкрал коварного старика из-под венца, и поскольку тот был злым и жестокосердным, он забрал его из благословенной, счастливой земли, где старикашка обитал прежде, и отнес кухарке, которая порезала старого на кусочки, сварила в супе и подала к столу, чтобы его съели, потому как лучшей участи он не заслужил!»

«Морковный» мотив роднит оба варианта сказки с «Королевской невестой» (1821) Э. Т. А. Гофмана (1776–1822).

Дмитрий КОБОЗЕВ

ОГЛАВЛЕНИЕ

«...Твой друг Х. К. Андерсен». Вступительная статья Д. Кобозева	5
---	---

ЗАБЫТЫЕ ИСТОРИИ

Сальная свеча. Пер. Д. Кобозева	11
Эльфы Люнебургской пустоши Пер. А. и П. Ганзен под ред. Д. Кобозева	13
Король говорит: «Это ложь!» Пер. А. и П. Ганзен под ред. Д. Кобозева	16
Затонувшая обитель. По немецкому народному преданию Готтшалька Пер. Д. Кобозева	21
Бедная женщина и маленькая канарейка Пер. Д. Кобозева	25
Короткие истории. Из немецкого	30
1. Басня-то про тебя сложена! Пер. Д. Кобозева	30
2. Талисман. Пер. Д. Кобозева	32
3. Жив еще старый Бог! Пер. Д. Кобозева	34
4. Ханс и Грета. Пер. Д. Кобозева	37
5. Голубые горы. Пер. Д. Кобозева	41
Альбом с картинками в прозе Пер. А. и П. Ганзен под ред. Д. Кобозева	45
На смертном одре. История, рассказанная месяцем Пер. Д. Кобозева	88
Мои сапоги. Невыдуманный рассказ Пер. А. и П. Ганзен под ред. Д. Кобозева	91
Свиньи. Пер. А. и П. Ганзен под ред. Д. Кобозева	95
О чем поведала старая ива. Пер. Д. Кобозева	99
Картошка. Пер. Д. Кобозева	103
Яблоко. Пер. Д. Кобозева	106
Урбан. Пер. Д. Кобозева	110

Букварь. Пер. Д. Кобозева	113
Бессмертие. Пер. Д. Кобозева	122
Чего только ни говорят! Пер. Д. Кобозева	126
Уховертки. Пер. Д. Кобозева	130
Хмелевой шест. Пер. Д. Кобозева	132
Рассуждения аиста. Пер. Д. Кобозева	136
Осел в топчачке. Пер. Д. Кобозева	139
Наш старый школьный учитель. Пер. Д. Кобозева	142
Картошка. Вариант 1868 года. Пер. Д. Кобозева	147
Зеленые острова. Пер. Д. Кобозева	149
Вельможные карты. Пер. Д. Кобозева	152
«Кваканье». Пер. Д. Кобозева	158
Писарь. Пер. Д. Кобозева	163
Иведе-Аведе! Пер. Д. Кобозева	165
Письмо аиста из Суэца перед открытием канала Пер. Д. Кобозева	167
О чем рассказывают часы. Пер. Д. Кобозева	169
О чем поют волны морские. Пер. Д. Кобозева	171
Датские народные легенды. Пер. Д. Кобозева	175
Спроси огородницу сам! Пер. Д. Кобозева	189
Комментарии. Д. Кобозев	191

Ханс Кристиан Андерсен

ЗАБЫТЫЕ ИСТОРИИ

На основании п. 2.3 статьи 1 Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010 не требуется знак информационной продукции, так как данное издание классического произведения имеет значительную историческую, художественную и культурную ценность для общества

Компьютерная верстка,
обработка иллюстраций
Е. Гезенцевя

Дизайн обложки,
подготовка к печати
А. Яскевича

Бумага
сыктывкарская офсетная 100 г/м²

Сдано в печать 21.07.2022

Объем 14 печ. листов

Тираж 3100 экз.

Заказ № 24953

ООО СЗКЭО

Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44

E-mail: knigi@szko.ru

Интернет-магазин: www.szko.spb.ru

Отпечатано в типографии ООО «ЛД-ПРИНТ»,
196643, Россия, г. Санкт-Петербург, п. Сапёрный,
ш. Петрозаводское, д. 61, строение 6,
тел. (812) 462-83-83, e-mail: office@ldprint.ru.

Эта небольшая книжка по-своему уникальна. В нее вошли оставшиеся вне традиционных детских изданий писателя малоизвестные и неизвестные русскому читателю сказки и истории. Некоторые из них существовали при жизни Андерсена, главным образом, в газетных и журнальных публикациях и не были включены автором в его сборники и книги путевых очерков. Также здесь представлены сказки и истории, которые писатель считал не столь самостоятельными или незавершенными, а потому оставил в своем рукописном архиве. Они были напечатаны посмертно в датских и зарубежных изданиях (в том числе и российских) и имеют не только большое художественное значение, но и важны в плане понимания общественных и литературно-эстетических взглядов Андерсена.

На страницах «Забытых историй» представлены также несколько интересных переводческих работ супружеской четы Ганзен, к сожалению, ставших в настоящее время едва ли не библиографической редкостью. При подготовке к печати сказок «Эльфы Люнебургской пустоши», «Король говорит: „Это ложь!“», «Альбом с картинками в прозе», «Мои сапоги» и «Свиньи» пришлось проделать значительную редакторскую работу, поскольку после революции эти тексты не были востребованы в отличие от других сказок и историй Андерсена в переводах А. и П. Ганзен, над которыми до 1942 г. постоянно работала, совершенствуя их, А. Ганзен.

Снабженные обстоятельными комментариями и примечаниями произведения расположены в хронологическом порядке, что в какой-то мере позволяет проследить эволюцию творчества писателя. «Смею надеяться, что всякий, кто прочтет мои сказки в том порядке, в каком они были написаны, заметит в них постепенное развитие и совершенствование как в смысле ясности выражения основной идеи, умения пользоваться материалом, так и в жизненной правдивости и свежести», — писал Андерсен в автобиографии «Сказка моей жизни» (1855).

Особо следует отметить предлагаемый здесь новый перевод сказки «Спроси огородницу сам!», наиболее точно передающий форму и художественные особенности оригинала. Этот текст публикуется впервые. Истории же «Бессмертие», «Уховертки», «Хмелевой шест», «Рассуждения анста», «Зеленые острова», а также «Иведе-Аведе!» с момента их первой публикации, состоявшейся на русском языке в 2016 г., до сего дня не появлялись ни в датских, ни в прочих зарубежных изданиях.

Большая часть произведений этой книги иллюстрирована работами датских художников В. Педерсена и Л. Фрёлиха, созданными при жизни Андерсена к его сборникам сказок и историй и общепризнанно считающимися классическими. Две иллюстрации из американского журнала «The Riverside Magazine for Young People», выполненные М. Стоуном для сказок «Вельможные карты» и «Датские народные легенды», публикуются в России впервые. Также впервые русские читатели имеют возможность познакомиться с замечательными иллюстрациями А. Байеса к сказкам «Альбом с картинками в прозе», «Мои сапоги» и «Свиньи».

В оформлении передней стороны обложки использована работа художника Н. И. Живаго.

ISBN 978-5-9603-0741-3

9 785960 307413 >

